ПОЙНТЕР

ЖУРНАЛ О КНИГАХ И КУЛЬТУРЕ

11-12/2014

ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ | ФРАНСУА ОЗОН | ЕЛЕНА ЧИЖОВА
СТЕФАНИЯ ДАНИЛОВА | 200 КНИГ НА ЦЕЛЫЙ ГОД ПО ЦЕНЕ ОДНОГО ЖУРНАЛА

ЕЛЕНА ПЕТУШКОВА

Главный редактор

После третьего звонка в зрительном зале гаснет свет. Медленно погружаясь в шепчущую и покашливающую темноту, ряды кресел размываются, как попавшая под дождь акварель. И постепенно, пока просыпаются огни рампы, как кадры в комиксе, проявляются на чернилах между сценой и глазами зрителей – занавес, просцениум, светящиеся ожиданием глаза соседей по ряду. В какой-то момент гул жизни исчезает, словно выкрутили ручку громкости до минимума… И в этот момент возможно любое волшебство. Можно увидеть, как из вытертых множеством актёрских ног досок сцен вырастают деревья в вишнёвом саду. Едет поезд. Крошечная хижина в заснеженном лесу дарит светом окошка отчаявшимся путникам надежду. Возможно всё. Момент, когда обыденная жизнь растворяется в искусстве, растворяется в творчестве, когда плюющийся паром паровоз съезжает с белой простыни в зрительный зал, когда актёр играет твою жизнь, а одна-единственная картина отражает все твои мечты, стремления, желания, надежды.

Каждому из нас суждено хоть раз в жизни испытать нечто подобное. Но не всем повезёт оставить после себя нечто, что зажжётся новой звездой в чернильно-чёрном небе. В небе, куда устремлены впитывающие звёздный свет глаза.

Мы подсластим пилюлю. Мы дарим вам каталог людских талантов. Можете, как в магазине IKEA, ходить среди выставленного товара, примеряя его к своей жизни. Берите в руки, нюхайте, можете даже лизнуть. Найдите своё отражение в одной из книг…

Найдите до того, как занавес опустится в последний раз, чтобы уже не подняться.

Поклон. Затемнение.

Завтра поверх старых афиш появятся новые.

ПРАВИЛОВ АЛЕКСАНДР
шеф-редактор
pravilov.a@bookvoed.ru

БАБИН АРТЕМ
дизайнер

ПРОХОРОВА КРИСТИНА
иллюстратор, дизайнер
poepoe@bk.ru

МАТВЕЕВА КРИСТИНА
директор по рекламе
matveeva.k@pointer-magazine.ru

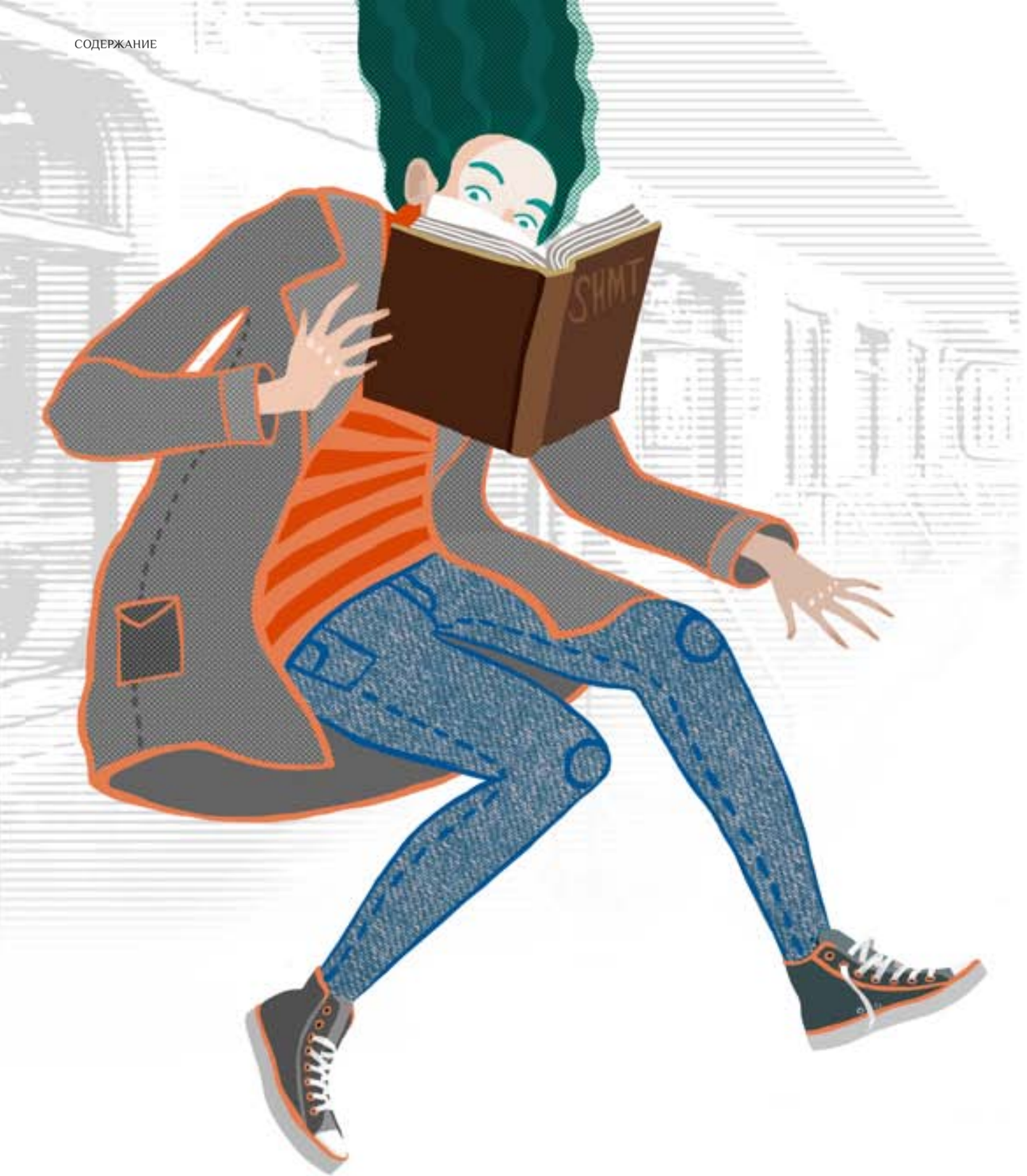
ФРАНЦУЗОВА-ЯНУШ КРИСТИНА
журналист, редактор кинораздела

КУЛИКОВА СВЕТЛАНА
журналист

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-52977 от 01 марта 2013 года

Выпуск № 11-12 ноябрь-декабрь 2014 г.
ООО «Просветкнига»
192029 г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86, литер А
Главный редактор: Петушкова Е. А.
Адрес редакции: 195197, г. Санкт-Петербург, ул. Минеральная, д. 13, литер А3.
Телефон/факс: +7 (812) 346-53-27
Подписано в печать: 30.10.2014
Тираж 2 000 экз.

Издатель не несёт ответственности за содержание рекламных материалов. Все рекламируемые товары и услуги имеют необходимые сертификаты и лицензии. Авторские материалы не являются рекламными. Точка зрения автора может не совпадать с мнением редакции. Любая перепечатка или копирование авторских материалов возможна только после согласования с редакцией.
Информационно-аналитическое издание. Цена свободная.

6-11
ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ
Пламенная душа с отсутствием недостатка опыта

12-22
МОЛОДЁЖНЫЙ ТЕАТР НА ФОНТАНКЕ
Арифметика творчества: восемь новелл / два творца = четыре танго

Игра в невесомость от первого лица

24-29
ЛЕВ НАУМОВ
Архипелаг таланта

30-33
ЕЛЕНА ЧИЖОВА
Не грибной сезон

34-37
АННА МАТВЕЕВА
Поперёк магии

38-43
СТЕФАНИЯ ДАНИЛОВА
20 советов в рифму от двадцатилетней

44-46
КИРИЛЛ КОРКОНОСЕНКО
Страсти по Гарридо в китайском соусе

48-51
ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ
Мир, в котором хочется жить

52-54
ШАШИ МАРТЫНОВА
Музыка, под которую танцует читатель с автором

56-61
ИРИНА КОНСТАНТИНОВА
«Я часто уходила далеко от оригинала для того, чтобы приблизиться к нему»

62-69
КОНКУРС CLEVER

70-75
КОНКУРС «НОВАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА»

76-85
ВЫБОР ЖУРНАЛА «ПРОЧТЕНИЕ»

87-89
АЛЕКСАНДР АЛЬПЕРОВИЧ
С живой классикой не будет горя от ума

90-97
ДЕТСКИЙ ОБЗОР

98-105
ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

107-111
ЖАН-ЛЮК ГОДАР
Пёс, бегущий краем моря...

112-119
ТВОРЧЕСКИЙ ОБЗОР

120-123
ФРАНСУА ОЗОН
Искусство отвлекающего манёвра

124-129
КУЛИНАРНЫЙ ОБЗОР

130-137
МИР ВОКРУГ

138-147
К ПРОЧТЕНИЮ

ПЛАМЕННАЯ ДУША С ОТСУТСТВИЕМ НЕДОСТАТКА ОПЫТА

Главный герой грандиозного спектакля, который мы задумали воплотить на сцене несуществующего театра для глаз невидимых зрителей. Уже не Гран Гиньоль, но ещё не Гранд-опера. Мы говорим о театральной сцене и просто о сценах как о творческих пространствах, в которых проявляется и развивается талант неординарных людей. А ведь каждый из нас несёт в себе споры творчества, но не всем в жизни суждено поймать ветер в паруса, как крапивинским мальчикам. Или как Эрику-Эммануэлю Шмитту – невероятному французу, у которого Бог может быть Розовой Дамой, а отсутствие недостатка опыта может быть поставлено автору в вину критиками его творчества: не знаешь, за что ругать! Кому-то может показаться, что Шмитту просто повезло: баловень таланта – музыкален, чувствует сцену, режиссёр от Бога, а пишет – будь то крупная форма или рассказы – неизменно сильно и бесповоротно незабываемо. Для кого-то и в театре играть кажется пустым занятием: вышел, отработал текст, собрал поклоны. И никто не верит в то, что Шмитт, который сейчас так заразительно хохочет на встречах с поклонниками и журналистами, когда-то считал, что писатель из него не получится. И у него нет возраста: он – Оскар, но в том варианте, когда мальчик сам стал Богом. У него в достатке любви для всех своих «детей» – пьес, фильмов, книг. А в душе достаточно пламени для того, чтобы сделать ещё очень многое, ведь его «Кармен» ещё не написана. Мало того, этот ноябрь в Петербурге – время танго о любви под музыку Бизе. И руководить парадом из зала Молодёжного театра на Фонтанке будет «самый молодой из самых опытных» в прозе театра – сам Шмитт.

– Месье Шмитт, раз уже встреча наша проходит в России, то начать интервью хочется с российских реалий. Одно из важнейших театральных событий этой осени в Петербурге – фестиваль в Вашу честь в Молодёжном театре на Фонтанке. Спектакли по Шмитту в России неизменно проходят на ура, но здесь – сразу целый фестиваль! С чего началось это событие? Почему решили согласиться на участие в этом событии? Что лично Вы привезёте с собой в ноябре в Петербург?

– Когда я услышал, что в Санкт-Петербурге устраивают фестиваль Эрика-Эммануэля Шмитта, я подумал: «Какая чудесная новость! И как приятно слышать, что это произошло, пока я ещё жив!» *(Хохочет вместе с переводчицей.)*

Конечно, я сразу загорелся желанием увидеть этот фестиваль. Его организаторам было хорошо известно, что иногда во Франции я и сам выхожу на сцену, а не только выступаю в роли драматурга, и они мне предложили выступить с авторской программой «Тайна Кармен».

Музыка занимает очень важное место в моей жизни.
Я легко могу прожить целый день, не написав и не прочитав ни строчки, но без музыки я просто не могу.
Музыка – это я сам.

– И какая же тайна?

– Чтобы ответить на этот вопрос, начну издалека.

Музыка занимает очень важное место в моей жизни. Я легко могу прожить целый день, не написав и не прочитав ни строчки, но без музыки, причём, не просто не послушав её, но и не сыграв самому, я просто не могу. Музыка – это я сам. Всё, что во мне есть самого живого, резонирующего в созвучии с внешним миром, чувственного, появилось благодаря музыке и моей любви к ней. И музыканты для меня – не просто люди, исполняющие музыку, а некие духовные проводники, философы созвучий. Они не только делают мою жизнь приятнее, а реально помогают мне жить.

Великие музыканты уже становились героями моих произведений: я писал о Моцарте и Бетховене. К тому же, если говорить о Франции, людям из музыкальной среды очень нравится, как я говорю и пишу о музыке. И вот парижская опера Гарнье (Гранд-опера; один из самых известных в мире и красивых оперных залов. – **Прим. ред.**) попросила меня обратить внимание на оперу, чтобы поговорить с современным зрителем об одном из гениев оперной сцены. И я предложил сделать спектакль-концерт, этакое исследование, практически расследование жизни Жоржа Бизе. Он был весьма интересным человеком: одновременно известным самому широкому кругу публики и овеянной многочисленными тайнами личностью. Поэтому неизвестно об авторе «Кармен» много больше, чем известно. То же справедливо и в отношении его знаменитой оперы. Кстати, в спектакль включены отрывки из практически неизвестных произведений композитора. Конечно, основу всего концерта составят отрывки из «Кармен». Я попытался раскрыть главные тайны жизни Бизе, донести его секрет до зрителей, до всех, кто придёт увидеть и услышать этот спектакль-концерт. Я очень долго готовился к этой постановке, даже провёл настоящее полицейское расследование, тем более, что в жизни Бизе было достаточно загадок, которых хватит на детективный роман. Он и умер, кстати, сразу после премьеры своей триумфальной «Кармен» (в основу оперы положено либретто Мельяка и Галеви по мотивам одноимённой новеллы Проспера Мериме. – **Прим. ред.**). В своём расследовании я ставил цель узнать, что стало настоящей причиной смерти: болезнь, суицид или убийство.

ВЕСЬ МИР ЗАВИДУЕТ РУССКИМ: У НАС – ЛУЧШИЙ ТЕАТР

– Недавно в том же Молодёжном театре состоялась премьера спектакля «Четыре танго о любви» по пяти новеллам вашего авторства. Режиссёр спектакля – Сергей Морозов, ученик Семёна Спивака, худрука театра. Вы, как драматург, в чьих пьесах играли Бельмондо, Ален Делон, Фанни Ардан, что можете сказать о российской постановке – и с точки зрения профессионала, и на уровне зрительских эмоций?

– Я вам сейчас скажу то, что говорю не только в России, но и везде, во всём мире: самые лучшие постановки моих пьес – в вашей стране. Мне кажется, что Россия – это страна театра и настоящих мастеров сцены. Русские актёры всегда играют с такой страстью, с таким нетерпением и самоотдачей, словно они спешат прожить каждый момент на сцене и сделать это так, чтобы от их вовлечённости в образ, жизнь, судьбу персонажа воспламенялось сердце и самого актёра, и каждого, кто сидит в зрительном зале. Да что там: играют так, словно вот-вот пожар поглотит весь театр! Вот такая игра, такой театр – это очень по-русски. В духе вашего характера и мироощущения.

Самые лучшие постановки моих пьес – в вашей стране.

У меня есть ощущение, что русские актёры так играют в театре, потому что они, как и все вы, живущие в России, существуют в этом мире с острым ощущением настоящего момента, стараясь получить от него всё, потому что словно ожидают, что всё это внезапно и в один миг может закончиться. Вот сейчас всё хорошо, а завтра – конец света. *(Улыбается.)* Можно провести аналогию с

танцами на вулкане. Именно это обречённое ожидание в горении настоящего момента и придаёт вашим театральным постановкам такие неповторимые качества. Актёр вовлечён в игру всецело, без остатка!

– Сам себе завидую, что живу в России, где есть такой театр... *(Хохочут оба – Шмитт и переводчица.)*

– Может, вы-то как раз и не отдаёте себе отчёта, каким богатством обладаете, потому что лучше всего видно со стороны.

– Раз уж заговорили о силе воздействия актёрской игры на зрителя... Вы неоднократно имели возможность ознакомиться с репертуаром русских театров вживую. Скажите, что общего у русской и французской театральной школ, у языка их сценических постановок? А что, напротив, делает их непохожими друг на друга?

– Французская театральная школа испытала большое влияние методики Станиславского. Другое русское имя – это Чехов. Постановки его пьес – это большая и очень важная часть французского театра. Но это если говорить о современном состоянии. Что же касается традиций, то они не просто разные, а в чём-то противоположны друг другу. Французский театр в основе своей – придворный. Вначале был Людовик XIV и первые временные театры в Версале. И от той манерной эпохи так повелось, что слово, произносимое со сцены, очень важно. Когда французский актёр играет роль, то его сердце и разум вовлечены в процесс, но его тело не задействовано: оно – сосуд, но не активный инструмент. Французская театральная школа, как и сами традиции общества, не позволяет телесности даже не то, чтобы возобладать над произносимыми репликами, но и лучше всего, чтобы она вовсе не присутствовала на сцене. Важны только положения тела. Хороший французский театральный актёр стремится к тому, чтобы зритель на время спектакля вовсе перестал замечать тело самого актёра, а ощущал чистую эмоцию персонажа, воспринимал его речь как бы напрямую. Когда же я смотрю постановки с русскими актёрами, то в каждый момент спектакля вижу, что у них в воплощение образа персонажей вовлечены и разум, и сердце, и тело – каждая мышца, каждая клеточка. Нет ни капли телесной сдержанности, знакомой мне по французской сцене. И мне это очень нравится. Это чудесно!

Во Франции позволить себе телесность в изображении персонажей могут только комедийные актёры. Но у них сердце не участвует! А в России в наличии вся триада.

– Тогда уж не удержаться от вопроса о русской версии спектакля «Оскар и Розовая дама», в котором все три роли – малыша Оскара, Розовой дамы и Бога – исполнила замечательная петербургская актриса Алиса Фрейндлих. Во Франции эти образы воплотила на сцене Даниэль Даррьё. Хочу спросить не о том, кто лучше сыграл, а что привнесла в сыгранные ею образы Алиса Фрейндлих? Увидели ли Вы как-то иначе своих героев в её исполнении? *(Писатель встречает вопрос смехом.)*

– Вы знаете, а я не видел до сих пор этой постановки! Но самое удивительное в этом вопросе то, что, куда бы я ни приехал, будь то Париж, Рим, Мадрид, города на других континентах, на автограф-сессии обязательно найдётся хоть один человек, который спрашивает меня: нравится ли мне игра Алисы Фрейндлих в спектакле по моей пьесе. Как правило, это русский человек, который решил придти на встречу со мной. И я вижу, что человек, который спрашивает меня об этом, настолько проникнут впечатлениями о постановке, которую он видел, что это буквально исходит в виде сияния из его глаз. Он весь на эмоциях! И для него это совершенно точно больше, чем просто тёплые воспоминания о хорошем спектакле. В его душе этой постановкой был разбужен всеохватный вселенский гуманизм,

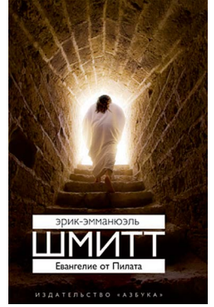

который теперь требует выхода. *(Улыбается от реплики к реплике всё шире.)*

– Эх, такой вопрос ушёл. А хотелось подытожить мощно и эмоционально, услышав от Вас, что же русского внесла в эту роль Алиса Бруновна, что же добавила такого, чего даже Вы, автор, там не видели.

– Я обещаю, что обязательно исправлю это упущение и посмотрю постановку. Возможно, мне удастся это сделать уже в ноябре.

ВЗЛЕТЕЛ КАК ОДЕТТА

– Для значительной части Ваших почитателей Вы в первую очередь замечательный писатель. Вы испытывали себя писательством ещё в детстве, но в 16 лет, сравнив свои достижения со славой романов об Арсене Люпене, решили в писатели податься позже, сосредоточившись на театре. Взяв множество театральных наград за постановки, что можете сказать сегодня о своих писательских достижениях? За что себя можете похвалить? Чем горды? А о чём ещё не успели написать, но хотите?

– Вы уже меня об итогах спрашиваете, а у меня только ещё всё начинается: вся писательская карьера – впереди. *(Улыбается.)*

У меня только ещё всё начинается: вся писательская карьера – впереди.

У меня большие планы, и в них – ещё много больших романов. Я думаю, что на то, чтобы всё задуманное реализовать, у меня уйдут годы. Пока не могу раскрыть всех карт, но работаю над большой, даже огромной книгой. Также не собираюсь прекращать писать для театра и буду делать это и впредь – с особым удовольствием. Для меня пьесы – это самое естественное выражение моего желания творить.

Театр и драматургия всегда играли особую роль в моей жизни. Мне было всего лет 10-11, а я уже перечитал всего Шекспира и Мольера. Как сейчас помню: спускаюсь из своей комнаты к столу, там родители, я им и говорю: «Только что прочитал “Ричарда III”. Какая история, боже мой!» А родители мне не верят. «Хорошо, давай-ка расскажи, в чём там дело?» А я рассказал: ни о чём не забыл! Но что я потом узнал! Они всё равно поверили бы всему, что я им ни скажи, потому что просто не читали «Ричарда III». *(На этом моменте сам Шмитт и переводчица говорят сквозь смех.)*

Театральная культура прибрала меня к рукам в самом нежном возрасте, когда мне ещё было рано творить для большой сцены.

Я вообще думаю, что театральная культура прибрала меня к рукам в самом нежном возрасте, когда мне ещё было, как говорится, рано творить для большой сцены. Вышло как с родителями: не поверили, что я на такое способен. Когда в Париже в 1991 году прошла премьера моей первой пьесы («Ночь в Валони». – **Прим. ред.**), по городу прошёл слух, что на самом деле автор этой пьесы – совсем не тот, чьё имя указано на афише, а один пожилой (не менее 60 лет от роду) и очень известный писатель. Просто никто не мог поверить, что молодой тридцатилетний мужчина просто мог так написать. И театральный критик газеты Le Figaro, самой важной в театральной среде Франции, написал рецензию на спектакль, закончив её пассажем: «Этот молодой человек катастрофическим образом испытывает недостаток в отсутствии опыта».

– Только француз может так написать. А у меня к Вам – один личный вопрос. Точнее вопрос, который я очень хотел задать лично для себя. Я люблю фильм «Одетта Тулемонд» – по Вашему рассказу, Вашему сценарию и с Вашей режиссурой. Исполнительница главной роли, Катрин Фро – великолепна! Жаль, что ей не достался «Сезар» в 2008 году! Скажите, чем лично для Вас ценен и памятен этот фильм?

– Те, кто со мной хорошо знаком, знают, что ничто из моего творчества так сильно не похоже на меня, как этот фильм. Настоящий я – между двумя персонажами: Одеттой Тулемонд и Бальтазаром Бальзаном (два главных героя фильма; разочаровавшийся в людях, в себе и в творчестве писатель Бальтазар попадает в дом к большой почитательнице его книг – одинокой женщине Одетте, с двумя взрослыми детьми и невероятным запасом оптимизма. – **Прим. ред.**). Как и Одетта, когда я счастлив, то у меня то же самое ощущение, словно я парю над землёй. Я тоже могу порой поддаваться приступам внезапной наивности. И внутри меня всё танцует и поёт – постоянно. У Одетты в голове порой звучал такой сочный негритянский джаз – это у неё явно от меня. *(Улыбается.)* Бальтазару от меня достались некоторые мрачные черты, некая писательская мука, которая гложет его, не даёт покоя, из-за чего он и пришёл к Одетте.

Снимая фильм, запечатлеваешь в основном не то, что видимо, а то, чего глаз не улавливает, незримое. Я говорю о душе.

– Вы сейчас сказали о джазе, а я вспомнил те сцены из фильма, где в комнате Одетты под её настроение двигались и даже танцевали фотообои… И это, как ни странно, роднит фильм с театральной постановкой. А насколько это разные вещи – быть режиссёром фильма и постановщиком пьесы на сцене?

– Различие между фильмом и спектаклем такое же, как между романом и пьесой. В кино есть то, что можно назвать толщей времени, временными слоями, по которым можно проследить развитие истории и эволюцию героев и ситуаций. Театральная постановка – это кристаллизация конфликта, экстракт кризиса. Основной смысловой стержень, «позвоночный столб» театра – это звучащее слово, в кино, как несложно понять, – картинка. И когда я работал над фильмом, у меня в итоге сложилось ощущение, что изменился не только мой образ мыслей, а словно мне в голову вложили совсем иной мозг. До того, как попробовать себя в роли режиссёра фильма, я привычно всё выражал словом, фразой, облекая в них всё, что вижу и о чём думаю. Столкнувшись с миром кино, с его внутренней кухней, я стал мыслить иными категориями – свет, кадр отдельный и их последовательность, что заменило мне слова и фразы. Очень точно всё это в одной фразе выразил Бергман, сказав, что кино – это театр лиц. Поэтому я, работая над фильмом, был весь охвачен желанием увидеть лица актёров, максимально приблизить их и для себя самого, и для восприятия зрителей. Немного парадоксально звучит, но, снимая фильм, запечатлеваешь в основном не то, что видимо, а то, чего глаз не улавливает, – незримое. Я говорю о душе. И я очень благодарен Катрин Фро – и за то, что согласилась работать со мной, и за её воплощение образа Одетты. Это было чудесно! Я очень старался уловить и запечатлеть её внутреннее пламя, чтобы показать его всем.

– С внутреннего огня актёра начали, этим же и завершаем. Идеальное рондо. Напоследок: одна цитата, Ваша или чья-то, в которой выражается весь Ваш внутренний огонь и отношение к жизни?

– Проживать каждый день как в первый раз!

P. S. Все самые главные тексты автора уже изданы «Азбукой» и будут издаваться там и впредь. А выбирать лучшие книги Шмитта лучше всего в магазинах «Буквоед». В одном из них есть не только собственный театр-витрина, но и практически каждый продавец в любом из этих пристаниц книжника – актёр во множестве образов.

Прожил день на сцене Александр Правилов
Сердечно благодарим лучших «книжных режиссёров» в ИГ «Азбука-Аттикус» Ольгу Бушуеву и Марию Козлову за помощь в организации интервью

АРИФМЕТИКА ТВОРЧЕСТВА: ВОСЕМЬ НОВЕЛЛ/ ДВА ТВОРЦА = ЧЕТЫРЕ ТАНГО О ЛЮБВИ

Театр – это жизнь внутри жизни, жизнь особая, но такая родная, когда актёр плачет и смеётся про каждого из нас, когда каждый зритель в финале спектакля возвращается в свой быт, обогащённый незримой частичкой сопричастности. Сотворчества. Сосуществования. Единения с чем-то большим и таким близким одновременно.

Судьба ***со-единила*** *меня с Молодёжным театром на Фонтанке 22 года тому назад, когда 18-летней девчонкой я пришла на «Танго» Мрожека. В тот день внутри меня словно ударили в колокол. Его отзвуки я слышу до сих пор. Потому и хожу в этот театр почти на каждую премьеру.*

В ноябре в Молодёжном театре пройдёт фестиваль Эрика-Эммануэля Шмитта. Да, того самого писателя, с чьим именем прочно связаны знакомые нам спектакли – «Оскар и Розовая Дама», «Фредерик, или Бульвар Преступлений», и, с особым ударением, «Четыре танго о любви». Спектакль молодой, ему всего год, но он уже подобен выдержанному вину с лучших французских виноградников, ведь мы говорим о пьесе по текстам настоящего француза.

Режиссёр постановки – Сергей Морозов, ученик Семёна Яковлевича Спивака, после окончания Театральной академии колесил по России, ставил спектакли в самых разных городах страны, что позволило ему вернуться в родной город, спустя десять лет, что называется, с чистой совестью. По возвращении он получил приглашение от своего наставника – и вот «Четыре танго о любви». Так сошлись на одной сцене Учитель и Ученик, и в нашем разговоре они тоже вместе, исполняя одну партию на два голоса. Два разных поколения, два видения, две трактовки одних и тех же событий и явлений. И две темы: театр и Шмитт.

КВАРТЕТ ЛЮБВИ

– Сергей, как появился на свет спектакль «Четыре танго о любви»?

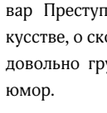

Сергей Морозов: Однажды Семён Яковлевич попросил меня найти пьесу, в которой могли бы сыграть четыре моих однокурсницы. После изучения самого различного материала я понял, что единственную пьесу, в которой может быть четыре практически равноценных женских роли одного возраста, Семён Яковлевич уже поставил – это «Три сестры». И поставил замечательно: спектакль является гордостью репертуара. Тогда я стал искать другой ход. И вдохновился мыслью перенести на сцену новеллы Шмитта. Принёс инсценировку в театр. Семён Яковлевич загорелся идеей, предложил мне начать репетиции. Но для начала решили проверить авторские права. Ответ Шмитта был: «Прав на инсценировку моей прозы я не даю и давать не собираюсь». Проект закрыли. Но сама идея была настолько интригующей, к тому же в инсценировку было вложено столько сил, что я не мог на этом остановиться. Написал письмо Шмитту. После полугода переговоров, перевода инсценировки, объяснения общего решения спектакля мы получили от автора разрешение на перенос на сцену новелл из сборника «Одетта Тульмонд» в постановке конкретного режиссёра. И в прошлом сезоне спектакль «Четыре танго о любви» появился в репертуаре Молодёжного театра. Можно смело сказать, что этот спектакль – мировая премьера данных произведений Эрика-Эммануэля Шмитта на театральных подмостках.

Молодёжный театр на Фонтанке

Не надо воспитывать гениев на каждом шагу, лучше достучитесь до простого человека, в котором заключено много ценного.

– Но спектаклем дело не ограничилось?

С. М.: Эрик-Эммануэль Шмитт – уникальный человек в европейской культуре. Поэтому вполне логично у Семёна Яковлевича родилась идея не просто театрального фестиваля, но фестиваля личности. Такой «краски» в фестивальной палитре России ещё нет.

Семён Спивак: Мы все вместе довели до ума эту идею. Нам показалось, что Шмитт пишет простые вещи, его истории узнаваемы в жизни, по таким же Серёжа сделал спектакль. Я думаю, многие зрители получают удовольствие от спектакля «Четыре танго о любви», потому что они видят, как разыгрываются сцены из их жизни, видят, как женщина защищает беззащитного поэта. Ведь рядом с ними тоже есть, пусть не поэты, но какие-то неприспособленные к жизни друзья, близкие. Шмитт в простую форму заключает нечто очень сущностное. Мне, например, нравится спектакль, который сделал ещё Владислав Пази в театре имени Ленсовета – «Фредерик, или Бульвар Преступлений». Это история об искусстве, о скоротечности актёрской жизни, довольно грустная история, несмотря на юмор.

С. М.: Я думаю, что никакой другой театр, кроме Молодёжного, не мог и не должен был проводить фестиваль Шмитта, и наше личное общение со Шмиттом в Москве это подтверждает, потому что по отношению к миру этот писатель и наш театр близки. Шмитт пишет достаточно простые истории, но так только кажется на первый взгляд, на самом деле там есть человек, забота о нём.

Шмитт пишет достаточно простые истории, но так только кажется на первый взгляд, на самом деле там есть человек, забота о нём.

– Если бы вас спросили об отличии вашего фестиваля от иных петербургских, что бы сказали?

С.С.: Я бы сказал, что многие петербургские фестивали стремятся к сенсационности – мы то и дело читаем: «Приезжает великий французский новатор...» Такая ориентированность на сенсацию ведёт в итоге к очень большим потерям. Почему я раньше любил американское кино? Потому что у них сильный средний фильм, а это значит, что на плечи среднему фильму может встать очень сильный фильм, как «Полёт над гнездом кукушки», «Однажды в Америке». Сегодняшнее кино Америки мне нравится меньше, потому что слишком уж видна денежная подкладка. У меня нет потрясений от того, что я вижу. Не надо воспитывать гениев на каждом шагу, лучше достучитесь до простого человека, в котором заключено много ценного. Надо понять, что у всех нас идёт простая творческая жизнь, и тогда будет больше хороших спектаклей.

С. М.: Подготовка к фестивалю заняла почти год. Мы долго ждали, пока такой занятой человек выкроит свободную неделю в своём графике. И ему удалось! На сентябрьской встрече в Москве Шмитт признался, что подобного фестиваля, чтобы в нём было уделено время и место всем его творческим ипостасям, у него не было. Писатель даже пошутил: «Когда я внимательно вчитался в программу фестиваля, то решил, что речь идёт не обо мне. Но идея была настолько прекрасной, что я подумал: хорошо, да, это не про меня, но я сыграю роль Эрика-Эммануэля Шмитта...» *(Смеётся.)* Поэтому в этом ноябре он на петербургской сцене исполняет роль самого себя...

С. С.: Кстати, для меня спектакль «Четыре танго о любви» закончился весьма неожиданно: актёры на сцене читают рецепты своих бабушек, для меня это так круто, так радикально. *(Смеётся.)* Этим всё сказано. Шмитт, когда ему переведут это, будет доволен. Ведь идёт борьба за человека.

– Сергей, спрашиваю не как журналист, как зритель: картина Пикассо в новелле «Подделка» настоящая или нет?

С. М.: На самом деле, так и было задумано, что зритель, уходя со спектакля, должен уносить с собой сомнения по этому поводу. Мы отдельно обговаривали это с актёрами: сыграть так, чтобы зритель не пришёл к однозначному «да» или «нет».

С. С.: Я так скажу: очень хорошо, когда в произведении есть тайна. У того же Шекспира в пьесах очень много таких тайнзацепок.

С. М.: Это для того, чтобы зритель пришёл ещё раз... *(Смеётся.)* Конечно, в спектакле есть некоторые отступления от оригинального шмиттовского текста, потому что сквозную тему он написал про ГУЛАГ, а я решил не поднимать лагерную тему и заменил ГУЛАГ неким пространством без опознавательных знаков. Во-первых, потому что на эту тему написаны более сильные произведения, во-вторых, для меня было важно то, что достоинство произведений Шмитта – в особом изяществе, в воздухе, который существует между словами. И я не хотел нарушать особую атмосферу его новелл теми ассоциациями, которые возникают у русского человека при слове ГУЛАГ.

ЗРИТЕЛЬ ПЫТАЕТСЯ КАЗАТЬСЯ ДРУГИМ, ТЕАТР – НЕТ

– Семён Яковлевич, как бы мы ни любили театр за его преданность классическим формам, но жизнь меняется – театр меняется вместе с ней, согласны?

– В моём понимании театр не меняется...

– Но как же он может не меняться, если зритель уже другой?

– Почему вы считаете, что зритель меняется? У него есть сердце? Есть. Рот? И всё остальное? Есть. Он пытается казаться другим соответственно современной модели поведения, но если спектакль настоящий, он открывает человека. Самая страшная беда нашего времени, что мы закрыты, и если благодаря спектаклю человек открывается, он уходит счастливый. Условия жизни меняются, цивилизация давит на все естественные процессы, ритм жизни убыстряется – с этим я согласен.

– Но ведь человек не может не меняться, если в его жизни появляются новые технологии, сокращаются расстояния, становится доступно то, что ещё недавно казалось фантастикой...

– Хорошо, давайте сформулируем так: мы должны любой ценой сохранять душу в русском театре. Это очень трудно. Сегодня есть понятие: «быть в тренде». Мы не в тренде. Так как жизнь усложнилась, артисты, стараясь поспеть за жизненным ритмом, не успевают особо изображать своей игрой глубину образов и ситуаций. Возникло даже целое театральное направление, сосредоточенное на форме, на мой взгляд, радикальное. Возникают разного рода лаборатории, где над старыми формами проводят творческие опыты, выдавая это за новаторство. И многие люди видят в этом новизну. На самом деле это хорошо забытое старое. К тому же сейчас у всех одна беда: все хотят создать непременно шедевр, все ориентированы на исключительность – в форме, в подаче, в ожиданиях. Чем сегодня приманивают зрителя телевидение и современное искусство? Сенсациями. Это ведёт к ужасным вещам.

– Проблема поиска новых форм всегда была очень насущной...

Чем сегодня приманивают зрителя телевидение и современное искусство? Сенсациями. Это ведёт к ужасным вещам.

С. С.: Да, формы архитектурные, формы предметов, которыми мы пользуемся, изменяются вслед за тем, как меняется образ жизни человека. Вряд ли в 70-х годах была такая, как сейчас, кофеварка. Это происходит и будет происходить вслед за прогрессом, но содержание никто не отменяет, и вряд ли оно однажды капитулирует перед формой.

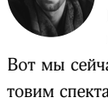
Театр это последнее искусство, которое передаётся непосредственно от человека к человеку.

С. М.: Как сказал мой брат, если бы в 80-е годы среднестатистическому зрителю показали одну из серий «Пиратов Карибского моря», то пришлось бы вызывать скорую, потому что человеку стало бы плохо от того, что он увидел на экране. Это был бы своеобразный культурный шок. Естественно, и театр, соседствуя с Интернетом, с современными гаджетами, не может...

С. С.: ...оставаться в павильоне...

С. М.: Да, форма – это тот манок, тот крючок, на который можно поймать зрителя и *втащить* его в спектакль. Вот мы сейчас с Семёном Яковлевичем готовим спектакль «Наш городок». Эта постановка должна начинаться весело, очень позитивно, с юмором, но постепенно, шаг за шагом, перед зрителем будет раскрываться драматическая подоплёка этого сюжета. Так и в жизни обычно происходит: живя в повседневности, кажущейся обыденной и поверхностной, мы постепенно открываем для себя какие-то глубокие вещи. Сегодня никакое моралите, никакая дидактика прямо в лоб не проходит, и не является легковесностью та лёгкость, которая заманивает нас в глубину, но представляется живой материе дествия, открывающей нам потайное.

ОЧАГ НЕ ДЛЯ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ

– Вы согласны, что современный театр – это своего рода монастырь?

С. С.: В монастырь новые веяния не доходят, и в монастыре не ищут новые формы. Монастырь наоборот – весьма архаичное сообщество, живущее по древним канонам. Аналогия неточная. Я думаю, театр это последнее искусство, которое передаётся непосредственно от человека к человеку. Сидит зритель, на сцене работает артист – идёт общение, без электроники, гаджетов. Если же говорить об избранности театра, как искусства, скажу так: в театр и раньше шли не все, но те, кто приходят, это безусловно наш зритель, готовый слушать, слышать и понимать. Вообще людей, которые осмысляют свою жизнь, очень мало. Это грустно, но это так. Человек, который анализирует свою жизнь, поступает правильно, потому что он приходит в этот мир для того, чтобы прибавить нечто новое к тому, что дал ему Бог. Я сказал, что театр – последнее искусство, потому что посмотрите на книги: кроме привычной нам формы возникла электронная книга. А для процесса чтения важно не только, что ты читаешь, но и как: важно переворачивать страницы, ощущать качество бумаги, чувствовать типографский запах, а ещё иногда, когда книга новая и её никто до тебя не открывал, важно осторожно разделять склеенные страницы – в такие минуты ощущаешь себя первопроходцем. В филармонии тоже, когда слышишь оркестр не в записи, а вживую, – совсем другое ощущение. К сожалению, живое сегодня уменьшается. Кстати, некоторые зрители путают телевизор с театром: иногда я вижу, что люди приходят в театр и ведут себя так, будто сидят на диване дома. У нас на «Трёх сёстрах» однажды женщина сидела на коленях своего молодого человека с бокалом красного вина в руках. Их

в антракте попросили уйти: они не понимали почему.

Театр – особое искусство, особые люди работают в театре, но мы слышим всё время предложения, что надо сокращать количество театров. И когда-нибудь эти предложения победят, потому что в нашей жизни появятся такие технические устройства, которые будут создавать полнейший эффект присутствия. Но не надо забывать: театральному искусству пять тысяч лет, и я думаю, это особая форма жизни. Возвращаясь к вашему вопросу, скажу: театр это не монастырь, а очаг.

С. М.: Мне кажется, что даже в филармонии ты, слушая музыку, остаёшься наедине с самим собой, замыкаешься в предельной концентрации, с книгой ты тоже один на один с Автором...

С. С.: ...а в театре человек ощущает себя членом сообщества, он чувствует плечо соседа и понимает, что не один.

С. М.: Недавно услышал от одного театрального деятеля: «Сегодня мы работаем на телезрителя». Так вот, уникальность Молодёжного театра в том, что за все годы существования он воспитал своего зрителя, именно зрителя, а не телезрителя. На днях на одном из спектаклей, который уже много лет в репертуаре театра, в финале, зрительный зал не просто аплодировал, он вскочил. Все 300 человек – в едином порыве, словно откликаясь на тот посыл, что исходил от актёров. Это и есть чувство единства с незнакомыми людьми, ты ведь не знаешь тех, с кем сидишь в зале. Наше время беспощадно именно в этом: оно разъединяет людей, а здесь в едином пространстве оказываются абсолютно незнакомые люди, и происходящее на сцене заставляет их чувствовать в унисон.

У нас на «Трёх сёстрах» однажды женщина сидела на коленях своего молодого человека с бокалом красного вина в руках. Их в антракте попросили уйти: они не понимали почему.

С. С.: Знаете, я только что на репетиции рассказывал актёрам, как последнего великого русского писателя Довлатова никто не считал писателем, потому что он казался всем очень обыденным человеком, – уехал из России, искал работу, познакомился с какой-то женщиной, и так далее... После его смерти оказалось, что он писал о крайне важных вещах – о жизни, обо мне, о вас, о Серёже, о зрителях – обо всех живых и настоящих людях, населяющих этот мир.

– Это вопрос временной дистанции: то, что рядом, с нашей точки зрения, ценности не имеет.

С. С.: Не думаю. Так же и с Чеховым произошло. Я читал студентам отрывки воспоминаний Мейерхольда, по которым представлялось, что Чехов был неплохим писателем, а вот Потапенко – это да, великий писатель. И кто сегодня знает этого Потапенко? А Чехова? Сами понимаете. Но я думаю,что это ещё ошибки критиков, журналистов, потому что они хотят видеть то, что им грезится, вот они и расставляют приоритеты по своему усмотрению. Но Чехов остался Чеховым, потому что не критики расставляют всё по своим местам, а время. Нам сегодня очень трудно, как Довлатову, как Чехову. Хотя я стараюсь с юмором относиться ко всему, что происходит. *(Смеётся.)* Нам помогает только вера в то, что мы делаем.

Кристина Французова-Януш

ТЕАТР ЭСТРАДЫ им. А. Райкина
Большая Конюшенная ул. 27
КАССЫ ТЕАТРА 314-66-61
25/11
начало 19.00 вторник
16+
МАСТЕР- КЛАСС
www.hakamada.ru
ИРИНА ХАКАМАДА
Фото Н. Горелов
МАСТЕР ОБЩЕНИЯ. УСПЕХ БЕЗ ЗАТРАТ.
Билеты в кассах года. Справки по тел. 924-36-77

Игра в невесомость от первого лица

В нашей жизни мало радостей, зато много труда, обязанностей, вынужденности. Иначе говоря, мало свободы. Поэтому люди испокон веков искали возможность раскрепоститься, раскрыться, вырваться на простор. Но свобода не расцветает на полях, за ней надо идти в незнакомые места, подниматься к вершинам или погружаться в бессознательное. Или искать в себе творческое начало. Или искать место, где твоё естество и бытие выглядит не таким… вынужденным. Где можно ощутить, как вслед за движением чистого искусства, которое разворачивается перед твоим взором, в тебе словно заново рождается то, что так долго в себе искал. Это — театр. Театр вглядывается в человека, как психоаналитик — в пациента, а Господь — в детей своих. И если ищешь спасения, если ищешь открытий в себе и вне себя, иди в театр. Иди, слушай, смотри.

*Приходи в Измайловский сад на берегах Фонтанки. Здесь для всех, кто готов открыться и открыть новое, есть пространство свободы, творчества, музыки и любви, в которое с каждым разом попадать всё легче, но всё труднее покидать, возвращаясь в свой мир. Особенно, если этим вечером дают спектакль «Четыре танго о любви». В нём сходятся две древних страсти человека — танец и жизнь. Мы любим танцевать и жить, мы любим наблюдать, как это делают другие. Канва этой истории, одновременно камерной и страстной, как орильеро (танго в чрезвычайно быстром темпе. — **Прим. ред.**), выстроена из пяти частей — пяти новелл французского драматурга и писателя Эрика-Эмманюэля Шмитта. Этого человека прославил дарованный ему талант владеть словом, дышащим театром.*

В новом спектакле — всё сплошь знакомые истории, о мужчинах и женщинах, что века напролёт никак не могут договориться о взаимности. Четыре сказки с несчастливым концом, четыре свершения и катастрофы где-то на пути из пункта А в пункт Б, застигнутые зрителем то посередине, то в конце, а то и вовсе — за гранью жизни. И все они сведены воедино режиссёром в месте без названия и опознавательных знаков — пространстве пятой новеллы, которая так и называется: «Самая прекрасная книга на свете». А как же иначе! В неё, как в горную реку, стекаются ручейки — «Ванда Виннипег», «Подделка, или Попугай Пикассо», «Всё, чтобы быть счастливой», «Одетта Тульмонд». Все эти ручейки-судьбы придуманы драматургом Шмиттом, обрели жизнь на сцене в адаптации режиссёра Сергея Морозова, балетмейстера Юлии Малышевой, художника по костюмам Ирины Зайцевой. И каждый из этих ручейков — голос живых людей, счастливых и обиженных. И живыми на сцене они стали благодаря актёрской игре Регины Щукиной, Светланы Строговой, Александра Черкашина, Константина Дунаевского, Людмилы Бояриновой. Спектакль непрост, и говорить о нём, вдохновляясь языком танца, можно бесконечно. Но лучше дать слово «танцорам», которые в каждом па души, исполненном на сцене, выразили то, чего так не хватает в этой порой вынужденной жизни — невесомости, задумчивости, погружения в себя, после чего следует подъём с глубины. И — ощущение свободы.

В прозе Шмитта есть запах

Регина Щукина

(Ванда Виннипег, Стаси, Изабель)

С самого начала идеей спектакля было, чтобы все главные женские роли сыграли однокурсницы. Насколько эта идея потрясающая, до меня дошло уже в процессе репетиций. Как здорово, когда на одной сцене, плечом к плечу, близкие люди. Сколько лет прошло с нашей учёбы, после института мы разлетелись по городам и весям, кто-то взлетел сразу, кто-то притаился и выстрелил позже. И вот мы, изменившиеся, прошедшие школу жизни, встречаемся на одной площадке. У меня внутри разливалось тепло от одной мысли об этом.

Сергей Анатольевич (Морозов — режиссёр-постановщик спектакля. — **Прим. ред.**) придумал такой ход: когда мы пришли на читку, то не знали, кому какая роль достанется, но предполагали, что это будут за роли, потому что прочитали новеллы и ознакомились с инсценировкой. И представляете, он сбил нас всех с толку, дав играть совершенно не тех персонажей, которых мы для себя присмотрели. У каждой из нас было ощущение: «Вот это я!? Почему?» И только позже мы поняли, как оказался мудр режиссёр, и какое это счастье для нас. Актёр с возрастом и опытом как бы надевает на себя роли-клише, с которыми он скользит по жизни, как по рельсам, и со временем ты настолько с этими образами срастаешься, что с них уже не соскочить, как с поезда. А это неправильно. Сергей Анатольевич помог нам *выпрыгнуть* из своих представлений о себе. Хотя рисковал, ведь, когда личность актёра совмещается с образом персонажа, с которым он, мягко говоря, не схож, может или случиться чудо, когда наложение даст удивительный 3D-эффект, или выйти казус, ведущий к полному провалу.

Ванда Виннипег, женщина-хищница, построила свою жизнь, задушив в себе всё живое, и она была настолько чужда мне, что я просто не знала, как подступиться к этому образу. Но, знаете, в итоге случился как раз эффект наложения — роль притянула в жизнь почти такую же ситуацию, которую мне надо было сыграть на сцене. Я её пережила и прожила, и всё случившееся помогло мне. Да ещё и убедилась, что в жизни ни от чего не следует зарекаться.

В прозе Шмитта есть запах, у других авторов такое же я ощущаю только у Ремарка.

В прозе Шмитта есть *запах*, у других авторов такое же я ощущаю только у Ремарка. Есть в этих текстах какой-то особый флёр, поэзия. Ты погружаешься в эти книги без остатка. И мир шмиттовских новелл настолько живой, что, когда я читала его, у меня картинки перед глазами возникали. И в произведениях Шмитта всегда есть крупинка эзотерики, крепкая мудрость — это всё читается между строк.

Я очень люблю театр, и это не просто красивые слова. Я ощущаю себя такой счастливой, когда держу в руках папку с новой ролью. У актёра обязательно должна быть хотя бы одна большая роль, тогда все маленькие роли он будет играть с куда большим удовольствием. Артист растёт на новых ролях. Когда осваиваешь новую роль, все прежде сыгранные роли начинают играться иначе. Они становится живее. Для меня такая роль — Жанна в «Жаворонке». Исповедь.

В актёрстве есть такой момент: игра никогда не заканчивается; мы не можем прийти домой, снять пальто и перестать быть актёром. Нет спектакля, значит, ты будешь учить стихи, думать о чём-то, что-то преодолевать в себе. Профессия актёра вроде бы такая понятная, но совершенно неуловимая — невозможно объяснить, что внутри нас *смыкается*, чтобы во вспышке внутренней энергии возникло откровение. Я работаю со студентами, но, хоть убей меня, не знаю, как донести до них суть понятия «создание образа». Семён Яковлевич нам часто говорил: «Наступит момент, и роль сама на тебя сядет». Что это значит? Это значит, что она опускается и *склеивается* с тобой. Непостижимо, но именно так и происходит.

Моя работа многие годы спасала меня от одиночества, она поддерживала меня, успокаивала, дарила мне цветы, как эмоции, и людей, как цветы. Но эта же работа очень зыбкая: сегодня ты имеешь всё, завтра ничего. Когда идёшь по коридору, по походке никто не определит — хороший ты актёр или нет. Только на площадке ты можешь проявить себя.

Вдохновение дарится за большой труд. Только так. Вдохновение не нисходит на тебя с небес, как многим кажется. Нет, так не бывает. Сложность в том, что не всегда хочется выходить на сцену: есть в психологии термин «профессиональное выгорание». Да, мы выгораем. Иногда тяжело так, будто ты каток за собой тащишь. А зритель пришёл и — будь добр, никаких больничных, «не хочу» и «не могу»…

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Светлана Строгова

(Эме, Натали)

Назначение на роль было большой неожиданностью. Для нас всех. Каждой из нас казалось, что здесь есть та роль, которая создана для неё. Но всё вышло совсем иначе. Я думала: «Господи, что я с этой новеллой делать буду, мне ведь нечего сказать!» А в результате всё получилось хорошо. Уже на первых репетициях всё неким чудесным образом стало складываться, актёры стали погружаться в своих персонажей. Это всегда удивляет, раз за разом, сколько бы раз ни происходило, когда ты начинаешь срастаться с героем, и уж точно кажется поразительным то, когда ты вдруг погружаешься в несвойственный тебе образ, но, как оказывается, он всё это время жил в тебе и бередил нутро.

Я никогда не играла в подобных постановках, рисунок спектакля был очень жёстким, при этом смотрится он очень легко, но тяжело играется. Главное, что мы осознали на репетициях: если ты хотя бы на секунду задумался о том, что ты что-то не сыграл, ты заваливаешь и себя и всех своих партнёров. Огромный стресс – я думала, что мы не выживем, но, с другой стороны, это так мобилизует.

Знаете, что мне понравилось у Шмитта? Все его новеллы – неоднозначные, невозможно сказать: «Вот этот человек плохой, а этот хороший». Когда мы репетировали, у меня было ощущение, что происходящее равносильно возвращению к себе. Такое бывает: ты живёшь как будто вдалеке от себя и вдруг, спустя годы, возвращаешься. Поворачиваешь незримый ключ в невидимой двери и – бац! – оказываешься лицом к лицу с самим собой. Это долгий путь – через страдания, потери, а у моей героини – через смерть. Но это путь к себе. Себе настоящему.

Есть тонкий нюанс в работе актёра: ты должен быть в роли и вне её одновременно. Не всегда это получается. Роль ведет тебя, но ты должен уметь входить и выходить. Быть не в бессознанке, но контролировать себя. И ещё мне нравится, что мы играем в команде, плечом к плечу, – это удивительное чувство. Я нахожусь на том этапе, когда моя профессия даёт мне многое, а не отнимает. Если что-то не клеится, я вспоминаю, что у меня есть счастливая возможность выразить себя на сцене, ведь внутри меня трансформируется особая энергия, необходимая для выхода на сцену, и я как будто лечусь. Но если нет репетиций, ролей, ты начинаешь медленно загибаться, без этого невозможно – это как путь души. Один раз войдя, ты не сможешь из этого всего выйти.

Все его новеллы – неоднозначные, невозможно сказать: «Вот этот человек плохой, а этот хороший».

ПОВОД КО ВСЕМУ

Александр Черкашин

(Жорж, Давид, Бальтазар Бальзан)

Фундамент этой постановки, объединяющий всех моих героев, – очень хорошая литература. Все компоненты, которые являются элементами литературы высокого уровня – ситуации, язык, стиль, – они все присутствуют у Шмитта. Когда вы читаете книгу, вы слышите голос автора, и у вас рождаются ваши собственные образы. Когда смотрите в театре спектакль, то подключаетесь эмоционально к непосредственному общению с живыми людьми. Конечно, спектакль – это не слепок с произведения, потому что каждый артист уже одним своим существованием привносит нюансировку, для театра это вообще не так важно – фотографическая точность персонажей, событий. Но очень важна тема: правильно ли мы угадали то, что автор хотел сказать, и насколько это вас, как зрителя, трогает. В чём-то театр богаче литературы, потому что это ещё и аудиовизуальный вид искусства, а не только вербальный: когда вы наедине с книгой, в вас протекают особые глубинные процессы, очень личные. В такие минуты с вами персонально говорит автор, написавший эту книгу, будь то Булгаков, Шмитт, Маркес, – и это неизмеримое счастье.

«Четыре танго о любви» – спектакль особенный: он построен не на пьесе, а на пяти новеллах. И этим он похож на лоскутное одеяло, сотканное из разных фрагментов-эпизодов. У нас была возможность вращать роли и сцены, как кубик Рубика, в поисках того совпадения рисунка, которое придаст всему спектаклю цельность.

Уникальность и сложность актёрской профессии в том, что актёр одновременно и инструмент и создатель. Эти вещи неразделимы, ведь в результате-то кто огонь высекает? Артист. Но огранку его образа вместе с ним создают режиссёр, автор, хореограф, композитор, художник. И автор в основе этого творческого союза, потому что именно он даёт повод ко всему. Артист – универсальное создание, он всё это впитывает, перемалывает, проживает в себе, потом все уходят, и он остаётся один, и теперь он должен включить самое главное – стать творцом прямо здесь и сейчас. На глазах у зрителя.

Если вы когда-нибудь молились настолько глубоко, что всей душой почувствовали прикосновение к Невыразимому, к тому, что нельзя объяснить, если это входит в вашу кровь и плоть, то потом на сцене вам уже не захочется играть это состояние – вы будете стремиться к тому, чтобы пережить его вновь. То же самое с артистами, это неимоверно сложный труд – взять и препарировать себя. Очень страшно публично играть, ведь мы живём на сцене не только в каких-то лицеприятных ситуациях. Например, мой герой в спектакле ведёт себя временами как трус, но играть-то я должен честно, это значит, что я и про себя это рассказываю, а зритель всё это видит и чувствует. Конечно, нам не всегда удаётся выйти на уровень откровения в зависимости от миллиона мелких обстоятельств, потому что спектакль – живой организм. Случается, ты наизнанку вывернулся, откровение произошло, а в ответ из зала не получаешь ничего, в следующий раз играешь хорошо, но не так откровенно, не на взлёте, – зритель в восторге. Необъяснимая вещь.

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Людмила Бояринова

(Изабель, Кумико)

Чем мне нравится вся наша история? Тем, что автор новелл Эрик-Эммануэль Шмитт дал большое поле для исследований и осознания. Мы вместе с режиссёром решили, что все мои героини из разных новелл связаны, и это тоже несёт в себе смысл. Связаны все герои всех историй, которые рассказываются. Спектакль получился весьма насыщенным: в нём есть много моментов, которые зритель не всегда улавливает, а они – смысловые, например, зритель не видит, какую картину мы выбрали для новеллы «Подделка, или Попугай Пикассо». Это «Деревенский танец». Там танцуют мужчина и женщина, женщина пытается к нему прильнуть, а он отстраняется. Вот вам и суть. Мне очень дорог последний монолог моей героини, когда она начинает понимать, что на самом деле важно не только, когда тебя любят, но когда любишь ты, пусть даже не взаимно. «Давай поговорим» – эти слова дают главный акцент. Это про нашу жизнь. Мы совсем разучились разговаривать. А между тем, это так просто, нужно только захотеть...

Я недавно задумалась: что же есть ремесло актёра? У балетного артиста есть станок, у вокалиста – распевки, у хирурга – узелки, а у актёра? Мне кажется, у актёра – это звук и жест. К сожалению, сегодня этому мало уделяется внимания, до революции было иначе. Сейчас жесты не говорящие, во-первых, никто не умеет их расшифровать, во-вторых, актёр редко ими пользуется. Сегодняшние актёры почти не умеют звучать, они проглатывают окончания, и зритель не слышит, по сути, самого главного – финала мысли. А знаете почему? Мы все очарованы кино, мы им избалованы – спецэффектами, усилителями звука, микрофонами, 3D, а сцена живёт совсем по другим законам – ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Всё это – живое, настоящее, подлинное, и если ты хочешь, чтобы зритель услышал тебя и понял, ты должен звучать от первого до последнего ряда. Актёр не имеет права терять форму, надо постоянно быть собранным, надо вязать узелки....

Сцена для меня – шанс рассказать про меня настоящую.

Сцена для меня – шанс рассказать про меня настоящую. Потому что не всегда удаётся поговорить в жизни даже с самой собой. Однажды в разговоре я услышала: «Вы же притворяетесь на сцене, вы ненастоящие». На самом деле, я есмь я только на сцене, пусть со мной не всегда происходит то, что я играю, но всё равно, каждая роль – это про меня. Так как я много работала в провинции, у меня большой список ролей, очень разных, и в каждой роли есть нечто от меня настоящей, такой, какой меня не знают даже друзья и близкие.

Театр вынужден меняться. Я не могу говорить за всех, но я много хожу в другие театры и вижу, что приходится делать современным режиссёрам, чтобы заманить зрителя. Наш спектакль тоже непростой, в нём много музыки, своеобразных спецэффектов, машинерия сцены задействована, но что отличает этот спектакль и Молодёжный театр – за всеми этими наворотами есть содержание.

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

Константин Дунаевский
(Олаф Пимс, Лоренцо, Флориан)

Началось всё классически: в театре повесили распределение ролей для нового спектакля, и я обнаружил себя в числе получивших роль, пришёл на читку и понял, что попал в хорошую компанию. Мы начали репетировать, и Сергей Анатольевич почему-то не делал мне никаких замечаний, так что я даже подошёл к нему и спросил: «Все в порядке?» Он ответил: «Да, ты чувствуешь материал, это то, что нужно». Мне не пришлось ломать себя для этих ролей: так часто бывает у молодых артистов, они рисунок роли выстраивают от себя. Что-то я взял из нашего дипломного спектакля «Метро», что-то придумал по ходу. Роль Олафа Пимса я выпросил у Сергея Анатольевича, потому что мне показалось это интересным. Скажу почему. Когда мы только начинали, было множество людей, которые говорили, что всё это молодежный КВН, ничего серьёзного, и меня это так задело. Захотелось примерить на себя образ такого человека, чтобы показать в последней новелле, что подобные личности – пустые люди. Есть люди, к мнению которых я прислушиваюсь, но есть те, кто критикует, чтобы самоутвердиться. И мой герой так самоутверждается, ему важно уничтожить, подавить человека. «Четыре танго о любви» – новеллы, переложенные на язык театра. В этом спектакле форма преобладает над содержанием – танцы, переходы, экран, динамичные мизансцены, перестановки. Это попытка Молодёжного театра найти новые выразительные решения. Мы ведь боремся за живое, в любом театре должны быть живые проявления – эмоции, чувства. Я часто слышу дискуссии на тему: «Как привлечь в театр зрителя?» Только двумя вещами: честностью и узнаваемостью. Зритель всегда чувствует фальшь. Он понимает, где жизнь, а где имитация. Что такое «Молодёжка» сегодня? (Летом 2015-го театру, между прочим, будет 35 лет.) Мне хочется верить, что это символ Петербурга, расположившийся в одном из самых красивых мест, в Измайловском саду. Он ассоциируется с теплом, уютом, откровением. Это место, где можно испытать душевный подъём, а не только увидеть новые формы. Люди идут сюда, чтобы увидеть «историю о нас», это всегда было на вес золота. Семён Яковлевич во всех спектаклях поднимает темы материнства, дома, семьи, душевной близости, и в наше время повального стремления зарабатывать деньги мне хочется, чтобы эти ценности сохранялись. Сцена очищает, не зря же Семён Яковлевич однажды дал определение любви, точнее, сформулировал, как её сыграть на сцене: «Любовь – это непрерывное вырабатывание чистоты душевной». Я думаю, любое творчество найдёт своего зрителя, если оно идёт от чистого сердца.

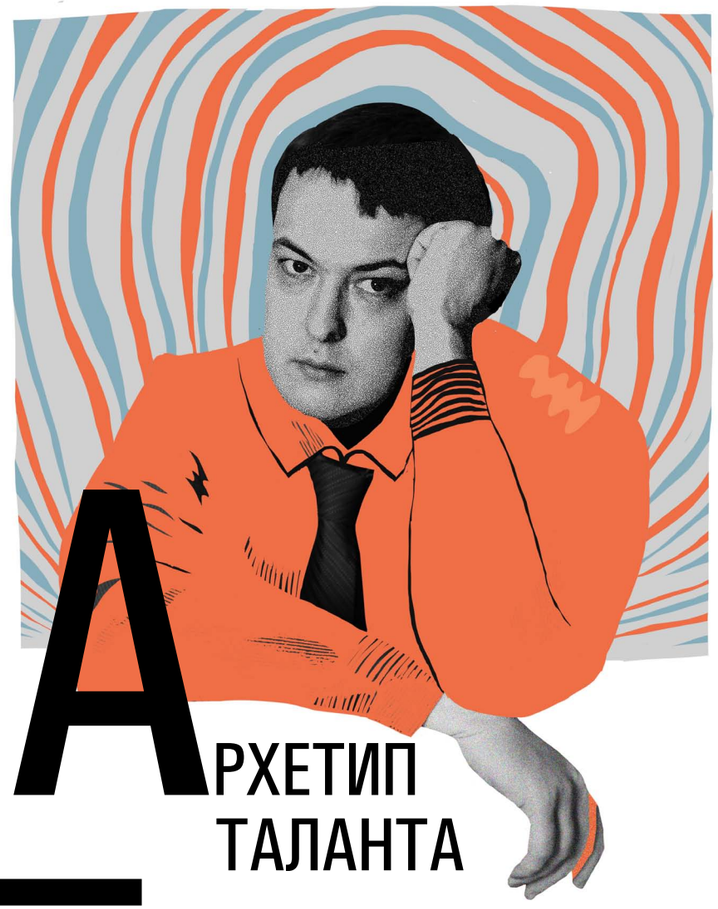
Как привлечь в театр зрителя? Только двумя вещами: честностью и узнаваемостью.

Кристина Французова-Януш

ДК им. ГОРЬКОГО
пл. Стачек, 4, касса 252-75-13
20 НОЯБРЯ
19.00

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР
ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ
ПРЕМЬЕРА
Фото Александра Горчакова
ЦАРСТВО ЖЕНЩИН
ИЛИ РУССКИЙ ПАРАДОКС
16+
Билеты в кассах года. Справки по тел. 924-36-77

Архетип таланта

Этот молодой мужчина в самом расцвете сил и творческой энергии награждён не только царственным и весьма литературным, в российских культурных традициях, именем Лев, но и умением пахать за семерых. Меметичный образ Льва Николаевича, вгрызающегося плугом в плодородную почву, меркнет перед стремлением Льва Наумова выразить творчески своё «я» в полном спектре форматов современного искусства. Он только что не танцует и не занимается живописью (хотя, возможно, широкой публике об этом просто неизвестно), но художественное слово и глубокий образ бросает в мир щедрыми горстями. Как и божественно театральный Шмитт, Наумов на каждой из «сценических» площадок – органичен и рукоплескателен. Он, по образцу homo sapiens, «человек говорящий». И ему есть что сказать в литературе, драматургии, поэзии, кино и музыке. Потому что среди вселенской энтропии элементы творчества имеют обыкновение перемешиваться в самых причудливых комбинациях. Поводом для разговора со Львом стала книга его рассказов и пьес «Шёпот забытых слов». Её выпустило самое трендовое издательство города – «Амфора».

– Лев, главным героем этого номера журнала «Пойнтер» стал Эрик-Эммануэль Шмитт, ради которого благодарные российские театралы сделали целый фестиваль. Шмитт – фигура выдающаяся: и музыкально, и литературно одарённый, одинаково хорошо умеет ставить свои тексты на сцене и снимать на их основе кино. С Вами – такая же история: драматург, режиссёр, писатель, поэт, эссеист, биограф, директор кинофестиваля. И вам всего 32 года: длинная творческая жизнь впереди. Судя по тому, что желаете охватить своим вниманием все виды творчества, есть повод думать, что Вам или тесно в рамках, или хочется большего. Что для Вас творчество, что оно Вам даёт, что хотите через него передать людям?

– Спасибо за такое вступление: мне, не скрою, лестно находиться в одном творческом пространстве с Эриком-Эммануэлем Шмиттом. Это весьма важный и дорогой для меня автор. Я в высшей степени ценю его драматургию – пьесы «Гость», «Загадочные вариации»... Эти тексты, признаться, мне кажутся более существенными и новаторскими, чем его нашумевший религиозный цикл. Шмиттовское «Евангелие от Пилата» вызывает во мне совершенно белую зависть и досаду – я прочёл роман, когда вынашивал отчасти похожую идею, воплощение которой после этого показалось мне абсолютно бессмысленным.

Между тем, если вернуться к вопросу, то я бы не говорил о какой-то «тесноте» и «рамках». Для меня между перечисленными вами сферами деятельности нет чётких водоразделов. Они не мешают, а напротив – дополняют и обогащают друг друга. Очевидно, что разные сферы искусства обладают изоморфизмом. Когда я рассказываю студентам, например, о драматургии, то половину примеров привожу из литературы, а половину – из живописи. Это и нагляднее, и яснее – мы сразу видим произведение целиком, тогда как текст кто-то читал, а кто-то – нет. При этом принципы сюжетного устройства одни и те же. В этом смысле, такая полифония сфер деятельности продиктована не столько желанием «чего-то большего», сколько стремлением подойти несколько ближе к заветному результату (не будем придумывать для его обозначения высокопарных названий).

Шмиттовское «Евангелие от Пилата» вызывает во мне совершенно белую зависть и досаду – я прочёл роман, когда вынашивал отчасти похожую идею, воплощение которой после этого показалось мне абсолютно бессмысленным.

Сейчас нередко можно услышать, что человек XXI века – субъект с множеством профессий. Речь не идёт о том, что он должен совмещать какие-то далёкие друг от друга вещи – быть кулинаром-шпалоукладчиком или логопедом-тренером по фитнесу. Но я согласен с тем, что человеку, делающему только что-то одно, не очень легко в наш атомный век. Он может этого даже не осознавать и не чувствовать, но, по крайней мере, мне кажется, он не получает от исторического момента столько, сколько мог бы. А кино, режиссура, fiction и non-fiction литература – они сочетаются великолепно.

Что это даёт? Это не так легко объяснить широкому кругу лиц, поскольку мало кто может представить себя на месте автора и понять круг его проблем, целей и методов. В данном тезисе нет снобизма, но нужно отдавать себе отчёт, насколько сильно это затрудняет задачу. Как много людей оказывается в космосе? Единицы. Вы почитайте мемуары или интервью с космонавтами. Что они рассказывают о сильнейших впечатлениях и том, что им дал полёт? Они начинают говорить об открывающемся с орбиты виде, об ощущении мизерности человечества в географическом аспекте или величия – в технологическом. Я в космосе не бывал, но мне кажется, что это даёт несколько больше. У меня довольно редкая работа (по крайней мере, в сравнении с работой менеджера среднего звена) – я имею дело с творческой фантазией. В большинстве случаев – со своей собственной. Иногда – с чужой, как в случае кинофестиваля, или когда вхожу в жюри литературных премий, или если пишу о неком авторе. Человечество фантазирует три тысячи лет (считаю чрезвычайно грубо – от эпоса о Гильгамеше). Это создаёт очень мощный контекст, огромный корпус для отсылок в прошлое и прогнозов на будущее. И скажу честно: вряд ли можно найти занятие интереснее.

Иллюзия текста и орфография кино

– И предыдущий ответ как переход ко второму вопросу. Какой могла бы быть самая лучшая награда, признание, благодарность за Ваше творчество?

– Я предпочитаю об этом не думать. Мне кажется, очень вредно при написании (если мы говорим о литературе) размышлять о том, как текст будет воспринят. Не стоит слишком много думать о читателе, представлять его себе, адаптироваться под него. Это создаёт существенный риск удариться в пошлость. Несомненно, что когда произведение уже написано, то очень приятно, если оно востребовано и воспринято (я не говорю «понято», поскольку плох тот текст, который столь поверхностен, что сам автор понимает его до конца). Отрадно получить доказательства силы текста – убедиться, что ты что-то предугадал, верно объяснил. Это может создать иллюзию того, что слово на что-то влияет, а также иллюзию того, что это вовсе не иллюзия.

Леонид Абрамович Юзефович сказал как-то, что любое произведение после написания шагает по некой карьерной лестнице. И апогея своей карьеры оно достигает, если начинает восприниматься в качестве

исторического источника. Только что у меня вышла книга «Шёпот забытых букв», в ней двадцать один рассказ и три пьесы. Самая известная из последних, пожалуй, – пьеса «Однажды в Маньчжурии». Там дело происходит по время русско-японской войны, поэтому персонажи – русские солдаты и офицеры в плену у японцев. Сюжет пересказывать не буду, но после того, как пьеса была поставлена в «Школе современной пьесы» и на радио «Культура», мне стали поступать отзывы от историков и синологов.

Ещё Тарковский говорил, что правда искусства и правда жизни — это совершенно разные вещи. И, разумеется, он прав.

Одни были благожелательны и говорили, что, дескать, прекрасное повествование, но их страшно интересует, на каких именно документах и свидетельствах оно основано. В каких архивах я работал? Другие, напротив, негодовали, что японцы никогда не могли бы так себя вести и что всё это возмутительно в высшей степени. Я, признаться, этому очень радовался: к моему полностью выдуманному миру стали подходить с историческими мерками. А ведь всё это придумано от начала до конца. Да, герои читают в пьесе совершенно реальную книгу. Да, обстоятельства Мукденского сражения и все прочие факты из той эпохи, ставшие общим фоном пьесы, полностью соответствуют документам, но на авансцене нет ничего, что не было бы плодом воображения. И то, что вначале было плодом художественного вымысла, начинает работать как альтернативная реальность. Вот это важно, ведь ещё Тарковский говорил, что правда искусства и правда жизни – это совершенно разные вещи. И, разумеется, он прав.

– Кинофестиваль ArtoDocs, чьим директором Вы являетесь, был создан с целью «развития кино именно как вида искусства» (цитирую с сайта). Почему именно кино нуждается сегодня в добавлении в него доли искусства? А что с театром, литературой, той же поэзий, наконец, которая, если погрузиться в изучение вопроса, буквально фонтанирует сегодня новыми именами, желающими оставить след?

– Вопрос никогда не стоял так: «Ах, какой бы фестиваль нам создать? Может поэтический? Может литературный? Или театральный?» Кино – это особый вид искусства, и хотя кинофорумов сегодня в обилии, нам виделась лакуна, которую мы своим фестивалем и заполнили. Что отличает кино от других форм творческого диалога? Во-первых, фильм не сильно полагается на фантазию своего потребителя – зритель видит готовый «сон режиссёра». Во-вторых, кинолента несёт в себе много больше информации, чем текст, музыка и изображение по отдельности, его выразительные возможности удивительны, особенно в наше время. При этом я воспринимаю фильм, как высказывание на особом языке кино. Этот язык совершенно иначе строится, чем привычные вербальные конструкции, но обладает орфографией, пунктуацией, синтаксисом, даже разными диалектами... И вот при таком подходе перестаёт быть ясной существующая терминология, и уже не так-то просто сказать, что такое сегодня – кино. Одно понятно: этот термин адсорбировал слишком большое количество феноменов, так что и

Кино может обращаться к интеллекту, к сердцу, поджелудочной железе или мочеполовой системе.

до словарного коллапса недалеко. Если нам обещают «показать кино», на экране можно ожидать и «Любовь-морковь», и «Броненосец “Потёмкин”». Фильм может быть чёрно-белым и цветным, звуковым и немым, 2D и 3D, динамичным или вырожденно-статичным в духе композиции «4’33”» Джона Кейджа. Кино может обращаться к интеллекту, к сердцу, поджелудочной железе или мочеполовой системе. Наконец, это может оказаться плодом труда группы профессионалов с бюджетом в миллионы долларов, или тем, что снял один человек на свой недорогой фотоаппарат.

Мне кажется, что сейчас кино занимает ту же нишу, что салонная поэзия в XIX веке. Кто такой «профессиональный поэт»? Оценки дают по результатам. В салоне ни с того ни с сего может появиться Пушкин, который потом станет началом отсчёта для целой эпохи и «нашим всем». К сожалению, в салоне могут обретаться и чрезвычайно талантливые, но незамеченные персонажи (как поэт Языков, например). В салоне, разумеется, в основном очень много проходного материала. Практика показывает, что пять сотен фильмов, увиденных у Наума Ихильевича Клеймана в Музее кино, дают куда больше, чем диплом ВГИКа. Хвала небесам: иногда заядлый синефил и студент киновуза оказываются одним и тем же человеком. Тогда появляется толковый кинематографист.

Кинофестиваль ArtoDocs – это такой «салон», существенно отличающийся от других. Мы отринули множество формальностей, связанных с тем, на какие фильмы обращать внимание – и своё, и зрителей. Мы подключили режиссёров-участников к голосованию за лучшие работы. И ещё мы ведём научно-исследовательскую и реставрационную деятельность, проводим ретроспективы и спецпоказы.

География конкурса обширна. В этом году лауреатом Гран-при за лучший игровой фильм стал кинематографист из Тринидада и Тобаго Яо Рамесар. Пресса на его родине сразу начала радоваться, что впервые в России обратили внимание, что и у них происходит некий кинопроцесс. А ведь если это так, то это странно. Рамесар, в общем, довольно известный режиссёр, выступающий с мастер-классами по всему миру, а отмеченная нами картина «Сестра-бог» – всего лишь первая часть его мистической трилогии. Мы перелопачиваем довольно много материала, чтобы подобные вещи не уходили в песок.

ВИНТАЖНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

– О Вашей писательской манере говорят, что, дескать, «Наумов пишет винтажно». Вот так номер: автор в самом расцвете сил пользуется выразительными средствами если не эзопова языка и не напевов в духе слепого Гомера, но не желает пополнять ряды тех, кто хлещет неологизмами, безбожно поливает действительность сарказмом. И всё же, как это – «винтажно» в Вашем случае: как у Лескова, как у Чехова или как у Акунина? На каких образцах строили свой стиль?

– Если мы сейчас про «Шёпот забытых букв», то там нет особенной стилизации текста, кроме разве что прямой речи персонажей. А уж Елизавета Английская и Ахилл говорят «винтажно» по нынешним временам, что греха таить. В остальном текст книги – это почти что естественная речь для меня. Винтажное ли у нас получается интервью?

Полагаю, это сказал кто-то из критиков, и им, вероятно, виднее, чем мне. Но иногда их суждения вводят в замешательство. Кто-то говорит, что я пишу «интеллектуальную женскую прозу», кто-то, что «суровую мужскую». Меня называли и «латиноамериканским писателем». Говорили, что я продолжаю традиции немецкой литературы и что наследую шведской. Я всё это читаю и слушаю с интересом, хотя последнее смешно невероятно. К стыду своему должен признать, что я не настолько хорошо ориентируюсь в шведской литературе, чтобы из неё что-то наследовать. Сказки Лагерлёф и Янссон – это совсем не мой жанр. Ларссон мне чужд. Я обожаю Сведенборга, как и многих других христианских мистиков, как Экхарта, как Бонавентуру, и какая разница, кто из них швед, кто немец, кто итало-француз? Стриндберг для меня важный автор, но я от него скорее отталкиваюсь, чем что-то наследую.

Я осознанно стиль не строил, из чего не надо делать вывод, что на него никто не повлиял. Повлияли и ещё как! Я стараюсь по минимуму читать книги, которые не способны повлиять. Просто это влияние столь комплексное и сложное, что мне самому оно неочевидно. Если провести параллели с музыкой: какой традиции принадлежит композиция, в которой звучат ситар и волынка? Музыковеды придумали термин world music и успокоились. Но сейчас это понятие вмещает в себя столько, что не значит уже почти ничего. В литературе происходит похожий процесс культурной глобализации.

– «Амфора» издала сборник Ваших пьес и рассказов под названием «Шёпот забытых букв». Но из трёх пьес, вошедших в книгу, две точно не забыты, получив литературные премии. Предисловие к книге написали постоянный соавтор Александра Сокурова Юрий Арабов и вечный Дмитрий Быков. Арабов даже слегка завидует, как Вы из истории, географии и философии точными медицинскими надрезами творите фантастических существ в образе текстов. Быков сравнивает вас со Стоппардом и Радзинским, кланяясь в пояс уму наумовских текстов. По сути, они сказали главное о Вашем мастерстве. Поэтому спросить хочется о том, чего пока нет в текстах Наумова: какая тема или форма пока не даётся, о чём хотите написать, но масштаб ошеломляет?

– Не могу сказать, что проблема упирается в масштаб. Как у большинства активных людей, главная моя беда – нехватка времени. И не просто свободного, а пригодного для работы, спокойного, умиротворённого, происходящего не в ожидании телефонного

звонка и не в перерыве между встречами. Есть идея, которую я хочу воплотить в ближайшем будущем, но прекрасно понимаю, что в самом лучшем случае смогу взяться за неё примерно в середине будущего года. Этот сюжет мне очень дорог, и потому я о нём пока ничего говорить не стану. Сейчас я пишу довольно большой non-fiction – книгу об Андрее Тарковском, о позднем периоде его жизни, о его пребывании в Италии, съёмках «Ностальгии». Для этой книги мы с моей женой совершили автопробег по важным для цельного восприятия картины местам общей протяжённостью 12 400 километров. Однако и от книги о Тарковском я сейчас буду вынужден отвлечься на несколько месяцев, а то и на более долгий срок. Всё это рассказываю, чтобы объяснить – проблема вовсе не в масштабе.

ТЕАТРАЛЬНАЯ РАСЧЁТЛИВОСТЬ

– Шмитт на эту тему высказался, теперь интересно мнение нашего человека. Лев, что общего и в чём принципиальная разница между языком театральной постановки и литературного произведения? Задачи-то выполняют одни и те же, но вот какими средствами вооружена каждая из сторон?

– Художественные тексты, будь то рассказы, повести или романы, разворачивают некую реальность в голове читателя, там же, в уме, происходят все основные действия. Автор отдаёт свой художественный мир на откуп, снабдив большим или меньшим количеством деталей. Пьеса же предполагает создание зрелища, которое люди будут воспринимать совсем не так, как текст. Перед зрителями в зале артисты будут ходить по сцене, говорить и совершать действия. Поэтому автору нужно принимать во внимание очень многое, включая законы физики, удобопроизносимость речи, скорость перемещения персонажей, аттракционную составляющую, смену места действия... Некоторые, как например ваш покорный слуга, думают о декорациях с самого начала. Такой жанр, как «пьеса для чтения», представляется мне эфемерным. Пьеса – для театра. Не хотите, чтобы ставили, – пишите другую прозу.

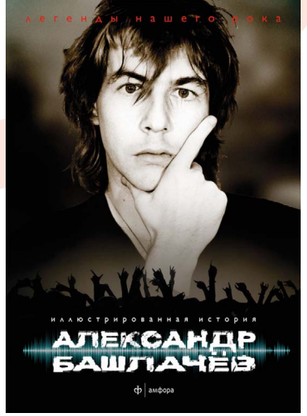
Конечно, существуют блестящие театральные постановки, например, «Бесов» в петербургском Театре Европы или «Улисса» в московской Мастерской Петра Фоменко. От этого данные произведения не перестают быть романами. На их основе пишутся инсценировки, которые принимают во внимание существование коробки сцены и живых артистов. И нет смысла говорить ни о конгениальности, ни даже о синонимичности первоисточников и спектаклей.

В драматургии для театра есть множество ограничений, но есть и важные преимущества. Пьеса – жанр непосредственного, достаточно управляемого, практического и конкретного воздействия. Ибсен своим «Кукольным домом» сделал для признания прав женщин больше, чем политики и феминистки его времени. Более того, ему приходилось адаптировать сюжет для вящего доверия зрителей: в варианте для патриархального Лондона Нора возвращалась в семью, тогда как в версии для свободолюбивого Парижа – убегала с любовником. Пьесы Эрдмана и Шварца были мощнейшим орудием расшатывания режима, потому им было не суждено войти в репертуары вскорости после написания. «Мандат» сначала поставили, но потом опомнились.

Нельзя сказать, что другие формы не требуют такого расчёта и филигранной продуманности, но они выигрывают от невозможности рассчитать. Основное волшебство происходит, если рассказ, повесть или роман оказываются крупнее, чем их задумывал автор. А великие вещи оказываются крупнее, чем их вообще под силу задумать человеку.

– Между пьесами и рассказами, на взгляд профана, особой разницы нет, но вот литераторы хорошо знают, как это сложно порой – написать стоящий рассказ. Как Вы подчиняете себе малую литературную форму?

– Кто кого подчиняет – вопрос открытый. Мне как раз малая форма близка и естественна. Наверное, самое важное открытие, которое я сделал для себя много лет назад, состоит в том, что любой рассказ рождается из идеи, мысли, реплики героя. Такого рода зачатки, думаю, собирает каждый автор. В конечном варианте текста от зародыша может не остаться ничего – зачастую он отваливается при выстраивании сюжета, который без него не появился бы на свет. Такой занятный парадокс. Но вот что важно: не стоит выращивать рассказ из одной такой идеи. Если начать сразу с двух или трёх «зародышей» и вести их друг к другу с разных сторон, то шансы на успех существенно увеличиваются.

Для меня Башлачёв – это едва ли не последний эпический герой, воплотивший архетип поэта-пророка, неприкаянного скитальца, принесшего себя в жертву для подтверждения собственной проповеди.

ЧЕЛОВЕК ПОЮЩИЙ И КОТ

– С особым интересом всегда слежу за книгами о современных музыкантах. И вот удача – Вы были биографом Александра Башлачёва. О западных музыкальных иконах писать если не легче, то всё же не так, как о советских рокерах. Тот же Джим Моррисон – больше дитя общества потребления, чем чистый бунтарь, потому что The Doors в подполье не загоняли, они создавали моду на эпатаж. Башлачёв же, коему и отпущено было творчества всего-то лет пять, оставил в поколении нынешних 30-40-летних заметный дымный след. И творил он в невнятный период между робкой свободой и вседозволенностью. В нём было что-то от Моррисона, но и только. Какой фигурой был для Вас Башлачёв? Какую главную мысль извлекли для себя, работая над его биографией?

– Для меня Башлачёв – явление, принадлежащее не столько к русскому року, сколько к русской литературе. Из исследования его творчества, из написания его биографий (двух на данный момент) я вынес куда больше, чем мысль, формулируемую в виде тезиса. К слову, совсем скоро выйдет моя совершенно новая книга о нём, не являющаяся переизданием «Человека поющего» (СПб.: Амфора, 2010, 2013). От Башлачёва совершенно невозможно оторваться, поскольку на его примере феномен гениальности становится удивительно наглядным и лаконичным. Его творческий период – четыре года (активных – два с половиной). Он написал чуть более ста текстов, сыграл чуть менее двухсот концертов и радикально повлиял на песенную и поэтическую традиции в весьма ортодоксальной стране. Но как он этого добился? Он – не поэт-авангардист, который своей целью видит революционное разрушение. Башлачёв использовал весьма архаичные средства. Этот человек совершенно уникален.

В моём понимании, с роком его роднит разве что протестная эстетика. Но и тут он был не как все. Музыканты даже из его окружения выражали субкультурные, поколенческие, социально-политические, этические протесты. Протест Башлачёва был онтологическим, и потому его песню подхватить никто не смог.

Для меня Башлачёв – это едва ли не последний эпический герой, воплотивший архетип поэта-пророка, неприкаянного скитальца, принесшего себя в жертву для подтверждения собственной проповеди.

– Башлачёв для нашего поколения был в первую очередь поэт, потом уже музыкант и всё остальное. Современная рок-музыка довлеет ко внешним формам проявления. Есть ли кто-то сегодня на российской сцене, кого можно считать рок-поэтом, о ком можно написать книгу?

– Написать-то можно о ком угодно, но, исходя из предыдущего ответа, вы, вероятно, понимаете, что меня никто из современных рокеров не интересует, и рок-эстетика – скорее контраргумент, нежели аргумент. Самые интересные выходцы из русского рока – это именно отпочковавшиеся люди, нашедшие свою тропу и своё место в культуре. Тут, кроме Башлачёва, я могу назвать Гребенщикова, Курёхина, Летова.

Из современников титаническим поющим поэтом (но не рок-поэтом) я считаю Михаила Щербакова, однако это не значит, что о нём стоит немедленно писать книгу. Хотя познакомиться с его творчеством я от души рекомендую всем.

– Поговорив о книгах, музыке, литературе, завершим на Вашем рабочем месте экскурс в творчество Наумова. Опишите с помощью привычных выразительных средств Ваше рабочее место, за которым создаёте тексты. При этом первостепенную важность имеют детали, то есть не само место, а какие элементы его окружают.

– Мы возвращаемся к тому, с чего начали: всякий раз на занятиях со студентами я пытаюсь донести мысль о том, что профессия писателя – не такое уж архаичное ремесло, как это могло бы показаться. В XXI веке необходимо использовать методы XXI века, поскольку стоит быть готовым соответствовать ему.

Моё рабочее место – это мой ноутбук. А территориально я могу писать в самых разных местах. Если я дома, то вокруг меня книжные стеллажи, привычная обстановка. Чаще всего я работаю, сидя на диване, а не за столом. Дома есть ещё один важный элемент – это кот, который занят тем, что повышает энтропию. Случается, что я работаю на даче или в офисе. Удобный способ концентрации – писать в общественных местах. Для этого я часто использую одно из заведений «Кофе хауз» на Петроградской стороне. Но в общем-то, это может происходить где угодно.

Понижал уровень энтропии в крови
Александр Правилов

НЕ ГРИБНОЙ СЕЗОН

Елена Чижова – ещё один человек-оркестр в нашем благородном собрании мастеров на все руки. По одну руку – экономика, управление производством, английский язык, по другую – проза, переводы, эссе. И при этом тексты у Чижовой – атмосферны, образны и очень театральны. Лауреат премии «Русский Букер», доказавшая, что не только для Улицкой и Рубиной сегодня время женщин в большой литературе. Как коренная петербурженка, она не просто заодно со своим городом: вдыхает его воздух, а «выдыхает» его голос. Все эти воплощённые в её книгах во множестве лиц образы дворов, улиц, домов, его парадных, за каждой дверью в которых – настоящий театр, «комедия дель арте», ироничные маски, скрывающие не просто ушедшую эпоху, но всегда остающееся с жителями этого города неизбывное осознание своих корней. И хорошо, если корни эти – от благородного раскидистого родового древа. Но ведь это могут быть и белёсые нити грибницы, пахнущие плесенью и сожалением. А мы-то хорошо помним, спасибо Рэю Брэдбери, что бывает, когда в подвалах сознания выращивают грибы.

– Елена, в очередном номере журнала «Пойнтер» практически через одного – люди, которые в театр не только в качестве зрителей попадают. Ваш блестящий роман «Время женщин» получил и «Русского Букера», и новую жизнь в формате спектакля на сцене БДТ им. Г. А. Товстоногова и в московском «Современнике». Сейчас, когда уже улеглись и восторги, и возможные разочарования, и критики нашли иные цели, скажите: насколько плотно и правильно удалось уложить всю глубину и метафоричность исходного книжного кода в трёхчасовую постановку?

– Театр и литература разговаривают на разных языках. Кроме того режиссёр, насколько я могу судить, ожидает мгновенной реакции зала.

Театр и литература разговаривают на разных языках.

Если зритель что-то не уловил или не понял, он не может «пролистать» спектакль назад, как это может сделать читатель. Потому речь должна идти не о «правильной», а о живой интерпретации, когда режиссёр заведомо высвечивает то, что кажется ему особенно важным. При этом чем-то приходится жертвовать. Вообще, в театре главный – режиссёр. Вся остальная команда, включая автора исходного текста, в значительной мере работают на его замысел, на его понимание, которое режиссёр черпает не только из книги, но и из своего жизненного опыта. Мне нравится интерпретация Геннадия Тростянецкого, поставившего «Время женщин» в БДТ, но в то же время нравится и спектакль Егора Перегудова в «Современнике» – каждый по-своему.

– «Время женщин» не первая Ваша изданная книга, но данный роман не просто петербургская история, не просто привычные в нашем городе коммуналки, не обычная мелодрама о женских судьбах. Это история, которую вот как раз надо читать нынешнему поколению, роман для современников, хоть и о временах минувших. С 2010 года, когда книга была издана, удалось ли собрать некий общий информационный фон, отвечающий на вопрос о том, как книгу приняли современники, какой след она оставила в душе нынешнего поколения 20-ти, 30-ти и 40-летних?

– Да, откликов было много, и тех, что в Интернете, и непосредственных, которые я получала во время встреч с читателями. В этих откликах меня очень многое удивляло. После «Времени женщин» я окончательно поняла, что читатель всегда оказывается соавтором, то есть в каком-то смысле «пишет» свой текст. Например, меня всегда изумляло, каким образом из моего текста можно *вычитать* ностальгию по советскому времени, когда «все были добрыми и жили хоть и в коммуналках, но дружно»? Вопреки тому страшному, что происходит в романе. Но такие отклики я тоже получала. Это означает, что человек, открывающий книгу, читает не её, а свой «внутренний текст». Иногда мне приходилось объяснять, что эта книга о чувстве собственного достоинства, о том, как «маленький» человек может противостоять преступному государству. В этом смысле «Время женщин» продолжает тему пушкинского «Медного всадника», но только в новых – советских – условиях. Но особенно меня удивляла живая реакция зарубежных читателей (а этот мой роман переведён на 13 языков). Казалось бы, что им наши горести и наши коммуналки? Но на презентациях ко мне подходили люди и плакали, говорили, что они восхищены мужеством «замечательных русских бабушек».

– Наверное, Вам уже набило оскомину сравнение «Времени женщин» с «Тремя сёстрами» Чехова. А хотя бы лично для себя сравнивали другие свои книги – от «Крошки Цахес» до только недавно открытой «Планеты грибов» – с образцами мировой сценической драматургии или с музыкальными произведениями?

– Честно говоря, сравнение с «Тремя сёстрами» я слышу в первый раз. Обычно говорят о парках – трёх вещих старухах, определяющих человеческие судьбы. То, что мои романы сценичны, я слышала много раз – и от профессионалов театра, и от читателей. Мне самой трудно сравнивать их с образцами мировой драматургии и тем более – с музыкальными произведениями. Что касается «Планеты грибов» – моего последнего романа, могу лишь сказать, что меня вдохновляло. «Женщина в песках» Кобо Абэ – там мужчина и женщина тоже оказываются в замкнутом пространстве, из которого им не выбраться. Впрочем, в великом японском романе героев затягивает и поглощает их собственное «настоящее». А у меня – «родительское прошлое», которое никак не может закончиться. Ещё один прообраз, на который я внутренне ориентировалась: «Мост Людовика Святого» Торнтона Уайлдера, где ставится вопрос о том, в какой мере человек, попавший в катастрофу, оказался в это время и в этом месте не случайно?

После «Времени женщин» я окончательно поняла, что читатель всегда оказывается соавтором, то есть в каком-то смысле «пишет» свой текст.

– Каково это, будучи экономистом, да ещё и кандидатом соответствующих наук, заниматься эфемерным и не поддающимся никакому исчислению делом – литературой? Вопрос не о том, откуда берёте сюжеты, а о том, как приручаете свой дар излагать мысли на бумаге, направляя его в нужное Вам русло?

– В те времена, когда я поступала в институт,

выбор области будущей деятельности по разным причинам, о которых я писала в романе «Полукровка», отнюдь не всегда зависел от самого человека. Долгие годы, лет двадцать, я писала стихи «в стол». Кроме того экономистом я была днём, а по ночам сама давала себе гуманитарное образование, читала учебники и книги, прислушиваясь к советам моих друзей – историков, филологов, философов. Я хочу сказать, что к нынешней своей профессии я очень серьёзно готовилась в течение двадцати лет. Это большой срок, чтобы многому научиться, впрочем, в этом смысле я – «вечный студент», учусь и сейчас.

Я считаю себя профессионалом в первую очередь потому, что в своей работе не слишком завишу от окружающего мира. Всё самое важное происходит внутри.

– Если чуть продолжить предыдущий вопрос, то в каком состоянии у Вас лучше всего получается писать? Как должны сложиться элементы в окружающем Вас мире, чтобы включился рабочий режим?

– Я считаю себя профессионалом в первую очередь именно потому, что в своей работе не слишком завишу от окружающего мира. Всё самое важное происходит внутри. Если меня не отвлекают какие-нибудь уж очень назойливые обстоятельства, я просто просыпаюсь, варю кофе и сажусь за компьютер. Чтобы включился рабочий режим, мне надо только сосредоточиться, но это – дело техники, которой я теперь уже владею.

– Новая книга «Планета грибов» в моём представлении – история о женщине с Марса и мужчине с самых окраин Венеры, которые страдают от одинаковой болезни: в них слишком глубоко угнездились споры родительской грибницы. И не отпускает их эта родовая принадлежность, а им хочется, к примеру, одуванчиками быть, но в роду были сплошь грибы. Хорошо, а если ребёнок растёт в творческой среде, окружённый множеством элементов, намекающим «иди и твори», то может ли он избежать искушения поддаться этой исподволь захватывающей его сознание воле и стать, например, экономистом или мостостроителем? И – наоборот: в семье рыночных торговцев есть ли надежда у нового поколения стать художниками?

– «Дух веет, где хочет». Эта евангельская максима, в частности, означает, что человек в первую очередь рождается «в мир», а уже во вторую – в семью. В сущности, жизнь каждого из нас – это попытка претворить божий замысел, став тем, кем мы *замыслены* от рождения. Семья может этому благоприятствовать или стать поперёк, но ответственность всё равно лежит на каждом из нас. «Планета грибов» – это роман-катастрофа.

Для меня его главные герои – мужчина и женщина – это люди, обладающие редчайшим по нашим временам даром исторической совести. А это – тяжкое бремя, когда человек живёт не только своими собственными заботами, но глубоко переживает историю своей страны, относясь к ней не как к чужому прошлому. Наши исторические корни – для меня это трудный и горький вопрос. Корни бывают гнилыми – тогда из этой «грибницы» надо себя вырвать. Другое дело, что наша «грибница» агрессивна: она делает всё, чтобы не отпустить человека на свободу, а заставить его стать «грибом» – таким, как все. Мои герои всё-таки делают эту попытку, которая заканчивается трагически. Но я уважаю их за то, что они – каждый по-своему – не захотели оставаться «грибами».

– Хочется ещё вспомнить один из Ваших предыдущих романов, «Лавра». Там, если всё огрубить до бесчувствия, идея в том, что нравственность в человеке в эпоху отсутствия нравственных ориентиров возможно взлелеять лишь в атмосфере чистой веры, то есть в настоящей церкви. А как быть с теми, кто отказывается от обоих «родителей» – от государства и от церкви? Возможно ли человека, обуреваемого жаждой познаний и свершений не во имя чего-то, а для себя, считать нравственным?

– Вы задали очень интересный вопрос, на который не может быть готового ответа. Но если продолжить Вашу мысль о том, что наши «родители» – государство и церковь, здесь снова напрашивается рассуждение о «корнях». Если они гнилые, человек должен попытаться вырвать себя из прогнившей почвы. Сейчас очень часто говорят о традициях, к которым нам всем следует вернуться. Но в России традиции разные и даже противоречащие друг другу. С одной стороны, абсолютное духовное послушание как церкви, так и государству, а с другой стороны – свободомыслие, подчас переходящее в бунт. Оставляя в стороне крайности, можно сказать, что «вольтова дуга» нашей истории – её главное напряжение – проходит именно через эту точку: что важнее – личное спасение, которое часто ассоциируют с церковностью, или обретение как внутренней, так и социальной свободы? Этот вопрос каждый мыслящий человек решает для себя сам. Но если говорить о России в целом, вопрос оказывается трагическим, поскольку наше общество расколото ещё с петровских времен. В нём есть те, для кого власть и церковь равно обладают свойством сакральности: условно этих людей можно назвать «неоязычниками». Но есть и другие, для которых православие и вообще понятие нравственности не может противоречить личной и общественной свободе. В этой связи могу лишь напомнить: эти уроки мы уже проходили. Хотя, к сожалению, не выучили. О себе могу сказать, что из этих двух российских традиций я выбираю традицию Радищева, Чаадаева и Герцена, а не графа Уварова с его теорией «православия, самодержавия, народности», над которой смеялся ещё Пушкин.

– Елена, Ваша первая книга увидела свет в последний год века минувшего, то есть жажда изложить в книге, что на душе накопилось, росла в Вас в девяностые. Если верить Алексею Иванову и его книге «Ёбург» – дико весёлое время, причём «дико» добавлено не просто для усиления. В какой среде, в каком котле эмоций, впечатлений, мыслей, реалий окружающего мира росла Елена Чижова, ставшая писательницей?

– О девяностых годах, а для меня это время надежд и растущей свободы (что подчас принимало уродливые формы), – я писала в романе «Терракотовая старуха»: это мой портрет той эпохи. Что касается эмоций и всего прочего, о чём Вы упоминаете, я жила жизнью обычной ленинградской девочки, во многом разделяя образ мыслей своих современников и, кстати говоря, и их заблуждения. Одно из самых существенных: то, в чём была уверена советская, точнее антисоветская, интеллигенция, полагавшая, что стоит народу обрести свободу, он больше не захочет вернуться в привычную «клетку».

Работать я сажусь рано, иногда почти с рассветом, когда начинают петь петухи.

– Последний вопрос крайне важен для создания «образа» номера. Нас интересует, в какой обстановке работают герои интервью, в окружении каких вещей, элементов, звуков, запахов и тактильных ощущений. Как выглядит Ваше рабочее место?

– Строго говоря, у меня два рабочих места. На даче это комната на втором этаже. Письменный стол стоит у окна, которое распахивается прямо в лес. Работать я сажусь рано, иногда почти с рассветом, когда начинают петь петухи. Если ветер ещё не стих, перед моими глазами покачиваются высокие корабельные сосны, иногда по крыше прыгает моя белка, живущая где-то под стропилами дома, и скачут птицы, в основном сойки. Но всё это, конечно, летом, а в остальное время я работаю в городе. В моей комнате много старинных вещей, которые пришли ко мне разными путями, в основном семейные реликвии: например, *бульотка* – такой шарообразный самоварчик со спиртовкой под днищем и маленьким краном сбоку, который описан в моем романе «Орест и сын». Или осколок древнегреческой вазы, или маленькие бронзовые собаки, которые перешли ко мне от покойной свекрови и теперь стоят на моём столе. Для меня они важны не меньше, чем мой письменный стол, на котором стоит компьютер, полки с любимыми книгами, фотографии моих близких. Многих уже нет в живых. А ещё для меня очень важно, что я живу не в новостройках, а в старом городе, который всегда ощущаю как купол над головой. Всё вместе – это моя среда.

Ходил за грибами Александр Правилов

ПОПЕРЁК МАГИИ

В России принято говорить о двух столицах – Москве и Петербурге, финансовом и культурном центрах жизни всей страны. Но столиц на самом деле минимум три: Екатеринбург – это не просто центр Уральского региона и промышленный гигант, но и ещё какой культурный центр! Творческое начало бурлит в этом городе, который незаметно из Свердловска превратился в Екатеринбург, так и не став Катером, но лихо миновав стадию Ёбурга. Все эти «поиски себя», «псевдонимы» и различные «состояния души» роднят город с творчески настроенными личностями, которые в разные периоды жизни примеряют на себя не просто звучные имена, но отличные друг от друга образы. Но «ядро» всех этих трансформаций – одно. И оно обрастает, слой за слоем, энергетическими уровнями, чтобы однажды окончательно вступить в самое эффективное для самореализации агрегатное состояние. Нечто подобное переживал Петербург, которому тоже пытались давать разные имена, но всё вернулось к истокам. К некоему магическому источнику силы, из которой город не только черпает собственную энергию пассионарности, но и «заряжает» отдельные свои «элементы», то есть жителей, энергией, выражающейся в жажде творчества. И тем лучше себя такой человек будет ощущать, чем ближе он к источнику.

Такая вот магическая версия истоков творчества в полной мере применима к Анне Матвеевой – замечательной писательнице родом из Екатеринбурга. Одну из её ранних книг, повесть «Перевал Дятлова», видевший в книжных текстах всё Дмитрий Быков в далёком 2001 году назвал «лучшей вещью года в русской литературе». Критики определяют её книги к жанру женской городской прозы. Но есть и другая версия, согласно которой тексты Матвеевой – это чистой воды магический реализм. Позвольте, а что тогда – роман «Небеса», посвящённый трагедии епископа Никона Екатеринбургского, обвинённого в педофилии? Сама Анна не считает его самой удачной из свой работ, но тема явно не из банальных. А роман «Есть!», который только прикидывается женским, но на самом деле там всё куда интереснее простого выбора между трудом писателя и кулинарным искусством! И совершенно точно сборник обычных «женских» рассказов не становится финалистом престижной премии «Большая книга». Так что от нового романа «Завидное чувство Веры Стениной», который Анна закончила не так давно, но он ещё не опубликован, ждёшь куда больше, чем девять девяностых по десятибалльной шкале. В Редакции Елены Шубиной (издательство «АСТ») не ошибаются и всегда выбирают тех авторов, сила слова которых не в магии, а в самом высоком реализме. Как и не ошиблась Анна, не бросив родной город ради золотой Москвы и окутанного сплином Петербурга. И в Екатеринбурге – она один из «элементов», из которых складывается «молярность» творческого потенциала города. Потому что в его воздухе точно есть какая-то аттрактивная «химия».

ТВОРЧЕСКИЙ ПЕРЕВАЛ МАТВЕЕВОЙ

– Анна, вместе с Вашим именем наконец-то удалось вытащить счастливый билет: живой представитель магического реализма в литературе. Понятно, что в окружении заводских гигантов и уральских гор, одинаково похожих на щурящихся драконов, сложно идти равнинными путями творчества, как в Черноземной полосе или в Великой Московии. Но все привыкли, что магический реализм принесли в этот мир латиноамериканские прозаики, а потом к этому течению автоматом стали причислять всех испаноговорящих авторов. Что такое уральский вариант магического реализма? Как выражается в темах, в подаче, в настроении сюжетов?

– На самом деле, уральский магический реализм родился на значительном расстоянии от наших не очень-то высоких гор. Это определение – авторства петербургского критика и переводчика Виктора Леонидовича Топорова, к которому я всегда относилась с глубочайшим уважением. Однажды Виктор Леонидович сказал, что несколько екатеринбургских авторов работают в этом жанре, авторы – не спорили, вот так и появился уральский магический реализм. Никакой магии, как видите.

Мне не хочется принадлежать к какому-то течению или школе, я всегда плыву «поперёк».

Я не возражаю против этого определения, но и не поддерживаю его всерьёз. Мне не хочется принадлежать к какому-то течению или школе, я всегда плыву «поперёк». И, вообще, анализировать художественное направление, говорить о темах, жанрах, искать сходство и различия – это, на мой взгляд, задача литературоведа или критика. Но никак не писателя.

– В Вашей библиографии глаз сразу выделяет повесть «Перевал Дятлова». Голливудский режиссёр Ренни Харлин не так давно снял фильм о загадочной гибели туристов: получилось что-то в духе шьямалановского саспенса. А какой смысл Вы, как автор, вкладывали в книгу? Зачем Вам было говорить о пропавших когда-то туристах?

– История трагической гибели группы Дятлова – это не просто «пропавшие когда-то туристы». В своё время меня взволновала чудовищная несправедливость гибели девяти прекрасных молодых людей – взволновала намного сильнее, чем тайны, которыми она была окружена. Мне казалось, что я делаю хорошее и правильное дело, пытаясь привлечь внимание к трагедии на Горе Мертвецов. Поэтому я и взялась за работу над этим романом. А вообще, писатели так устроены, что со временем их начинают волновать новые сюжеты, другие темы – думать и говорить о старых книгах уже не так интересно, как раньше. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как «Перевал Дятлова» был опубликован впервые, – да, этот роман много раз переиздавался, он пользуется популярностью у читателей, в следующем году появится французское издание, но… я пишу сейчас совсем другие книги. И по поводу «дятловцев» сказала всё, что хотела сказать.

– Вы – неоднократный финалист и лауреат различных литературных премий. Сборник рассказов «Подожди, я умру – и приду» стал финалистом самой престижной в стране премии «Большая книга». Объединяет все истории сборника тема поисков героями правильного времени и места. Ещё запоминается этот сборник щедро рассыпанными по страницам образцами словотворчества. Конечно же, форма рассказа тоже намекает на особость авторского подхода и читательского восприятия. Вам в каком формате вольготнее и приятнее всего творить? И в каких жанрах ещё не бывали, но хотите попробовать?

– Я люблю писать рассказы и маленькие повести. Романы – всегда преодоление: себя, материала, объёма и так далее. Но я думаю, это вопрос опыта и практики – от романа к

роману становится всё легче, поэтому я не оставляю этих попыток. А вот осваивать новые жанры пока что не хочется – я пыталась писать сценарии, пьесы, но это совершенно не моё. Мне это не очень интересно, возможно, именно поэтому сценарии и пьесы у меня не получаются такими, какими я хотела бы их видеть.

– Самая новая Ваша книга – «Девять девяностых». Она, что явствует из названия, о жизни в 90-х. Этот период для нас, ныне живущих, уже надёжно погребён под толщей магического реализма – страшная сказка, которая была не с нами, но так иногда взгрустнётся светло. Какими девяностые описываете Вы? И как в Екатеринбурге узреть Париж? Вот же на обложке – Эйфелева башня!

– Башня на обложке – прямая отсылка к повести «Екатеринбург», героиня которой мечтает уехать в Париж. Кстати, новая книга рассказов, над которой я сейчас работаю, будет называться «Парижские истории». Мне нравится, когда рассказы в сборнике не «натолканы» туда как попало, не набраны из того, что скопилось – важно, чтобы произведения, собранные под одной обложкой и названием, объединяла некая общая идея.

Что касается девяностых, то для героев моей книги, как и для всех, кому выпало взрослеть в эти годы, они стали временем перемен, иногда счастливых, но чаще – драматических.

МЕСТО СИЛЫ

– А ведь Екатеринбург в культурном плане в чём-то фору и Петербургу даст. Чего стоит один литературный квартал Лидии Худяковой, создававшийся в лихие 90-е! Свердловский рок-клуб, из которого в большой мир вышли «ЧайФ» и «Нау». Ценитель искусств Евгений Ройзман. В ваших краях рождались сказы Павла Бажова и фантастический романтизм Владислава Крапивина, который к тургеневской барышне добавил в пару образ крапивинского мальчика. Удивительный город, где есть место и Ельцину, и ОПГ «Уралмаш», и «Станции вольных почт» Виктора Махотина, и театру Коляды, и мосинским Волынам – деревне художников, где не пили чай под смородиновым кустом, а творили шедевры. Как влияет среда родного города на творчество – от зарождения идеи до поиска лучших выразительных средств для её оживления? Как ощущаете атмосферу Екатеринбурга всеми органами чувств литератора? И как эта атмосфера отражается в Ваших произведениях?

– Видно, что Вы внимательно изучили новую книгу Алексея Иванова про Екатеринбург! Отличная, кстати, книжка – лично я читала её как детектив. Екатеринбург для меня – говорю это совершенно серьёзно – место силы. Вообще, я могу работать в любых условиях – например, недавно сочиняла рассказ в самолёте (правда, перелёт был долгий – 8 часов). Главное – работать каждый день, пусть и понемногу, а где именно это происходит, неважно. Но в Екатеринбурге мне дышится и пишется легче всего. У нас невероятный город, вы совершенно правы. Я восхищаюсь многими екатеринбуржцами – назову художника Виталия Воловича, драматурга Николая Коляду, писателя Юлию Кокошко, директора музея изобразительных искусств Никиту Корытина, издателя Елену Теребенину, телеведущую Ксению Халтурину… Все они – таланты и творцы, но прежде всего – трудяги, люди, преданные своему призванию и делу. Я горжусь, что живу с ними в одном городе.

Между прочим, в детстве и юности я не любила Свердловск, но это чувство менялось вместе с тем, как менялись мой город и я сама. В ранних моих сочинениях город практически не присутствует, зато сейчас я с особенным удовольствием расписываю названия улиц, троллейбусные маршруты, ещё какие-то детали, которые поймут только екатеринбуржцы.

Я не думаю, что успех писателя зависит от места прописки и фактического проживания.

– Ещё раз – к Литературному кварталу. В Петербурге такого, увы, нет, зато все чётко знают: хочешь добиться признания как писатель – езжай в одну из двух столиц. В регионах тебе ничего не светит. Вы живёте и работаете в Екатеринбурге. Что можете сказать об отношении города – простых жителей, властей, меценатов – к творческим натурам? Как живётся писателю Матвеевой в родном городе?

– Я не думаю, что успех писателя зависит от места прописки и фактического проживания. Куда важнее другое – одарённость, трудолюбие, верность призванию. Недавно мне попалось интервью с замечательным писателем Павлом Крусановым – он сказал, что если писатель предъявит свой талант и тот окажется убедительным, то перед ним раскроются двери столичных издательств. Это правда! Когда я только начинала писать рассказы, то послала один из первых опытов в «Новый мир» – и уже через пару месяцев мне позвонили из отдела прозы, сказали, что опубликуют. Никто не просил за меня, не было рекомендаций, знакомств, – всего лишь обычное письмо в конверте. Конечно, потом бывало и по-другому – нравиться всем невозможно. Критики покусывали, издательства отворачивались… По-настоящему мне повезло, когда моими текстами заинтересовалась редактор Елена Шубина – я очень ценю, что она и сейчас работает со мной.

В Екатеринбурге особенного интереса к моему творчеству со стороны властей и меценатов я не замечаю. По-моему, они даже не подозревают о моём существовании, но меня это не напрягает, скорее – забавляет.

– В окружении каких элементов, в какой атмосфере и в каком звуковом сопровождении Вы обычно пишете?

– Дома у меня большой письменный стол, удобный стул на колёсиках (чтобы подъезжать к полкам за нужной книжкой) и относительно послушный компьютер. Музыку я люблю, но никогда не слушаю её во время работы. Вообще, я не очень капризный сочинитель, какие-то особенные условия мне не требуются – если дело идёт, я так глубоко ухожу в себя, что не отражаю происходящего вокруг. Пока, наконец, дети не напомнят, что, вообще-то, уже давно пора обедать или ужинать…

Разделял любовь к Екатеринбургу
Александр Правилов

20 СОВЕТОВ В РИФМУ ОТ ДВАДЦАТИ-ЛЕТНЕЙ

Ей всегда веснадцать. У неё – шесть поэтических сборников в активе, сотни, если не тысячи выступлений вживую перед самой разной аудиторией. И – выпущенная «АСТ» в редакции «Времена» книга избранных рифм «Веснадцать». Это пока перспективы в первом приближении, потому что дальше будет больше. Будут гастроли, концерты, интервью, записи на ТВ и в интернетных медиа, а пока – огонь в глазах, искры из которых, падая на одежду, прожигают ткань. Сейчас – статус генератора идей и роль вечного двигателя в одном из центральных магазинов сети «Буквоед», который без неё уже никогда не будет прежним, как говорят в американских фильмах. А она не останется на месте, а полетит выше и дальше. Ей всегда тесно на одной сцене, и, восходя, как на трон, под огни одной рампы, она уже мечтает о другой, уже видит иные лица. Её творческое пространство не ограничено одной кухней, ночным подоконником, одним городом. Она, как туман, который сопровождает её почтовый псевдоним, вещей Кассандрой предрекает, что, как на небе только и разговоров, что о море, так и в Петербурге все будут говорить о ней. И не только над Невой взорвутся её фейерверки. Она прикладывает к этому все силы, коих в хрупком теле, горящем рыжим огнём таланта, немало. Она – это Стефания Данилова.

Девушка-театр, девушка-музыка, девушка-кино (с продолжением), живёт в прозе, но думает и чувствует исключительно в поэзии. И она в свои 20 лет болью, кровью, радостью, слезами, улыбкой, абсентом и чистой водой познала творчество.

Вдохновение посещает её в разных образах, поэтому – накануне выхода в «АСТ» первой большой книги Стефании – самое время ей дать большой мастер-класс всем, кто мечтает о творчестве, втайне желает выйти на сцену, но отчего-то не даёт ход своей мечте. Да, это непросто, но надо пробовать. Не познать вкуса мёда, не почувствовав вкуса крови.

И эти 20 советов – от молодой девушки со старыми, как мир, стремлениями – на них будет держаться задумка целого номера. А задумка в том, что мы сами творим вокруг себя пространство для творчества и запустения, для горения и мёртвого покоя. Но всем нам где-то в глубине души веснадцать. И это не опечатка – это приятная ошибка. Возможно, что и всей жизни. А в жизни ещё столько на часах. 21. 22. 23. Вечность…

1. «СМЕШИЛА КРОВЬ, СМЕШАВ ЕЁ С ЛЮБОВЬЮ»

Рифмовать «кровь» и «любовь» не зазорно. Вообще не зазорно рифмовать что-либо, когда рифма – совершенна, верно? Если Любовь – это женское имя, а кровь используется в словосочетании «Дурная кровь» (название реально существующего вина), то почему бы и нет? Другие варианты рифм к главному чувству: «зафолловь» (придумана Арс-Пегасом); украинский город Львов и его полный омоним – львы в родительном падеже; лбов; любой; и ещё великое множество.

2. АКРОСТИХ ДЛЯ РЫСИ

Много ли вы можете придумать русских слов на букву «ы»? Представьте, что вам позарез нужно написать акростих на слово «рысь» (акростих – стихотворная форма, где в первых строчках зашифровано слово или предложение. – **Прим. авт.**). Во-первых, вы можете прибегнуть к иностранным словам. Чем вам не нравится, например, турецкое слово «ылдыз» (звезда)? Соглашусь, его сложновато представить в русской поэзии, но вы попробуйте. Во-вторых, некоторые люди пишут адреса своих личных страничек в соцсети «ВКонтакте» символами латиницы, по очертаниям напоминающими кириллицу: acnug (известный музыкант Эм Аспид Калинин и его группа «Аффинаж»), pblcb (да-да, это рысь, вы не ошиблись). Так что буквы «ы» и «ь» в акростихе можно передать и через латинскую букву ‘b’. Когда мне нужно было превратить в акростих слово «счастье», финальные строки были таковы: bleeding with letters – // everything is a clue.

Не бойтесь экспериментировать. Если вашим читателям придётся заглянуть в словарик – это хорошо для них (все же помнят «Сплин»: «Давай, лама, давай, давай открывай свой англо-русский словарь!»). Но а если кто-то поймёт вас и без словаря, то чем тому человеку не повод для лёгкой гордости за себя?

3. Я ПИШУ, ПИШУ И НЕ МОГУ РАСКРУТИТЬСЯ

У вас есть паблик, вы пишете в нём стихи. Представим, что пишете достаточно неплохо, не раздражая особо особ с тонким вкусом. Ещё вы прилагаете к своим стихотворениям соответствующие иллюстрации, раскручиваетесь в Сети, как можете. Вы молодец! Но люди почему-то не говорят о вас так часто и воодушевлённо, как хотелось бы.

Рассказывайте истории. Возможно, ваши стихи техничны, гладки и являют собой абсолютное совершенство, как и их автор, но они не хранят в себе истории, которую хотелось бы помнить. Человек вообще способен носить в голове огромное количество информации, и, как правило, большинство из этого – истории. Сплетни с друзьями, разговоры на кухне с родителями, small talk за чашечкой кофе или в курилке с коллегами. Истории могут быть разными. Как ваш коллега-стажёр накосячил на работе, знакомая объехала автостопом пол-Европы без гроша в кармане, а в такой-то книжке мальчик летал на гусях – такое люди запоминают куда охотнее и быстрее, чем даже самую совершенную математическую формулу. Не бойтесь рассказать о том, как пили водку в одиночестве под окнами любимого человека, пока он слушал за ними музыку и не подозревал о вашем существовании; как кушали с расчёски на курорте, потому что забыли дома ложку; как узбек у метро предложил вам ворованный телефон в обмен на поцелуй, а вы, разумеется, отказались. Напишете об этом в стихах или в форме контакт-поста – не имеет значения. Говорите с людьми. Все истории, указанные мной здесь, реальны. Сторителлинг и сарафанное радио – величайшие инструменты для личности любого уровня (претензий и славы). Рассказывая о себе, вы рассказываете о других. С каждым из нас постоянно случаются невероятные истории. Обычно мы делимся ими с друзьями – станьте другом вашим подписчикам таким образом, и они не замедлят ответить приятной взаимностью.

4. ПРЕВРАЩАЙТЕСЬ

В своей литературной студии «Поэты Алюминиевого Века» я часто предлагаю студийцам игру-ситуацию: написать стихотворение или малую прозу от лица любого человека (классика, соседа по столу, кого угодно) или предмета (портрета Моны Лизы, чесночной булочки, таблички «Не курить!», возле которой курят). Быть поэтом – воспринимать мир как текст и текст как мир. Все предметы, все люди, данные нам по жизни, – существуют не зря, и можно написать о ком и о чём угодно. Одна из учениц студии написала текст от лица Пушкина, переместившегося в наш век и с удивлением обнаружившего, сколько раз в секунду, по мнению людей в Интернете, он переворачивается в гробу, и что его поэтический паблик «ВКонтакте» успешно перегнало два десятка молоденьких резвых поэтесс, а сам он – настоящий Пушкин – просто ошибся временем, ему никто не верил, и в Союзе писателей его с позором изгнали из зала, уличив в «наглом плагиате творчества великого классика и

осквернении имени, священного для всех поэтов»!
Стихотворение обретёт эмоции и получит новые краски, если, описывая сцену расставания парня с девушкой, вы уделите пусть даже пару строк, допустим, её реакции на подаренного им ей пять лет назад плюшевого медведя. Или – простой пример – вплетёте образ треснувшего стекла на портрете человека после его смерти. Чувствуйте вещи, окружающие вас! Чувствуйте людей, на то человеку и дана эмпатия. Есть хорошая цитата: «Хочешь поймать бешеного зверя? Стань им». Почему, когда мы любим, мы во многом, невольно или по своей воле, перенимаем привычки и стиль жизни наших избранников? Потому что мы внимательны к ним всем сердцем. Подмечайте детали. Иногда один-единственный штрих может стоить целой картины.

5. АКТУАЛАЙЗЕР НАБОЛЕВШЕГО

Ежедневно случаются события, потрясающие мир. Сбитый «Боинг»; трагедия Славянска; очередной акт вандализма. Да, в основном это события, окрашенные в разные оттенки чёрного, но есть место и добрым, светлым новостям, как, например, о преподобном отце Лонгине, приютившем 253 малышей и заботящемся о каждом. О таких событиях и людях знают многие. Этому стоит посвящать стихи. И чтобы они действительно шли от сердца, а не являлись бездушной констатацией фактов или пустыми хвалебными одами, надо не пытаться переплюнуть «Оду Фелице» Ломоносова, а быть в своём времени. Быть актуалайзерами наболевшего. Вас обязательно прочтут: сарафанное радио охотно транслирует любые сообщения по поводу «горячих точек». Из знакомых мне поэтов наибольших успехов на этой стезе достигла моя ровесница Юлия Мамочева. Ей удаётся творить талантливые стихотворения на любую важную календарную дату, о любом человеке, который того достоин. Посвящения Славянску, воинам разных времён, боевой славе Отечества, меценату Штиглицу, поэту Максимилиану Потёмкину, музыканту Светлане Сургановой и многим другим. И эти разноцветные письма памяти, которые она щедро запускает в небо, рано или поздно, тем или иным образом – долетают до цели, остаются в сердцах. Пишите о мире! И мир напишет о вас.

6. НЕО, МОЙ НЕО

Надпропастьюворженщина, веснадцать, неудержимолость, сплин-синдромные, тебявмоюжизньвмешательство, музорка, неуймётцарт, словопийца, сдербанк... Вы не найдёте этих слов ни в одном словаре. Но, уверена, вы хотя бы приблизительно понимаете значение большинства из них. Это примеры авторских неологизмов – компиляции двух или более слов в одно, совмещение их значений, более понятное из контекста. Такие слова очень любят изобретать дети. Так откройте в себе ребёнка, дайте ему поиграть словами. Русский язык постоянно обновляется, внесите в него и свои две лепты. Повторяю: не бойтесь экспериментировать. Удачная находка обязательно запомнится и будет цитироваться читателями.

7. ТЫ Ж МОЙ ЩЕЛЕЗУБИК!

Большинство молодёжных журналов пишут о том, как «сломать стереотипы», так много, что эта тема уже сама стала стереотипом. Но можно ломать их крайне изящно и искусно. Вам надоело, что вас называют солнышком, кисой, заей? Вас вообще достало это уменьшительно-ласкательное обращение? Откройте атлас-определитель животного мира и там непременно найдёте тотем, устраивающий вас. Это может быть рыба, птица – да кто угодно. Поверьте, стихотворение, где вы пишете «я стану твоим щелезубом» или «ты моя лучшая рыба-пила, рыба-топор, рыба-отвёртка», является куда более сильным орудием массового поражения, нежели творение со строками «ты моё солнце, не прекращай светить мне». Кстати, щелезубы очень милы и напоминают наших мелких домашних животных. Разве что между зубов у них щель, откуда они впрыскивают яд. Обитают они на Кубе и Гаити. А один человек сумел их приручить и доволен, кщ-кщ.

8. «ЧИТАТЬ ИЛЬ НЕ ЧИТАТЬ?» – ВОТ В ЧЁМ ВОПРОС...

Говорят, что Моцарт никогда не слушал современников, а вот Толстой старательно знакомился с работами Достоевского, хотя не был знаком с ним лично. Что стоит читать и чего не стоит, чтобы хорошо писать самому? Надо читать много, но не многое.
Я стараюсь читать не менее 200 книг в год и ежедневно открывать для себя 3-5 новых авторов. Немало среди них тех, о ком говорят: «самиздат».
Иногда одно качественное и вовремя прочитанное стихотворение неизвестного автора более ценно, чем многотомное собрание сочинений Пушкина, хотя его, несмотря ни на что, читать надо и куда в больших объёмах, чем предполагает школьная программа. Мне довелось полюбить Александра Сергеевича за его не самые известные произведения – странные и многоплановые, но при этом «Я Вас любил...» не утратило для меня своего очарования.

Современников нужно читать. Даже неизвестных. Положение дел в настоящем времени таково, что талант автора далеко не всегда прямо пропорционален количеству подписчиков на его личной странице. У Сергея Гандлевского, например, вообще нет паблика. А это самая что ни есть качественная поэзия, близкая к классическому слогу и не обходящая стороной быта современности. Творчество Гандлевского – полезная касторка, по мере вдумчивого вчитывания перетекающая в сладкий медовый вкус. Что касается *ванильных* пабликов, даже там порой можно наткнуться на такие «шедевры», до которых сложно додуматься самому.

9. РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

«Одна голова – хорошо, а две – не лучше», – подумал сиамский близнец, когда вторая его голова завела отношения, а он – нет. Зато одна идея и ещё одна идея – это уже две идеи, и третья идея, порождённая их конкатенацией, как писал великий маркетер Игорь Манн. А он, как известно, ерунды не посоветует. Устраивайте мастер-классы, для этого совсем не обязательно арендовать дорогостоящий зал или организовывать собственную студию – можно собраться у кого-то дома, в кафе или на той же крыше, главное, чтобы атмосфера располагала. И делитесь там с коллегами своими поэтическими наработками. Придумайте свои «N пунктов». Не бойтесь того, что кто-то воспользуется этим во зло. Скряги никогда не выживали. Разделяйте и властвуйте! От мастерства не убудет, а вы придумаете ещё множество новых сногсшибательных идей.

10. СЮЖЕТЫ НА МАНЖЕТАХ

На курсах литературного мастерства в СПбГУКИ, проводимых Андреем Аствацатуровым и Дмитрием Ореховым, нас обучали технике построения сюжета. Скелету, остову, конструированию несущих балок и опорных свай текста, если угодно. Я старательно перечерчивала к себе в тетрадь схемы, которые Аствацатуров рисовал на доске. Прозу я писать так и не научилась, зато я научилась читать её. А ту же схему сюжета я успешно использовала в стихотворениях. Предлагаю свой вариант этой схемы – она может меняться, быть неполной или, наоборот, дополненной.
Представьте себе круг, разделённый диаметрально. Одна часть круга – Дом, другая – Лес. Точка на экваторе круга – начало Пути. Следующая точка – Зов. То есть, к герою является кто-то или некое видение, чтобы сказать ему: «Ты должен двинуться в путь/ты избранный/одевайся и выходи». Дальше – период колебаний, но, в конце концов, на отметке 90 градусов герой переступает Черту, вступает в Лес: это время перемен. Период маркировки героя: он получает новое имя/одежду/способности, он обретает верных соратников, выполняет свою Миссию. Далее – точка Смерти. Смерть необязательно в физической бесповоротности, но всегда Катарсис – очищение, переосмысление самого себя и происходящего вокруг, время новых перемен с героем и в нём. Он может сожалеть о пройденном Пути, тосковать о Доме, но его Миссия выполнена. Или нет. Дальше идёт этап Возвращения. Герой снова обретает Дом, даже если на его месте остаются головешки. Он возвращается к привычному образу жизни, на круги своя, но круг – такая вещь, что, каким бы замкнутым он ни был, события могут пойти по второму кругу, третьему, и так до бесконечности. Вот почему книги превращаются в дилогии, трилогии, в истории с продолжением. Циклы стихотворений с сюжетом очень часто пишутся по различным фандомам (известным медиавселенным с уже заданными героями. – **Прим. авт.**). Определённый круг людей читает такое весьма охотно, проглатывая на одном дыхании. Ещё бы, ведь кто-то написал именно о том, что касается сугубо его увлечения, а не всеобщей идеи вечной любви! Возьмите свою любимую книгу. Напишите о ней стихотворение. Продолжите её собственной поэтической вариацией. Книги достойны этого не меньше, чем люди.

11. ЧЕРНЫЙ ПИАР, ИЛИ ВЛЮБИТЬСЯ В...

Влюбитесь. Влюбитесь в известную личность, если ещё так не делали. А если не хотите такой влюблённости и уже счастливы в своих тёплых отношениях, то вам несказанно повезло. Во всём можно найти свои плюсы. Если не хотите, чтобы вас забанили, желательно выбрать человека, который никогда не прочтёт ваших стихов, и для этого идеально подойдут иностранные рок-звезды или писатели. Пишите о них и для них. Выложите ваше творчество в соответствующую группу во «ВКонтакте» или на Facebook. Как минимум, узнаете, что не только вы больны этим человеком. Как максимум, обретёте новых читателей и сородичей по несчастью... или счастью. Только не нужно специально искать медиаперсону, чтобы влюбиться. Если получится – просто используйте эту возможность для собственного саморазвития. Помните, что такие люди уже привыкли к подобным историям.

12. ГОВОРИТЕ С ГОРОДАМИ

Человека делают три вещи. Время, место и действие. Время, в котором он живёт, место как бэкграунд и действия, совершаемые над ним другими людьми. Это стоит того, чтобы уделить этому стихотворение-другое. Стихотворения о вашем городе, во-первых, будут близки как землякам, так и людям, которых ваш город сумел когда-то очаровать – или разочаровать. Во-вторых,

именно стихи на городскую тематику являются счастливым входным билетом на большинство городских же конкурсов. Как бы красиво вы ни продекламировали техничный экспромт о любви, на конкурсах с государственным гербом побеждают всегда те, кто воспел родные просторы, пусть и безыскусно. Но не стоит писать что-либо ради побед на конкурсе, наступая на горло собственной песне. Пойте, только если хочется петь. Нотно-словесная выжимка без души неинтересна. Город антропоморфен, напишите о том, как гуляете не в нём, а с ним, как и о чём с ним беседуете; пусть он будет вашим другом, супругом, родителем – отцом или отчимом, матерью или мачехой, заплечным ангелом. Опишите любимый заброшенный парк, улицу, о которой мало кто знает, крышу, на которой так любите сидеть. Пофантазируйте о том, как великие люди прошлого или простые филистёры оставили свои фантомы на улицах, по которым вы ходите из дома на работу. Город ответит вам – принесённой ветром пятисотенной купюрой, улыбкой прекрасной дамы/молодого человека, любым счастливым случаем-подарком, предназначенным лично вам.

13. ОЦИФРУЙТЕ ВАШИ СТИХИ

Мы охотнее приобретём книгу «13 способов раскрутить начальника на повышение», чем «Как добиться повышения», потому что мы все бережём своё время и любим точные цифры. «Он прожил много лет» никого уже не впечатляет, а вот «Он прожил 105 лет» – это тянет на инфоповод. Сейчас вы спокойно читаете этот абзац, потому что знаете, что осталось всего 7.

Используйте в стихотворениях цифры! Есть замечательная американская песня, в которой девушка поёт о цифре 22, с каждой строчкой понижая цифру: «Двадцать два раза я говорила тебе о любви, тебе был двадцать один год, двадцать окон было в нашем доме, девятнадцать ты разбил, восемнадцать раз я писала тебе, что люблю, и семнадцать из этих сообщений не были доставлены» – и так до единицы. Напишите о цифре 3: «Мы трио, тройка, троица, нас трое». Поиграйте словесно-числовым рядом: «разъединить, раздвоить, расстроИть/расстрОить, расчетвертовать, распять». Вспомните о символике числа 4, которого так боятся японцы, потому что оно звучит так же, как и смерть – «ши». Используйте методику обратного отсчёта: напишите над куплетами цифры в обратном порядке, сведя всё к нулевому куплету. Сочините считалочку, в конце концов. Изобретите своё число. Обозначьте ключевые моменты своей жизни в стихотворении в количестве цифр, составляющих ваш возраст, запечатайте лист в бутылку и откройте на свой следующий день рождения. Оцифровывайте свои стихи.

14. ЗВУЧИТЕ

Стихи – обособленный, но не конечный жанр. Если стихи *продлевать* в песни, то они будут запоминаться куда быстрее. Большинство известных поэтов получили известность благодаря песням на их стихи. Даже Вера Полозкова, которая пока что не поёт сама, создала свой музыкальный бэнд и делает мелодекламацию. Этот жанр не менее востребован, чем песенный – но мелодика голоса и протяжность нот всегда были чем-то особенным для слуха. Если вы сами поёте или играете на гитаре, облеките ваши стихи в песни. Или попросите поющих знакомых сделать это. Так самое неприметательное на первый взгляд стихотворение, изобилующее глагольными рифмами, может когда-нибудь стать хитом на «Нашем радио» и не только. Дерзайте. Звучите.

15. СОЗДАЙТЕ СВОЕ АЛЬТЕР ЭГО

Допустим, вы не хотите, чтобы о вашем увлечении поэзией узнали коллеги по работе или университету, вы ещё не получили одобрения у авторитетов в этой области, у вас, по вашему мнению, не очень звучное имя для того, чтобы стать брендом. Придумайте псевдоним. Создайте анонимный паблик. Назовитесь так, как сами хотите. Создайте историю своему персонажу. Пусть он, к примеру, всегда носит лиловые перчатки, выражается исключительно-с через словоерс и старославянский «ять», принципиально не употребляет обсценную лексику, пишет все стихотворения с маленькой буквы, рисует комиксы, где использует только серый и зелёный цвета, и зовут его анаграммой вашего имени. Предупреждаю, этот способ я советую пускать в ход только суровым интровертам, которые вообще не хотели бы, чтобы их настоящая личность была раскрыта, но их душа отчаянно требует общественного внимания и толики признания. Вся жизнь – игра, и все мы в ней – актёры. Главное, чтобы ваш театр не был погорелым.

16. НЕ ПИШЕТСЯ, НЕ ПИШЕТСЯ, НЕ ПИШЕТСЯ, УВЫ

А, да это же наш старый друг Творческий Кризис. Не бойтесь открыть ему двери. Окажите ему самый радушный приём, продемонстрируйте верх мастерства гостеприимства. Угостите его пуэром, любимыми вафлями с кунжутом или роллами «Филадельфия», посмотрите с ним под одним пледом любимый фильм. Желательно такой, чтобы сюжет фильма вызывал катарсис. Вы заметите, как из-за угла экрана Вдохновение показывает одно ухо. А вот и второе ухо, а вот и лапка. Гарантирую, творческий кризис просто с ума сойдёт от такого тёплого приёма. Вдохновение не спешит окончательно вылезать из своего убежища? Выйдите на улицу, дайте ему время отдохнуть от себя. Познакомьте Творческий Кризис со своими друзьями, желательно с теми, кто выводит на прогулку свои Творческие Кризисы. У вашего ТК немедленно возникнет чувство собственной неполноценности: ещё бы, его сородич в два раза крупнее и пахнет особым сортом северовенецианской грусти, а он сам всего-то помещается в ладони, хотя ещё час назад был ростом с собаку или кошку. Сходите на петербургскую крышу вместе с ТК, ТК очень боится высоты и экстремальных ситуаций.

Всё, спускайтесь с крыши. Идите домой. Ваше Вдохновение уже поняло, какую ошибку оно совершило, столь затянув игру в прятки, и подлило в ваш чай чудесного свежевыжатого анапеста. Угощайтесь. Вы победили.

17. ЕСЛИ ВАС ПЛАГИАТЯТ

Это значит только одно: вы чего-то добились. Плохое никогда не берут. Вполне может быть так, что этот казус действительно является случайным совпадением. Иногда приходится верить на слово. Но когда вы обнаруживаете своё выстраданное стихотворение на чужой странице под чужим именем и значком копирайта, вы имеете полное право подать в суд и выиграть дело, разумеется, если есть доказательства того, что вы опубликовали эту вещь ранее (а не сошли с ума, как герой новеллы Кинга «Потаённое окно»). Никогда не стоит отчаиваться по этому поводу, лучше улыбнитесь неудачнику, который не может написать что-то своё.

18. КРУЧУ-ВЕРЧУ, ЗАПУТАТЬ ХОЧУ

Ох уж эти «бежать-дрожать», «ходить-бродить». Это рифмы, построенные на ассонансе. И даже в них нет греха, их можно и даже нужно употреблять, если они не однокоренные слова и не просто два глагола с одинаковыми окончаниями. Ими даже можно блеснуть. Например: случиться-лучиться, грустить-хрустеть (несмотря на то, что здесь «ить-еть», эти слова практически омонимичны, любое слово произносится менее чем за долю секунды), любить-лепить (поскольку к слову с корнем «люб» и без того непросто подобрать хорошую рифму, то этот тоже почти омоним весьма и весьма годен). Список можно продолжать до бесконечности.

19. НУ И ГАД ЖЕ ТЫ!

Пользуйтесь составными рифмами! Это – плод исключительно вашего воображения и поэтической смекалки. Увы, «Помощник поэта» на Стихи.ру не располагает опциями для их генерирования, но техника идёт семимильными шагами. Впрочем, лучшая техника, которой вы обладаете, – собственный мозг. О составных рифмах много говорить не буду, сразу приведу примеры: «нАлито – нА лето», «гаджеты – гад же ты», «капели – как пели», «радио – (чего же) ради я...», «выжжен – Вы же», а дальше дополните сами.

20. СЕЙЧАС САМОЕ ВРЕМЯ

Когда стоит начать что-то делать? Сейчас. Прямо сейчас. «Прошлое – забыто, будущее – закрыто, а настоящее – даровано». Это цитата из мультика «Кунг-фу Панда». Я до последнего ленилась написать эту статью, но чувство «сейчас» взяло надо мной верх. Сделайте хоть что-нибудь. Самое страшное – это белый лист бумаги, terra incognita, неизвестность. Шагните в неё и уберите приставку «не». Вы – автор, а не авторучка в чьих-то руках.

Стефания Данилова (vk.com/formentera_lady)
Фото - Юлия Андреева

СТРАСТИ ПО ГАРРИДО В КИТАЙСКОМ СОУСЕ

Так вышло, что не все могут смотреть иностранное кино на языке оригинала. Даже субтитры – это дело привычки и сноровки. Вот и привыкаем мы к русским голосам иностранных актёров. Например, Аль Пачино обращается к нам с экрана голосом Владимира Ерёмина, Роберт Дауни-младший выглядит божественно, потому что говорит голосом Владимира Зайцева, Ольга Зубкова «обучила» Анджелину Джоли говорить по-русски, а лучшее, что есть в фильмах с Джонни Деппом последних лет – манящий в туман голос Александра Баргмана.

Все эти люди известны только по их голосам, зато эти интонации не спутаешь ни с чем. Нечто подобное – и в огромном сложном мире иностранной литературы, которую большинство из нас читает всё же в русском переводе, потому что похвастаться, что владеют всеми мировыми языками, на которых творят современные писатели, могут «лишь никто». И тогда на сцену, неизменно оставаясь в тени, выходят они – литературные переводчики. И читатели, которым в руки порой попадает удивительная книжка, не замечают, что у них за спиной сразу несколько «ангелов», духов-ларов текста – автор, переводчик, а иногда ещё и эксперт-консультант.

И раз уж мы говорим о творческом пространстве, о том окружении, в котором человек творческий излагает свою идею языком искусства, то без переводчиков никуда. Сделать героями журнала людей, чьих имён почти никто не знает, но «их» книги читают запоем, – это идея давно витала в воздухе. Пока в руки не попала необыкновенная во всех смыслах книга Антонио Гарридо «Читающий по телам» (СПб.: Иностранка, 2014), после чего идея обрела воплощение. Средневековый Китай, оживающий в этом романе, благодаря таланту испанца Гарридо, обрёл уверенный и ясный голос переводчика Кирилла Корконосенко и оброс плотным экзоскелетом фактов, за что низкий поклон китаеведу Вячеславу Рыбакову. Полное погружение.

«Читающий по телам» – тот случай, когда окончательный образ складывается из полифонии голосов, каждый из которых добавляет свой обертон, пока мелодия не начинает звучать так, что хочется слушать её вечно.

КИРИЛЛ КОРКОНОСЕНКО: «ПОРОЙ ОЧЕНЬ СЛОЖНО НЕ СБИТЬСЯ НА “ОТСЕБЯТИНУ”»

Поэт, кандидат филологических наук, член Союза писателей Санкт-Петербурга, преимущественно испанист – так пишут о Корконосенко на творческих сайтах («преимущественно» – потому что, помимо испанского, он публикует и поэтические переводы с немецкого). А одной из недавно переведённых Кириллом книг является роман Антонио Гарридо – об основателе криминалистики и судебной медицине Сун Цы, жившем в средневековом Китае. Но на обложке, как заведено, только фамилия автора…

ИМЕНА ЛУЧШИХ МАСТЕРОВ СЕГОДНЯ НА СЛУХУ

– Кирилл, чаще всего переводчик исполняет при авторе роль «серого кардинала». Однако ведь именно в его власти все герои и происходящие между ними перипетии: истолковать слова с одного языка на другой можно по-разному. Насколько переводчик может «скорректировать» отношение читателя к исходному тексту?

– Не думаю, что профессиональный переводчик в наши дни должен корректировать отношение к героям. Всё-таки времена переводов-интерпретаций (как это было, например, с «Дон Кихотом»), давно прошли. Что до «безвестности» переводчика, тут я тоже не соглашусь: имена лучших мастеров вполне на слуху.

– Как Вы в своей работе пришли к латиноамериканцам?

– Мне просто начали поступать заказы на их стихи и прозу. Полагаю, эта самая обычная дорога. В Латинской Америке я пока не был.

«БЕССМЕРТНЫХ» ПЕРЕВОДОВ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

– Вы переводите книги абсолютно разного жанра – современную и историческую прозу, статьи Педро Альмодовара и прозу Хулио Кортасара, детективы и триллеры, бестселлеры. Все эти работы разные по сложности перевода, но есть ли что-то особенно сложно поддающееся?

– У автора бывает сложный язык, а ещё у него есть «настроение». Даже если мне как читателю всё понятно, порой очень сложно подобрать нужную фразу и не сбиться на «отсебятину».

– А какие работы стали для Вас самыми любимыми? Возможно, для переводчика самая сложная работа является одновременно и самой интересной…

– Интереснее всего, когда попадаешь, повторюсь, в настроение писателя. У меня есть любимый автор для перевода (хотя не всегда для чтения) – это аргентинец Федерико Андахази. Я перевёл уже шесть его романов и сборник рассказов. Он человек довольно молодой, и, надеюсь, наше заочное сотрудничество продолжится.

– Кирилл, роль переводчика не статична для произведения, которое, с течением времени, может перевести другой человек, и оно заново оживёт для читателя. Так, к примеру, того же «Дон Кихота» мы знаем в переводах Григория Лозинского и Николая Любимова, и оба они были сделаны более 50-ти лет назад. Может ли современный переводчик сказать что-то новое, рискнув перевести эту историю? И вообще – надо ли периодически переводить заново классику жанра?

– Уточню как *переводовед*: я писал статью об авторстве перевода 1929–1939 годов: так вот, доказано уже, что там был не один Лозинский, а как минимум пять человек трудились над текстом. Один из них, Александр Смирнов, проницательно заметил: «если есть “бессмертные” литературные произведения, то “бессмертных” переводов не может быть, и чем замечательнее произведение, тем чаще должен возобновляться его перевод». Я совершенно с ним согласен. Добавлю от себя, что в русской истории романа Сервантеса с самого её начала (перевод И. А. Тейльса 1769 года) ни разу не выдавалось такого долгого промежутка без появления

нового перевода. Нет оснований полагать, что пришла пора отказываться от переводов XX века, но всё-таки с момента их создания изменился и язык, и представление о мире, и представление о романе Сервантеса.

ИНОГДА ПРИХОДИЛОСЬ ПРЕОДОЛЕВАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

– С другой стороны, именно поэтому новый роман – наверное, всегда вызов для переводчика. Насколько таким вызовом стал для Вас роман «Читающий по телам»?

– Стал, это уж точно. До момента получения заказа я имел о средневековом Китае самое отдалённое представление. Точнее, не имел никакого.

– Чтобы максимально избежать фактических ошибок, нужно исключительно хорошо знать время и страну, о которой идёт речь в книге. В этом отношении перевод этого романа должен представлять особую сложность: написан испанцем, действие происходит в Китае, да ещё и в XIII веке. Как шла работа над ним, какие проблемы возникали по её ходу, и как Вы их разрешали?

– Я очень рад, что роман редактировал профессиональный китаист Вячеслав Рыбаков. Он же писал и примечания, в которых, по счастью, переводчику досталось за незнание китайских реалий гораздо меньше, чем автору. В итоге ляпов осталось гораздо меньше.

– Перед переводчиком, помимо прочего, стоит задача передать читателю местный колорит. Каким путём Вы шли в её решении, ведь китайский колорит, описанный в данной книге испанским автором, надо было, как в игре «испорченный телефон», «перевести» уже на русский язык?

– Да, кое-где пришлось преодолевать сопротивление авторского текста. Для адекватной передачи сложных названий я использовал, в частности, такой практический метод: смотрел, как называется этот город в испанской Википедии, потом переходил на русскую страничку, потом проверял. И часто это срабатывало.

ТВОРЧЕСТВО – УМЕНИЕ «ПОПАСТЬ» ОДНОВРЕМЕННО И В АВТОРА, И В ЧИТАТЕЛЕЙ

– Кирилл, у переводчика может быть две беды – слишком вольный перевод текста и дословное следование ему. Получается ли у Вас идти царским – средним путём?

– Не мне об этом судить. К тому же, на мой взгляд, у обеих этих «бед» есть значительные плюсы, которые могут пригодиться в определённых ситуациях.

Творчество – это стремление «попасть» одновременно и в автора, и в читателей.

– Что есть творчество в переводе? Всё же переводчик поневоле привязан к чужому тексту, который, по всей видимости, должен почувствовать своим.

– В теории я разделяю точку зрения, что перевод всегда предназначен для определённой аудитории. Сервантеса, детскую книжку, детектив нельзя переводить с помощью одних и тех же приёмов. Это, кстати, тоже к разговору о вольности и буквализме. Тогда, выходит, творчество – это стремление «попасть» одновременно и в автора, и в читателей.

Попала в переводчика
Светлана Куликова

ГЕРМАН КОХ
СПАСИ НАС, МАРИЯ МОНТАНЕЛЛИ
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!
ДЕБЮТНЫЙ РОМАН ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ «УЖИН» И «ЛЕТНИЙ ДОМИК С БАССЕЙНОМ»!
Роман-исповедь в духе шедевра Дж. Д. Сэлинджера. De Volkskrant
Герман Кох
СПАСИ НАС, МАРИЯ МОНТАНЕЛЛИ
АЗБУКА БЕСТСЕЛЛЕР
ГЕРМАН КОХ Летний ДОМИК С БАССЕЙНОМ
МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ГЕРМАН КОХ УЖИН
АЗБУКА
БУКВОЕД
петербургская книжная сеть

МИР, В КОТОРОМ ИСКРЕННЕ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

От переводчика с одного языка на другой – к перевозчику через тёмные воды времени. Он не просто на несколько веков назад отматывает плёнку, а на 700 с лишним лет, возвращая читателей в древнюю эпоху, в сунский Китай. Без консультаций китаеведа и писателя Вячеслава Рыбакова совместный труд Гарридо и Корконосенко не дал бы такого эффекта полного погружения в далёкое прошлое загадочной страны, долгое время отгороженной стеной добровольной изоляции от всего мира. Поэтому люди, не просто знающие китайский, но и разбирающиеся во всех хитрых нюансах тамошней жизни, да ещё отстоящей от нашего времени на столько веков, в глазах обычных людей – настоящие волшебники. Они не просто создают вокруг себя необыкновенную творческую атмосферу, они словно живут в ином измерении, в магическом мире, в котором чудеса не в технологиях, а в тонких деталях человеческих взаимоотношений.

В продолжение импровизированного цикла «Вокруг Гарридо» – китаевед, доктор исторических наук, специалист по средневековому китайскому праву, сценарист, прозаик Вячеслав Рыбаков.

ПЬЯНЫЕ ИЗВОЗЧИКИ, А НЕ МИНИСТРЫ

– Вячеслав Михайлович, Ваши примечания к роману Антонио Гарридо читать порой более интересно, чем сам роман. Насколько автору (и переводчику) удалось передать атмосферу средневекового Китая? Или Вы не акцентировали своё внимание на атмосфере, а лишь на точности перевода всего, что касалось судебной системы Китая того времени?

– Во-первых, не могу не поблагодарить Вас за лестный отзыв о моих скромных комментаторских усилиях. Скажу честно: я усердствовал, как мог. Что касается атмосферы, то о таких вещах трудно судить. Ведь я сам тоже не был в сунском Китае, не ходил по улицам его городов, не плавал на речных джонках... В Шанхае в 2003 году мне посчастливилось напороться на ночных красавиц, но у меня, в отличие от героя романа, хватило ума и хладнокровия от них сбежать – однако ведь и возможностей меня опоить у них было куда меньше, чем у той красотки, что в романе так подвела юного гения китайской медицины. Поэтому относительно атмосферы мало что могу сказать. То, что автор очень старался эту атмосферу создать, – это я могу заявить с полной ответственностью. Но, конечно, Европа лезет из всех пор его честных стараний. Мне кажется, что перед глазами автора, когда он работал над романом, всё ж таки маячило европейское Средневековье, просто переодетое в китайские халаты. Чужая культура для европейца не более чем этнографические особенности, так я думаю. Барак, простите за выражение, Обама не зря заявил в одной из своих недавних программных речей: «Неважно, какая у вас культура, ведь прогресс есть прогресс, а предрассудки есть предрассудки». Повторяю, я не был при сунском дворе, но, как следует из всех источников, поведение, скажем, министров того времени было чрезвычайно ритуализовано. Они без конца благодарили друг друга за то и за сё, утомительно, на наш взгляд, скромничали – и с этой точки зрения вполне естественное человеческое поведение министров у Гарридо выглядит для китаиста безобразно хамским. Пьяные извозчики, а не сунские министры... Но штука в том, что, наверное, для массового читателя это лучше: так он впитывает персонажей романа с меньшим напряжением, они именно такими кажутся ему более натуральными и достоверными. И переводчик, разумеется, ничего в этом изменить не мог, да и не должен был. Переводчик не может, не имеет права нести отсебятины. Сколько я могу судить, он вполне передал то, что пытался донести до нас автор.

Чрезмерно суровое наказание – прямая дорога к стихийным бедствиям, стало быть – к голоду, к вымиранию населения.

НАКАЗАНИЕ РАДИ ГАРМОНИИ В МИРЕ

– Китайская средневековая судебная система для нас сегодня совершенно непонятна, хотя и крайне интересна – прежде всего, своей необычностью. Точное указание на то, сколько именно ударов палками должен получить виновный в том или ином преступлении, поражает скрупулёзной законченностью – кажется, что предусмотрено фактически всё, что может случиться. Как Вы считаете, в наше время возможно столь же точно определить меру наказаний за те или иные проступки? Или без обвинений в «недемократизме» дело не обойдётся?

– Тогдашние китайские юристы были поставлены в положение, когда иначе писать законы они просто не могли. С точки зрения тогдашней китайской космогонии и натурфилософии преступление нарушало мировую гармонию в целом, и наказание должно было точно соответствовать преступлению по силе воздействия на космос, чтобы вправить нанесённый преступлением вселенский «вывих» с предельной аккуратностью. Иначе последствия могли оказаться ещё хуже, чем если бы преступление вовсе не было наказано. Чрезмерно суровое наказание – прямая дорога к стихийным бедствиям, стало быть – к голоду, к вымиранию населения целых уездов... Китайцы этого очень опасались. Поэтому для каждого нарушения ответные меры правосудия должны были быть вычислены лучшими умами империи, и на волю рядовых судей старались оставлять как можно меньше. Хотя и тогда понимали, что всех мелочей не предусмотришь, и в закон была введена категория так называемых «действий, которых не следовало совершать», и за них предусматривались совершенно определённые наказания – за лёгкие недолжные действия сорок ударов палками, за тяжёлые – восемьдесят. При этом в законах время от времени по ходу дела приводятся примеры таких действий, и тяжёлых, и лёгких, чтобы местные судьи на этих примерах научились распознавать действия сходного порядка и назначать за них наказания самостоятельно. В наше время такой точный расчёт невозможен прежде всего потому, что он не нужен. У нас многочисленные жертвы при наводнениях объясняются не неправильным судопроизводством, а более реальными причинами – например, тем, что местные власти пальцем о палец не ударили, чтобы вовремя предупредить об опасности подведомственное им население. И это, пожалуй, справедливее. Оставлять судьям некий простор между верхним и нижним пределами наказания некоего действия, чтобы они могли учесть те или иные специфические обстоятельства совершения конкретного преступления, – правильно. Другое

дело – сами законы. Когда, например, наказание за смертельный наезд джипом на молодую маму с коляской колеблется от трёх лет условно до одного года с отсрочкой приведения в исполнение на двадцать лет – от такого правосудия и впрямь могут начаться землетрясения.

«АМОРАЛЬНОЕ» И «УГОЛОВНОЕ» ДЛЯ КИТАЙЦЕВ СИНОНИМИЧНО

– Сегодня нам удивительны моральные устои китайцев XIII века, когда родственники обязаны были покрывать друг друга от властей, если один из них совершил что-то незаконное. Но если отвлечься от столь необычного подхода к закону и морали, то можно увидеть нечто ещё более необычайное: их совершенное переплетение. То есть, насколько я понимаю, в древнем Китае законодательно регулировались нормы морали. Это звучит на грани абсурда, но, по Вашему мнению, можно было бы этот опыт хоть в малой мере перенести в современный нам мир? Или сегодня понятия морали настолько размыты, что вряд ли их можно определить и тем более «узаконить»?

– Немножко наоборот. Китайцы не моральные нормы регламентировали законом, но закон полностью подчинили нормам уже существующей морали. Аморальное и уголовное стало для них фактически одним и тем же, но первичным здесь было то, что некое действие осуждается с моральной точки зрения. Потому оно и заслуживает наказания. Однако чтобы быть последовательными, им пришлось формализовать мораль. Скажем, за то, что нанёс побои старшему брату, – наказание такое-то, а за ровно такие же побои старшему двоюродному брату – непременно на степень легче, потому что родство не такое близкое. И тут уж совершенно всё равно, кого ты больше любил и кто тебя любил больше, – родной старший брат или брат

Китайцы рано открыли, что можно, оказывается, заставить людей вести себя так, как угодно власти.

двоюродный. Китайцы рано открыли, что можно, оказывается, заставить людей вести себя так, как угодно власти, очень простым способом: назначить награду за угодное поведение, назначить наказание за поведение неугодное, – и готово дело. Но почти сразу же столкнулись с тем, что такие законы не работают, а только кормят чиновников, взимающих чудовищную мзду за то, чтобы прикрывать нарушения таких законов. Потому что люди всё равно вели себя так, как привыкли, как считали правильным и честным, и если законы их представлениям не соответствовали – они просто ненавидели законы и власть, которая их ввела. И нарушали их без зазрения совести. И все оказывались преступниками. А низовой персонал потирал руки, кормился на взятках и любого мог, если что, арестовать и засадить, потому как нарушения закона числились за всеми без исключения нормальными, вполне себе прилично живущими людьми. В итоге государство рухнуло. Этот урок в Китае выучили на все оставшиеся две с половиной тысячи лет своей истории и старались не нарушать мораль законом, но наоборот, подпирать как только можно. Для нашего времени это, конечно, неприемлемо. Хотя порой очень хочется. Но стоит только начать, пусть даже из самых благих побуждений – и мы быстро столкнемся с тем, что для каждого из нас его родной брат должен будет, хоть тресни, становиться более любимым, чем двоюродный. И если это для кого-то не так – он уже выродок. Для современного человека такая регламентация личных чувств немыслима. Но вот то, что следует по возможности, с максимальным тщанием и до максимально возможного при нынешних устоях жизни предела подчинять закон морали, – это для меня бесспорно. Не может быть, ни при каких условиях не должно быть так, что кража мешка картошки по закону наказывалась бы строже, чем миллионная взятка. Грош цена такому закону. Он разрушает мир.

И СТАРИКИ СЫТЫ, И ДЕТИ ЗДОРОВЫ

– Вячеслав Михайлович, расцвет каждой страны базируется на её прошлом, на её истории. Что помогает расцветать Китаю и, как Вы думаете, что могло бы помочь сделать это России?

– Все социальные процессы, в том числе и государственная успешность, являются многофакторными, то есть нельзя назвать какого-то единственного объяснения. Но можно попробовать выделить основное. И то основное, что я вижу у Китая, не разглядел бы никто, я думаю, кроме фантаста (Рыбаков, как писатель, известен фантастическими романами и тем, что он был одним из соавторов в проекте «Хольм ван Зайчик». – **Прим. ред.**). Самый общий ответ – успех Китая обусловлен его культурой. Но что именно в культуре Китая даёт ему такой стимул? На мой взгляд, то, что в его культуре

существует устойчивое и в значительной степени реализуемое представление об идеальном состоянии общества и государства. Посмотрите на европейские утопии – Платон, Мор, Кампанелла хором требуют от вас отмены денег, лишения всякой личной и частной собственности, полного отказа от торговли, поголовного подчинения всякому слову начальства, постоянной внешней экспансии под предлогом спасения соседей от тирании их собственных правителей... Эти утопии были абсолютно бесчеловечны и абсолютно нереализуемы, всякая попытка их претворить в жизнь приводила к катастрофе. Самая крупная такая катастрофа произошла в России в 17-м году прошлого века. Ведь представления о мире идеальном пришли к нам вместе с остальной европейской культурой, и мы сдуру купились, потому что российская культура была настолько молода, что собственного представления об идеальном мире не выработала. А у китайцев утопия совершенно иная. Её породило конфуцианство две с половиной тысячи

Очень скромные запросы: ничего не надо ломать, сжигать, отнимать, завоёвывать. Никто не отменяет ни денег, ни собственности – просто их следует держать и перемещать в соразмерности.

лет назад, и с тех пор она фактически не менялась. Сытые старики под присмотром, здоровые многочисленные работящие дети, искренне преданные своим родителям, мужчины во цвете лет, занятые общим делом и доверяющие друг другу. Я сейчас фактически цитирую столь любимый ван Зайчиком «Лунь юй» и лишь для краткости не привожу точных цитат. Очень скромные запросы: ничего не надо ломать, сжигать, отнимать, завоёвывать. Никто не отменяет ни денег, ни собственности – просто их следует держать и перемещать в соразмерности. Зато подробно, любовно, с крайней эмоциональной притягательностью – чего в европейских утопиях и в помине не было – разработан психологический тип человека, повседневная деятельность которого превращает неприглядный окружающий мир со всеми его неурядицами в тот, который нужен людям, в котором именно всё это и будет: и сытые старики, и здоровые дети, и мир с соседями. Человек может становиться таким сам, не под давлением начальства и не под страхом уголовного преследования, а потому, что он гордится собой улучшенным, потому что для него ценно мнение таких же, как он, только продвинувшихся на пути совершенствования немного дальше... И чем больше он сам, лично, становится таким, как надо, тем успешнее его добровольные труды по превращению мира в такой, как надо. Эти две вещи в конфуцианстве неразрывно связаны. Китай тоже переживал на протяжении своей истории колоссальные катастрофы, но после каждой из них его культурная элита вновь начинала мало-помалу строить эту незамысловатую, но именно из-за этого – вполне поддающуюся реализации утопию. И всякий раз достигала успеха. Большевики уверовали в придуманный в Европе идеальный мир коммунизма – и это привело страну к краху. Сейчас, при всех наших ссорах с Западом, у нас опять нет иного образа желанного будущего, кроме как успешная по западным меркам либеральная страна. И поэтому снова у нас внутренние моторы не работают. И не заработают, пока культура не поможет нам понять, в каком мире мы хотели бы на самом деле, искренне, от души жить.

Слушала без предрассудков о лучшем мире
Светлана Куликова

МУЗЫКА, ПОД КОТОРУЮ ТАНЦУЕТ ЧИТАТЕЛЬ С АВТОРОМ

Используя изрядно привязавшуюся к этому номеру театральную терминологию, литературный переводчик для современной книжной индустрии – человек незаменимый, но незаметный, как суфлёр в театре: сидит в своей будке, на сцену не лезет за аплодисментами и букетами, но знает от первой до последней буквы весь текст любой пьесы. А ведь они тоже люди – с глубоким пониманием предмета, коему посвятили себя, с художественной образностью во взглядах на мир, с творческим потенциалом. Лозинский, Галь, Маршак, Пастернак, Райт-Ковалёва, Голышев, Чхартишвили, Коваленин – это далеко не все имена переводчиков, которые в книжном мире значат столь же много, как и фамилии великих авторов, чьи произведения, благодаря усилиям невидимых героев перевода, звучат сегодня на русском языке так, словно были на нём написаны. И многие переводчики – многостаночники, поэтому успевают заявить о себе в разных ипостасях. И, если уж говорить о творчестве и о «сцене», на которой растёт и крепнет мастерство талантливого человека, то не менее авторов, этих «главных актёров», внимания заслуживают и переводчики. Как Шаши Мартынова, издатель и переводчик, оптимист и трудоголик. Главный редактор издательства «Гаятри/Livebook», один из создателей книжной лавки «Додо», выросшей в сеть магазинов, – это лишь некоторые из образов Шаши. Побывав с книгой и в разведке, и на балу, и в приватных беседах, она прекрасно понимает, благодаря какому «инструменту» хорошая книга может звучать, как музыка, как и то, какая роль у этого инструмента в оркестре.

– Шаши, вы переводчик с секретом. В моей голове литературный переводчик обычно или в образе профессора с диссертацией минимум по культуре инкской цивилизации, или строгой дамы, которая днём работает в библиотеке, а вечерами штудирует свитки с древними рукописями. А Вы на фото – девочка с хвостиками-косичками. Но при этом успели поработать в книжной индустрии как издатель, книгопродавец, литературный переводчик. Поэтому первый вопрос разделяется на два рукава. Первый: каково это – быть литературным переводчиком, на чисто житейском уровне? Какие они – представители этого «тайного ордена»?

– Ну уж вы. Современный переводчик на русский бывает всех видов, цветов и размеров – я всяких видала, по крайней мере. Это вы себе представляете либо что-то очень стародавнее, либо сказочно-фантастическое. Есть, разумеется, и седовласые профессора, и строгие дамы, но бывают и весёлые балагуры, и задумчивые филологические барышни (в очках и без оных), и технари с лукавым блеском очей, и всякие прочие.

На житейском уровне случаются и гусары-одиночки без конторской или иной внешней работы, и совмещающие, и многозадачники – не только литературный перевод, но и синхрон, и преподавание, и журналистику. У меня большую часть рабочего времени занимают две задачи – перевод и возня со всякими делами в «Додо». Но делаю я всё это в основном из дома. Есть и всякие «нерабочие» занятия, но это деление очень условно: всё, с чем я вожусь, – моя большая любовь, а слово «работа» нагружено всякими непригодными в моём случае коннотациями.

– Второй рукав: раз уж изучили книжную индустрию вдоль и поперёк, то в какой из ипостасей своих удалось познать книгу, текст и сердце читателя глубже всего?

– Не претендую на вдоль и поперёк, но точно знаю, что познать сердце читателя возможно лишь в том случае, если говорить с ним, образно говоря, и из-за прилавка, и из-за письменного стола. Поэтому я сознательно влезала и влезаю во все процессы, связанные с разными стадиями жизни книги.

– Вы окончили химфак МГУ, но решили не становиться Марией Склодовской-Кюри, а погрузились в мир для Вас более увлекательных книжных формул. Как сохранить химию исходного текста переводчику книг на русский с других языков, на которых говорят люди с принципиально иной ментальностью и культурным фоном, чем мы?

– Как меня учил мой наставник в художественном переводе Макс Немцов, переводчик находится на службе в первую очередь у автора. О том же говорят и преподаватели писательского и поэтического мастерства Ричард Хьюго, Джулия Кэмерон, Натали Голдберг – о точности, о честности, об искренности текста. Смирение перед автором и его текстом – необходимое свойство переводчика, на мой взгляд. Ведёт в этом танце автор.

Смирение перед автором и его текстом – необходимое свойство переводчика. Ведёт в этом танце автор.

– Переводчик – это почти что соавтор текста, но его имени многие не знают, потому что не читают выходные данные, и вот в этой тени он, не оставляя своих следов, создаёт по сути иной текст с тем же содержанием. Как? Какие основные правила литературного перевода надо держать в голове, если хочешь заняться этим неблагодарным и сложным трудом?

– Точнее Норы Галь я всё равно не скажу, да и кто я такая, чтобы рассуждать о правилах перевода. Я согласна с мнением, что нет теории перевода, есть только практика. Слушать автора, приникать ухом, разумом и сердцем ко всему, что автор поминает в тексте (отыскивать музыку, о которой идёт речь, смотреть фильмы, на которые ссылается автор, читать тексты, относящиеся к переводимому, если есть возможность – изучать интервью с автором, особенно звуковые), помнить, в каком пространстве-времени был создан переводимый текст, отдавать весь свой родной язык в услужение маленькому космосу, сотворённому автором, – и не выделываться за его счёт. И да: без редактора никуда. Мы все живые люди. Практически всему самому важному я научилась, работая с редакторскими правками своих текстов.

– Переводы кого из коллег по цеху читаете с особым удовольствием, если не заняты работой сами? Кого любите особо, кто главный эталон литературного переводчика для Вас? И за что человеку такая честь?

– Каждому переводчику – свои авторские голоса, свои литературные традиции, в которых переводчику сподручнее всего ориентироваться. К примеру, голос современной литературной Америки по-русски для меня – Макс Немцов, Англии – Сергей Ильин, Испании и Португалии – Александр Богдановский. Они слышат переводимое – это чутко настроенные инструменты передачи музыки слов, умные, точные, щедрые.

– Среди Ваших переводов для издательств «Фантом Пресс» и «Livebook/Гаятри» тексты Хоссейни, Флэгг, Шарпа, Апдайка, Геймана и других авторов. Среди новых работ – это книжки, как я их назвал для себя, «всякой удивительной хрени» под редакцией главного знатока Британии Стивена Фрая. Очень-очень разные книги, но лишь на первый взгляд. Есть ощущение, что все эти тексты словно вобрали в себя часть Вашего лингвистического оптимизма. Но это читатель видит уже по факту, а Вы, как стойкий солдатик невидимых фронтов, с каким самыми

невероятными задачами сталкивались?

– Мне нравится, когда автор ловок, подвижен, остроумен. Когда он со мной честен и смел, когда он как ветер и небо – мне кажется, я в силах это распознать. Я обожаю переводить смешное. Непросто – не умереть на громоздкостях и перегруженностях Дали, не устать под напором неостановимого вышучивания Кэти Летт, не заболтать разговорность Флэгг. Но самые невероятные задачи у меня ещё, надеюсь, впереди.

Мне нравится, когда автор ловок, подвижен, остроумен.

– Один из ваших проектов – книжный магазин «Додо». Додо – птичка вымершая и даже немного мифическая, благодаря Льюису Кэрроллу. Чего Вам не хватает в нынешних книжных магазинах по атмосфере, книгам, отношению к людям?

– Мне в нынешних книжных не хватает человека. Приятельства. Свойскости. Книг мне не хватает остроумных, правильно хамских, безумных. Книжных – нерегулярных, как английский парк, немножко свалочных, правильно «бестолковых», разухабистых, смешных, человечных. Со случайностями. Террипратчеттовских. Но с людьми в нём, которые этот творческий бардак знают, как свои пять пальцев. Большую часть времени.

– Не как издатель, продавец и переводчик, а как читатель, что можете сказать о тех книгах, которые сегодня продаются? Оформление, качество переводов, сюжеты – *айс* или не *айс*? Учимся чему-то у Запада или перенимаем только плохое?

– В переводе читаю только тех, кого знаю лично, или кого знают лично те, кого я знаю лично. Есть возможность прочесть в оригинале – сделаю так. Современную русскоязычную прозу читаю мало и не могу вынудить себя её любить. Какая уж тут учёба; российское – оно гордое, свой путь у него. Из написанного соотечественниками в наши дни читаю только поэзию и многим в ней дорожу, многое ценю.
С оформлением же всё ничего: умеем. Нарядно.

– Шаши, над чьим текстом хотелось бы поработать, но пока не предлагают?

– Над эссеистикой Флэнна О'Брайена, над парой романов Гилберта Соррентино, над уймой американской поэзии, над одной повестью Спайка Миллигэна. Я бы сделала новый перевод «Чужака в чужой стране» Хайнлайна – полной версии, а не зарезанной, в какой она издавалась и переводилась, пока дочь автора не дожала издание всего романа целиком. Но их, кроме «Додо», никто не утрудится издавать. А на Хайнлайна права у «АСТ», и им перевод несокращённого издания вряд ли понадобится.

– У нас в России 2015 год задумали Годом литературы сделать. Вы, как человек, прошедший все уровни книжной индустрии, как думаете, что надо делать, чтобы в стране не перевелись читатели?

– Создать бы альтернативную программу по литературе для школьников, а не вот это, что сейчас есть. Но это про другую страну.

– Но живём, работаем, творим мы всё же в этой стране. И каждый создаёт себе рабочую атмосферу по мере своих представлений. В какой обстановке работаете Вы?

– Рабочее место у меня походное: я на кухне луплю по клавишам, в окружении чашки с чаем, пепельницы, фиалок в горшках и всякой прочей кухонной дребедени. Ещё у меня есть стакан с ручками и фломастерами, чернильница, старая точилка с ручным приводом, бумаги для рисования, портрет мамы, портрет мужа, большие чёрно-белые фотографии на стенах. Напротив меня на стене – барометр и рында.

Из написанного соотечественниками в наши дни читаю только поэзию и многим в ней дорожу, многое ценю.

P. S. У Шаши пока не очень много переводов, но уже есть премия Норы Галь, выданная ей под роспись в этом году «за решение особой переводческой задачи». Кстати, если кто не понял, Шаши – это приобретённое имя, а не данное при рождении. Приобрелось оно в коммуне Ошо, а полностью звучит как Ма Ананд Шаши, что в приблизительном переводе означает «женщина в поиске безмятежности через сумасшествие». Вот всем бы так – желать покоя, наслаждаясь непокоем.

Катался на додо под звуки рынды
Александр Правилов
Благодарим за помощь в организации интервью Елену Захарчеву
Фото – Анна Синяткина

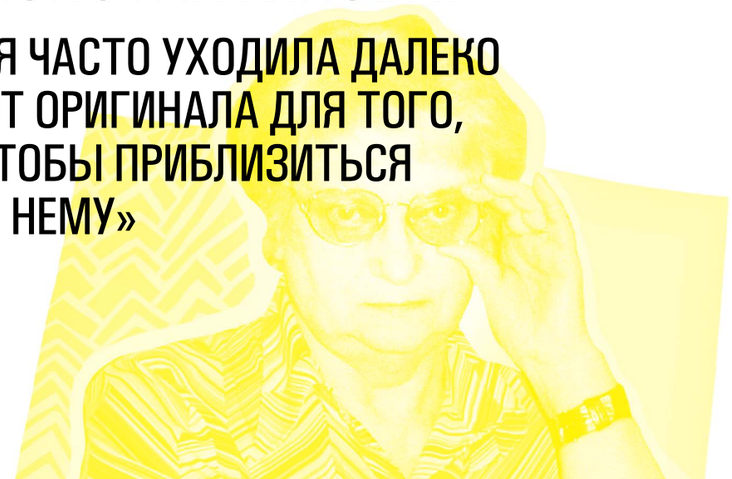
КОСМОНАВТ
БРОННИЦКАЯ, 24
COSMONAVT.SU
303-33-33

3.11 LA COKA NOSTRA
ТОРБА-НА-КРУЧЕ 22.11
4.11 RED SNAPPER
СМОКИ МО 23.11
5.11 HED PE
THOUSAND FOOT KRUTCH / STIGMATA 25.11
6.11 YOAV
PARKWAY DRIVE 27.11
7.11 BETH HART
SWANS 28.11
8.11 SUNSAY
L'ONE 29.11
9.11 FPG
ТАРАКАНЫ! 30.11
13.11 ILL NINO
TESLA BOY 2.12
14.11 БРАВО
UNKLE SOUNDS 4.12
15.11 LYAPIS CREW ТРУБЬЮТ
TIGER LILLIES 6.12
16.11 КРОВОСТОК
ДИСКОТЕКА 90-Х 6.12
18.11 ELECTRIC SIX
OXXXYMIRON 12.12
21.11 JOHNYBOY
AYO 15.12

ИРИНА КОНСТАНТИНОВА:

«Я ЧАСТО УХОДИЛА ДАЛЕКО ОТ ОРИГИНАЛА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К НЕМУ»

Следующий герой в импровизированном «блоке переводчиков» – человек удивительный и даже легендарный. Ирина Георгиевна Константинова – филолог, журналист, редактор и переводчица с итальянского, автор великого множества прекрасных переводов столь впечатляющего списка авторов, что только на их перечисление нужна целая страница текста. Она – член трёх творческих союзов: журналистов, литераторов и переводчиков. А всё началось для молодого и желающего оставить свой след в истории редактора музыкальной и научно-познавательной редакций Ленинградской студии телевидения с удивительных сказок Джанни Родари. На его сказках выросло несколько поколений советских детей, и в новой России волшебные истории итальянского коллеги Ганса Христиана Андерсена всё так же интересны детям, всё так же достойны самых лучших мастеров перевода, которые бережно, в соответствии с новыми веяниями времени, но и сохранив неповторимую атмосферу авторских текстов, ещё раз пересказали бы знакомые многим мамам и папам нашего времени сюжеты.

Издательство «РОСМЭН» предлагает отправиться на планету новогодних ёлок. Сказка Родари с таким названием вышла совсем недавно – и достойна внимания. Потому что перевела её, практически заново, самый главный специалист по волшебнику Джанни в нашей стране Ирина Константинова, а удивительными иллюстрациями украсила Виктория Фомина. Но ещё более удивительные вещи рассказывает Ирина Георгиевна, предлагая не просто по-новому взглянуть на сказки Родари, но и на само творческое пространство, в котором работает переводчик. Переводчики сказок для детей имеют куда больше возможностей заявить о себе, чем авторы переводов книг для взрослых читателей…

КАК МОЖНО ПОХУЛИГАНИТЬ В КНИЖКЕ

– Тексты Джанни Родари в чём-то опередили время, потому что сегодня дети живут в придуманном им мире, который одновременно похож на лавку сладостей, комнату ужасов и карусель – и ни одного взрослого нет! Много позже нечто подобное я испытал от некоторых анимационных лент Миядзаки. У каждого – свой Родари, а что значит этот автор для Вас, переводчицы с итальянского с многолетним стажем? Чем дорог Вам Родари как писатель и человек?

– Со сказками Джанни Родари я познакомилась практически сразу после того, как их напечатали в Италии – в 60-х годах. Кто-то из знакомых прислал мне его книги. А вскоре я прочитала и замечательные переводы Самуила Яковлевича Маршака. Конечно, мне тотчас захотелось перевести сказки Родари. И я стала пробовать свои силы. Поначалу очень робко и неуверенно, да и времени на это оставалось немного – работа на телевидении (по своей основной профессии я – журналист), семья, сын… Мои переводы охотно печатали журналы и газеты, а потом в «Лениздате» вышел и первый сборник произведений Родари – «Стихи и сказки» (в 1969 году. – **Прим. ред.**). Стихи, какими нередко пересыпаны сказки Родари, очень удачно переводил мой муж – Лев Тарасов, режиссёр телевидения и талантливый писатель. Книжечка стихов Родари в его переводе – «Как путешествовал Джованнино по прозванию Бездельник» – выходила и отдельными изданиями, и в сборниках.

Но самая знаменитая сказка Родари это, конечно же, «Приключения Чиполлино» (первое издание в нашей стране вышло в 1955 году. – **Прим. ред.**). И у неё вот такая любопытная история. Сказку перевела Злата Потапова, тогда молодая, начинающая переводчица. В издательстве, посмотрев её работу, поняли, что она, к сожалению, никуда не годится, слишком слаба. Но было видно, что сказка сама по себе весьма славная, надо только как следует отредактировать перевод.

Сделать это попросили Маршака. А он взял да и переписал (!) её – не перевёл заново, а именно переписал, то есть пересказал по-своему. И вышло очень талантливо! Злата Потапова больше никогда ничего не переводила для издательств, а маленькие читатели получили чудесную сказку, которая выдержала, наверное, уже больше двухсот изданий, если не больше.

Однажды ко мне обратилось одно издательство с предложением сделать новый перевод «Чиполлино». Им никак не удавалось договориться с наследниками Потаповой о правах, а издать сказку очень хотелось. Открыв оригинал, я перевела первую страницу. Потом открыла «Чиполлино» Маршака и увидела, что он очень далеко ушёл от оригинала – действительно пересказал, создал своего собственного Чиполлино! Но при этом сохранил дух, стиль, характер и, конечно, суть сказки Родари. Вот

в этом и заключается его мастерство. Кстати, у него есть интересная статья под названием «Почему я перевёл стихи Джанни Родари», и в ней он как раз пишет: «В некоторых из своих переводов я отошёл от буквальной точности, стремясь передать самую сущность свежих и непосредственных стихов итальянского поэта. Но иначе, я думаю, и нельзя переводить свободные и причудливые, часто основанные на забавной рифме стихи для детей».

Я не стала переводить «Чиполлино» – лучше Маршака это не сделать! Но в дальнейшей моей работе я следовала его примеру и очень часто тоже далеко уходила от оригинала именно для того, чтобы приблизиться к нему. Казалось бы, парадокс, но это хороший метод, и он работает.

Кроме «Чиполлино» и «Голубой стрелы», я перевела практически всё остальное из Родари, что опубликовано на русском языке. И если собрать всё, то это четыре или даже пять томов. Несколько лет назад злополучное издательство «Терра» выпустило такой четырёхтомник, где был откровенный, прямо-таки беспардонный плагиат почти всех моих переводов. У меня слёзы навернулись на глаза, когда я увидела, как изуродовали, буквально искалечили мою работу ради того только, чтобы хоть немного видоизменить её. Я не выдержала оскорбления и подала в суд. Он вынес решение – запретить продажу этих четырёх томов, то есть признал, что это плагиат.

Помнится, даже в Интернете кто-то из читателей заметил, какое безобразие опубликовала «Терра» – это же читать невозможно! Как потом выяснилось, авторы плагиата не рискнули поставить собственные фамилии, а указали вымышленные.

Так что и за спокойным письменным столом, при бесшумной работе компьютера тоже случаются порой свои бури и волнения.

Джанни Родари был удивительно скромным человеком, тихим и застенчивым. Я виделась с ним только однажды, к сожалению, и сохранила добрую память об этой встрече, но конкретных разговоров теперь не припомню, потому что это была встреча с группой русских туристов в каком-то римском ресторане. Но мы переписывались, и я храню его письма и автографы. Главное, что он умел делать, как никто другой – будить детскую фантазию, воображение. Наверное, поэтому его сказки продолжают жить и сегодня, хотя прошло уже почти 35 лет, как его не стало.

Мне кажется, что детская книга без картинок – всё равно что чёрно-белая фотография!

– «Планета Новогодних Ёлок» на русском в вашем переводе впервые была опубликована ещё в 80-х годах прошлого века. И вот – переиздание с великолепными иллюстрациями Виктории Фоминой. А какая сказка Родари и чем именно Вам особенно интересна?

– Пожалуй, меня особенно порадовала книжка родари, которая сейчас вышла в издательстве «РОСМЭН», потому что её хорошо проиллюстрировала замечательная художница Виктория Фомина. До сих пор, особенно в Советском Союзе, сказки Родари выходили так называемыми «кирпичами», то есть массивными томами, страниц в 400–500 мелким шрифтом, очень редко – с чёрно-белыми рисунками. Это были в буквальном смысле слова неподъёмные для ребёнка книги. Но в то время издательствам важно было «сделать план» по тиражу – а это, как правило, 300–500 тысяч – не то, что сейчас, а один сборник сказок вышел даже миллионным тиражом. Это было так называемое «макулатурное» издание, для приобретения которого требовалось сдать 20 килограмм макулатуры!..

Между тем, ещё в 60-х годах, приехав в Италию и зайдя в книжный магазин, я поразилась: на полках стояли десятки книжек Джанни Родари. Откуда столько?

Оказывается, итальянцы сразу сообразили, что каждую, даже самую маленькую сказку писателя можно издавать отдельной книжечкой и непременно с яркими иллюстрациями. Мне кажется, что детская книга без картинок – всё равно что чёрно-белая фотография! Я не раз объясняла это в издательствах, но у них всегда были очень весомые доводы поступить по-своему.

И вот только теперь, спустя почти полвека, сказки Родари стали выходить отдельными книжками и с отличными красочными иллюстрациями. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Художница Виктория Фомина, которая сделала рисунки к «Планете Новогодних Ёлок», замечательно «похулиганила» в книжке – у некоторых персонажей сказки очень знакомые лица – Ахматова, Пушкин, Эйнштейн, Ленин, королева Елизавета, Че Гевара… Недавно я подарила эту книжку своей 14-летней внучке Кате, и она, едва открыв её, воскликнула: «Надо же, это ведь *битлы*!» – и показала на рисунок. Каюсь, я их не узнала, просто не обратила внимания. Но зато дальше, уже на последней странице, Катя, посмотрев на Ленина и королеву Елизавету, показала ещё на одного человека с бородой и спросила: «А это кто?» Она не узнала Карла Маркса! Вот так, мне видится, и происходит смена времён и поколений.

ЧТОБЫ СОЗДАТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД, НУЖНО БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ

– Итальянский язык эмоционален и образен, как и литературный русский (мы сейчас не говорим об офисно-городском арго). Но лучше об этом судить профессионалу. В чём лёгкость и сложность перевода с итальянского на русский?

– Не думаю, что следует говорить о лёгкости или сложности перевода именно с итальянского языка, как и вообще с любого иностранного. Язык сам по себе тут не при чём. Перевести можно всегда и всё, достаточно

знать грамматику и иметь под рукой словарь. Куда важнее, а скорее даже самое главное – владеть собственным языком – русским! Я знаю прекрасных переводчиков, которые блестяще владеют итальянским и переведут письменно или устно, синхронно или последовательно любой текст, но только не художественный.

Перевести можно всегда и всё, достаточно знать грамматику. Куда важнее – владеть собственным языком – русским!

Чтобы создать литературный перевод, нужно быть писателем, потому что здесь совсем другая задача. Здесь нужно воссоздать сочинение автора на другом языке, то есть создать, по сути, новое художественное произведение. Вот почему, в общем-то, так мало действительно прекрасных переводчиков. Как я уже говорила, вряд ли кто ещё на свете мог бы превзойти Маршака или, скажем, Пастернака, Лозинского, знакомивших русских читателей с шедеврами мировой литературы.

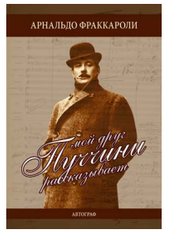
И тут мне хочется два слова сказать вот о чём. Задавая свой вопрос, вы заметили, что «итальянский язык эмоционален и образен, как и литературный русский». Позвольте с вами не согласиться! Наш русский – великий и могучий – это бесспорно, но он ещё и невероятно богатый язык! Намного богаче всех европейских языков (о других судить не берусь).

Именно это удивительное богатство делает его и намного эмоциональнее и образнее итальянского. Скажу вам по секрету, что иногда я даже – невольно! – улучшала автора, потому что ему порой не хватало слов, чтобы выразить те или иные чувства или краски.

Хотите убедиться в правоте моих слов, возьмите в руки два словаря – словарь синонимов и словарь эпитетов русского литературного языка, и каких только чудес там

не откроете! Вот, к примеру, самое простое слово – глаза. Какие тут есть синонимы? *Очи, вежды, буркалы, гляделки, мигалки, бельма, зенки, глазищи, глазенапы, глазоньки, шары.* Сколько стилей и образов!

А в итальянском нет ничего подобного.

Или возьмём эпитеты только к этому же слову – глаза. Я насчитала их несколько сотен! Да-да, не удивляйтесь! В словаре эта статья занимает семь страниц мелким шрифтом. Вот лишь несколько примеров: глаза бывают *бархатные, потухшие, огненные, туманные, студенистые, татарские, открытые, завидущие, рачьи, одуревшие, хитрые, радостные, пронырливые, юркие…*

Знаете, читать эти словари невероятно интересно – интереснее детектива! Или вот такое привычное слово красивый (сейчас, увы, его уже всё чаще заменяют словом клёвый!) В итальянском с этим значением – *красивый* – есть только одно единственное слово – bello – и всё тут! Ничего другого вам никакой итальянец не скажет. Ну, разве что добавит суффикс превосходной степени, и вы услышите – bellissimo!

А теперь посмотрите, сколько у этого слова синонимов в русском языке: *прекрасный, хорошенький, миленький, красный, миловидный, интересный, пригожий, смазливый, живописный, благолепный, просто загляденье, недурён собой, как картинка, как игрушка, не налюбуешься, глаз не оторвать…*

Поэтому я всегда повторяю: нет на свете языка богаче русского! Надо ли говорить, что переводчик должен владеть этим богатством, иначе ничего хорошего он не создаст!

Но не подумайте, будто я сижу, обложившись словарями, и без конца роюсь в них. Нет, это я делаю редко. Обычно обращаюсь к своей памяти. Потому что, если не держать нужную лексику в голове, никакой словарь не поможет. Ведь наш мозг что компьютер, и в него нужно с самого детства закладывать необходимую «базу данных» и – что тоже крайне важно – постоянно пополнять её. А для этого надо читать.

ПУСТЫЕ МЕМУАРЫ ЛЮБОВНИЦЫ МУССОЛИНИ И ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА

– Среди Ваших переводов – и книги для детей, и романы, и мемуары. В чём особенности перевода в разных жанрах? Есть ли какие-то особые правила, подходы и приёмы? И какие книгии для какой аудитории Вам нравится переводить больше всего?

– Не могу сказать, что предпочитаю какой-то определённый жанр. При выборе книги для перевода я всегда руководствовалась только одним критерием: книга должна быть мне интересна, должна нравиться,

должен вызывать симпатию её автор. Так что, прежде всего, я полагалась на собственное впечатление и как-то ни разу не ошиблась, потому что переведённые мною книги обычно сразу же исчезали с прилавков, выходит, нравились и читателям.

Бывали случаи, когда я отказывалась от предложения перевести какую-то книгу. Например, так было с мемуарами любовницы Муссолини Кларетты Петаччи. Потом, правда, книга эта всё равно вышла на русском языке, и я только посочувствовала переводчику, представив, сколько жизни он потратил на эту пустую, никому не нужную сегодня толстенную книгу!

Или другой пример: любовные письма Марии Каллас, не к Аристотелю Онассису, а к мужу, который очень помог ей в начале карьеры. Не представляю, кому может быть интересна эта личная, во многом однообразная и монотонная, даже скучная переписка. Главное, чем одарила Каллас мир, это её неповторимое, необыкновенное искусство, сохранённое на дисках и пластинках, а не любовная переписка.

Но вот вам и другой пример. Недавно вышла в моем переводе книга Джузеппе Ди Стефано, «Искусство пения и приключения молодого тенора», и книга Марии Ди Стефано – «Мария Каллас – мой враг». Обе – под одной обложкой. И тут совсем другая история – вся жизнь великого певца как на ладони. Здесь как раз становится понятно, что он такой же смертный, как все люди, что и у него в жизни масса проблем – и профессиональных, и житейских.

Эта книга совсем иная – яркая, живая, интересная любому читателю, поэтому я и перевела её. Перевела, а потом она ещё два десятилетия лежала у меня в столе, дожидаясь своего часа, пока не нашлось издательство, которое оценило её, как и я. Это челябинское издательство «АГРАФ». И книгу эту уже не сыщешь днём с огнём.

И всё же в обширном перечне моих переводческих работ есть две книги, которыми я особенно горжусь. Это «Письма о Петербурге 1810–1811 годов» графа Федерико Фаньяни. Она была напечатана в Италии накануне Отечественной войны 1812 года, и Наполеон даже запретил печатать второй том из-за того, что уж слишком хорошо отзывался о русскихти России этот граф, к тому же государственный советник и камергер короля Италии Евгения Богарне, пасынка императора.

Другая книга называется «Николай Бенуа рассказывает…». Она существует только в рукописи, которую прислал мне её составитель – писатель Ренцо Аллегри, и на русском языке. Книга вышла прошлой осенью. Её напечатал Музей-заповедник «Петергоф» к 25-летию «Музея Семьи Бенуа», созданного по совету и при поддержке приезжавшего в Россию Н. А. Бенуа.

Книга необыкновенно интересная. Достаточно сказать, что, уехав в 1924 году в Италию молодым человеком (он родился в 1901), Николай Александрович более полувека (!) работал главным театральным художником прославленного миланского театра «Ла Скала»…

Я всё мечтаю, чтобы по этой книге кто-то снял художественный фильм. Для этого в ней есть всё – целая эпоха – почти весь XX век, великое искусство театрального художника, встречи с выдающимися людьми своего времени, приключения, война, любовь и… память Родины!

Перевела я ещё и целый ряд замечательных итальянских романов. Вот только что вышел в издательстве Corpus вторым изданием роман Паоло Джордано «Одиночество простых чисел». Прекрасный роман написала и Лаура Санди – «Печенье на солоде марки “Туччи” делает мир намного лучше». Перечень могу продолжить.

Художественный перевод – это искусство.

– Вы своя сразу в трёх творческих союзах – журналистов, литераторов и переводчиков. Опираясь на свой опыт, прежде всего – общения с представителями журналистских и литературных кругов, – скажите: какие основные правила должен соблюдать переводчик, если хочет преуспеть в своей профессии?

– Не думаю, что нужно говорить о правилах. Когда речь идёт о литературном творчестве, об искусстве, а художественный перевод – это искусство, следует думать о мастерстве, чувстве стиля, широте кругозора, эрудированности, мировоззрении, об умении распорядиться богатством родного языка.

И тут нужно не правила соблюдать, а стараться как можно
точнее,
полнее,
глубже,
ярче,
выразительнее,
интереснее,
увлекательнее,
увлечённее, а, где надо, и
занимательнее,
забавнее и
занятнее, передать то, что сказал на своём языке автор.

Делать это хорошо дано далеко не каждому, потому что, повторяю, художественный перевод – это искусство.

P. S. Для по-настоящему доброго и хорошего финала следует добавить, что в моём детстве одной из любимых книжек был как раз сборник сказок Джанни Родари (издание 1987 года) в переводе Ирины Константиновны. Ирина Георгиевна, спасибо вам за то, что вы одна из тех, кто подарил нам, детям переходного строя, хорошее детство. Пришло время новому поколению отправиться на планету Новогодних Ёлок.

Познавал bella vita Александр Правилов

КАК Я ПРОВЕЛ ЛЕТО И СТАЛ ИЗВЕСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Мы издаём те книги, которые нравятся нам и нашим детям, книги, которые приятно читать, дарить друзьям.

Есть конкурсы красоты, есть конкурсы талантов, есть даже комеди-баттлы – на каждую струнку, которая в чьей-то душе призывно вибрирует от переизбытка творческой энергии, в окружающем мире можно найти отклик. А есть конкурсы, побуждающие к творчеству.

Такой конкурс проводило этим летом издательство Clever. Их книги делают детей чуть взрослее, а взрослым открывают калитку на волшебные луга детства, где не устаёшь удивляться всему, что видишь. А после конкурса короткого рассказа «Мои весёлые каникулы в деревне» сколько родителей другими глазами взглянули на своих детей, о ком думали, что у них только игры на уме! И сколько детей убедилось, что быть хорошим рассказчиком – востребованный во все времена талант!

Цели у этого идейного мероприятия самые очевидные – вдохновить на творчество и привлечь к чтению. Посыл благородный, но какой отклик получил проект? За какой-то месяц на почтовый ящик конкурса пришло несколько сотен писем с короткими, но невероятно любопытными рукописями. Ко многим из них прилагалась ещё и некая визуализация – в виде рисунков, поделок, целых перформансов.

Выбрать лучшую историю членам жюри было нелегко: многие из юных авторов, в возрасте от семи до 16 лет, били, что называется, в самое сердце из тяжёлой артиллерии. В жюри были сплошь взрослые и закалённые люди: генеральный директор издательства Clever Александр Альперович, учитель-практик и мастер по ловле котов Ольга Узорова, писатель и воспитатель пап Михаил Барановский, натуралист и «папа» Фроси Коровиной Станислав Востоков. Журнал «Пойнтер» (информационный партнёр конкурса) с интересом следил за муками выбора этих уважаемых людей. И чтобы они не расслаблялись, погонял перед подведением итогов по серьёзным вопросам Александра Альперовича.

СТОИТ ЖДАТЬ НОВЫХ СКАЗОЧНИКОВ!

– Сегодня практически у каждого издательства в России есть своя литературная премия. Если говорить о тех, кто выпускает литературу для детей, то у «Росмэна» есть «Новая детская книга». А вы вот решили поддержать читателей. Какую цель преследовали, решив в разгаре лета провести конкурс «Мои весёлые каникулы в деревне»?

– Вот как вы считаете, что такое лето для ребёнка? Это время свободы, новых открытий и впечатлений! И пока эти впечатления ещё свежи, нужно их пережить, осознать и насладиться ими. Поэтому мы и предложили нашим читателям рассказать о том, как проходит их лето.

– Самое главное – отчего именно каникулы в деревне, а не на море, за компьютером или в туре по Европе? В чём смысл и идея вашего выбора?

– Каникулы в деревне – это обязательная культурная программа для каждого жителя России. Все мы, пожалуй, знаем, что это такое, и проходили через это. Так почему бы нам не узнать о том, как проводят время современные дети? Что они делают там? Оказалось – всё то же самое, что и всегда: познают окружающий мир, находят приключения и радуются жизни.

– Сейчас там и тут удручённо восклицают: «Дети не читают». Но тогда, наверное, пишут. За месяц, пока шёл сбор работ, сколько историй прислали на конкурс? О чём пишут дети? Откуда они присылали свои рассказы? Как владеют языком?

– На наш почтовый ящик пришло более 200 работ, ещё часть была размещена авторами в социальных сетях. Хочется отметить, что с каждым годом конкурс набирает популярность, и количество рассказов увеличивается. Нам присылают рассказы из разных уголков России и СНГ: мы вообще географию учим по этим рассказам, открываем для себя совершенно новые места.

Дети пишут, конечно, о том, что им больше всего нравится: мальчики – о рыбалке, девочки – о любимых животных, те и другие – о добрых приключениях и собственных открытиях. Это приятно, потому что присланные рассказы наглядно демонстрируют, что дети увлекаются не только Интернетом и мобильными гаджетами.

А что касается владения языком – не тот случай, когда это играет важную роль. Здесь главное, что дети сами захотели поделиться своими эмоциями и впечатлениями – вот что ценно. Но в целом, конечно, владеют очень неплохо.

– Кто поразил особенно? Вообще, ждать ли новых сказочников среди тех, кто поделился впечатлениями от каникул в деревне?

– Поразили все, каждый по-своему. Главное, что хочется отметить – пришло очень много фотографий, рисунков и даже самостоятельных поделок. С таким творческим настроем, конечно, стоит и нужно ждать новых сказочников! А родителям – следить за способностями и предпочтениями ребёнка, чтобы вовремя их подхватить и развить.

– Что ответите, если у Вас спросить не как у издателя, а как у родителя: зачем детям читать и что лучше всего читать?

– Читать лучше всего то, что помогает развивать душу и разум. Из наших книг можно обратить внимание на Оскара Бренифье, Франсуазу Буше. А для развития творческих способностей у нас есть прекрасный фантазёр Эрве Тюлле, который мастерски погружает ребёнка в мир собственного творчества. И, конечно, «Котёнок Шмяк»: текста там немного, но сам Шмяк – очень положительный и харизматичный котёнок.

– Легко ли сегодня издавать книги для детей? И в чём «Клевер» имеет своё ноу-хау или особо преуспел, работая для детей?

– Если вы ещё спросите, легко ли пробежать марафон, я отвечу на оба вопроса одинаково: если ты искренне получаешь удовольствие от того, что ты делаешь, то трудности меркнут перед результатами, которых мы достигаем.

Наше ноу-хау заключается в том, что мы экспериментируем. Мы издаём те книги, которые нравятся нам и нашим детям, книги, которые приятно читать, дарить друзьям, рассказывать о них партнёрам, делиться ими в социальных сетях. И мы всей душой любим то, что мы делаем.

– Без каких книг Вы не представляете библиотеки ребёнка, который читает уже самостоятельно и много?

– Сказки Пушкина, «Денискины рассказы», «Крокодил Гена и его друзья», «Ёжик в тумане», «Мэри Поппинс», «Волшебник Изумрудного города», «Золотой ключик, или Приключения Буратино», а также Марк Твен, Сельма Лагерлёф, Астрид Линдгрен и ещё множество других прекрасных детских книг. Исчерпывающий и полный ответ на этот вопрос дать очень сложно: как только называешь одно важное имя, сразу в памяти всплывает ещё десяток.

– Каким должен быть книжный магазин сегодня, чтобы там было интересно детям?

– Если бы я точно знал, я бы обязательно такой уже сделал! *(Улыбается.)*

Самое время перейти к победителю конкурса «Мои весёлые каникулы в деревне». Им стал девятилетний чудо-ребёнок Платон Комиссаров из Великого Новгорода. О себе он сам расскажет чуть позже. Пока же – рассказ победителя. В нём есть всё, что полагается нетривиальному художественному тексту, включая шокирующую развязку.

ЕСЛИ БЫ ВО ФРОЛОВО БЫЛ Я

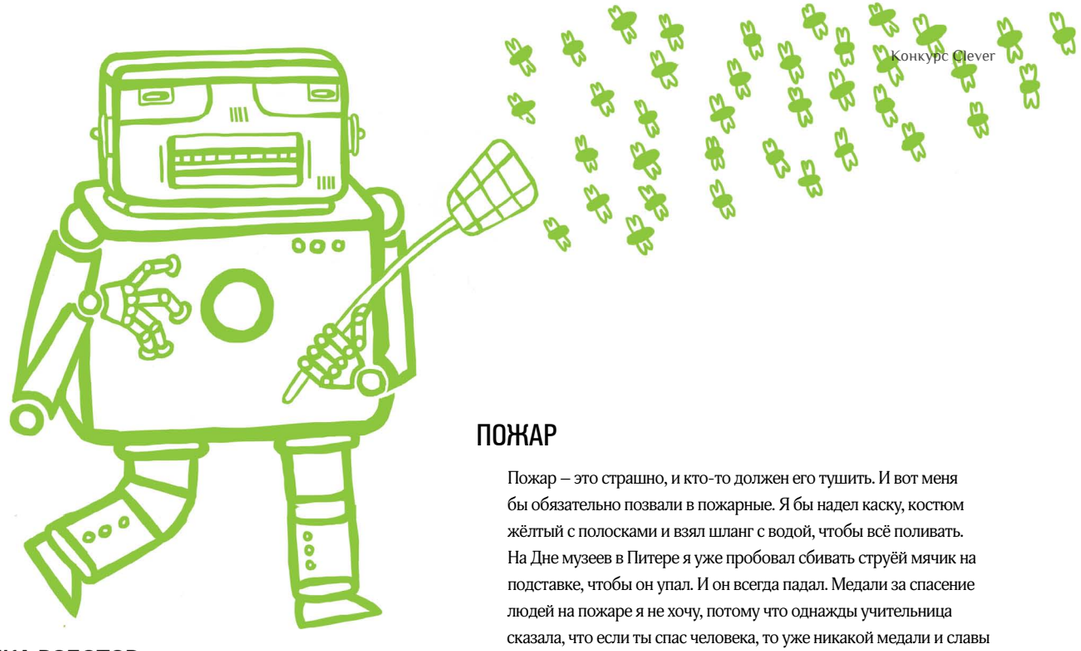
Три года подряд мы с сестрой ездили во Фролово. Это такая деревня в Волгоградской области. В ней раньше жили казаки, а теперь почти никто не живёт, только прабабушка Маша, прадедушка Паша, а ещё один дом – цыганский, другой – там девочка Настя живёт, или Наташа, и ещё один, с дачниками. Но вообще это город, хотя и деревня. Я там проходил один раз целый день, с утра до вечера. У прабабушки Маши и прадедушки Паши есть сад, в нём яблоки, вишни и надувной бассейн. А ещё качели. И всё. Там скучно ужасно. И когда прабабушка и прадедушка наедятся супа с уткой, Севка – это моя сестра – клубники, а я – картошки, потому что очень люблю картошку с маслом, все ложатся спать. Это так принято у казаков – спать после обеда. А я не сплю, и всё думаю, что было бы, если бы во Фролово был…

ДРАКОН

Он бы ходил и ел клубнику с грядок или вызвал на бой рыцаря. А у нас рыцарь только дядя Лёша. Он на тракторе работает, и ему некогда. Я драконов не боюсь, и приручил бы его, чтобы кататься и всех пугать. И воров ловить, если бы они были. Или поливать грядки, но тогда дракон должен был быть водяной, а во Фролово – сухо и жарко. Там даже грибы с песком, но их всё равно промывают и едят, потому что грибы тут редкость. Примерно такая же, как драконы.

МАГАЗИН МОРОЖЕНОГО

И я бы стал его хозяином. А зарплату бы получал мороженым, особенно шоколадным. И такими трубочками, у которых шоколадные крупинки внутри, и через них надо пить молоко. Молоко тоже становится шоколадным. И шоколадными шариками, которые надо класть в молоко, потому что это сухой завтрак. Наверное, я бы очень потолстел, потому что во Фролово все бы покупали мороженое, и зарплата была бы большая.

ФАБРИКА РОБОТОВ

Я бы стал изобретателем. И изобрёл бы таких роботов, чтобы они убивали комаров. Комары во Фролово очень большие и толстые, и их много. Прямо очень много, это правда. Я в этом убедился, когда вечером мы убирали воду из бассейна: набирали воду в ведро и выливали. Я посмотрел наверх и увидел, что комаров и мошкары в небе – целые тучи. Конечно, здесь могли бы помочь только маленькие летающие роботы-убийцы. С баллончиками от комаров.

ПОЖАР

Пожар – это страшно, и кто-то должен его тушить. И вот меня бы обязательно позвали в пожарные. Я бы надел каску, костюм жёлтый с полосками и взял шланг с водой, чтобы всё поливать. На Дне музеев в Питере я уже пробовал сбивать струёй мячик на подставке, чтобы он упал. И он всегда падал. Медали за спасение людей на пожаре я не хочу, потому что однажды учительница сказала, что если ты спас человека, то уже никакой медали и славы тебе не нужно. Ты должен был так сделать.

Но в этом году я не поехал во Фролово, а ушёл в морской поход юнгой. Учил сигналы тревоги, стоял вахту на мостике и машинном отделении, а ещё мыл прогулочную палубу – самую большую. Ну её, эту деревню.

Платон Комиссаров

НАПОЛОВИНУ В СКАЗКЕ

Теперь, когда текст победителя конкурса прочтён и пробуждённые этой историей образы убежали бегать по улицам Фролово, самое время – познакомиться поближе с автором. Говорим сразу: мальчик очень серьёзный – настоящий философ. Великий Новгород может гордиться, что мама Елена вырастила хорошего сына Платона и не менее хорошую дочь Северину. А спасибо за это она говорит книгам.

– Платон, первый вопрос одновременно и тебе адресован, и родителям. Как думаешь, тебя родители в честь древнегреческого философа назвали, или держали в голове образ одного из важных героев большой книги Толстого «Война и мир» – солдата Платона Каратаева, который научил Пьера Безухова понимать, чем и как живут простые люди? Другими словами, чего ждут от тебя папа и мама? Каким видят тебя, когда ты вырастешь: мыслителем или героем?

– Мама всегда говорит, что Платоном меня назвали, потому что в переводе с греческого это имя означает «широкоплечий». И в честь философа, наверное, тоже. Я мало про него знаю, только что он работал гребцом на галерах. Рабом был, а потом стал философом. Так что я, наверное, тоже больше философ, чем герой. Я и драться не люблю, хотя у меня 10-й кю (ученическая степень. – **Прим. ред.**) по карате. А мама от меня ждёт, чтобы я комнату прибирал и учился хорошо. Я раньше хотел быть изобретателем, а потом – строителем, а потом – официантом. А сейчас не знаю, кем быть. Моряком я тоже не буду, хотя и хожу в школу юнг. Нет, не знаю. Может быть, писателем или инженером-конструктором, как бабушка. А Толстого я ещё не читал почти, только рассказы.

– А это уже целиком тебе вопрос: чего ты в себе больше ощущаешь – желания помечтать, придумать что-нибудь, что никому в голову не придёт, или всё же ты любишь, как обычный мальчишка, поноситься во дворе? И чем любишь заниматься больше всего?

– Больше, наверное, мечтать и придумывать люблю. И лежать на кровати, потому что так лучше думается. Книги люблю читать с планшета, рисовать разных страшных роботов и драконов. Когда гуляю, я нахожу разные вещи на земле, делаю из них что-нибудь, воображаю… дворцы всякие, людей, чудовищ. У меня глаза такие странные, я всегда что-нибудь в вещах вижу, что сразу не заметно: например, потыкаю карандашом в бумагу, а потом линии соединяю как-нибудь, и получается монстрик.

– Твоя мама сказала, что пишешь ты с шести лет, не раз принимал участие в конкурсах, но победил сейчас, будучи автором девяти лет от роду. Твой рассказ написан весьма уверенной рукой: ему не хватает хорошего иллюстратора, чтобы превратиться в достойную книжку, где обычная жизнь в деревне вдруг превращается в череду чудес и приключений. А что почувствовал ты, когда победил в конкурсе издательства CLEVER? Загордился или наоборот – подумал, что теперь ещё больше надо учиться, чтобы многое узнать? Что изменилось в тебе, в твоих планах на будущее?

– Сначала я немножко загордился, развеселился, хорошее настроение появилось. А потом как-то подумал: «Чтобы было всегда так, надо больше во всяких конкурсах участвовать». Мне захотелось больше писать – о том, что придумаю. Ну, например, я придумаю новое чудище и буду про него рассказы сочинять и записывать, а потом сам сделаю обложку – получится мини-книжка. А ещё я хочу больше заниматься чтением и русским языком, чтобы мои произведения лучше… Нет, не так: чтобы я лучше мог писать!

– Платон, есть серьёзный вопрос: твои друзья стали как-то иначе относиться к тебе, когда узнали, что ты победил в конкурсе? Ведь обычно мальчишки и девчонки не очень жалуют сверстников, которые выделяются.

– Мои друзья даже не удивились, как будто такое происходит каждый день. Но я не обиделся и живу нормальной жизнью, а в школе даже забываю про эту победу. Хотя очень приятно: меня бабушки, и папа, и дядя – все поздравили.

– Каждый писатель порой бывает и читателем. Скажи, какие твои любимые книги сейчас? За что их любишь? Что тебе в них нравится?

– Мне нравятся в данный момент две истории: серии книг про Артемиса Фаула и про Гарри Поттера. В книгах о Гарри Поттере написано больше, чем в фильмах показано, и это интересно. Но самое лучшее в них – в обеих сериях – то, что в них есть волшебные существа и магия. Я бы хотел попробовать себя в роли Гарри Поттера, а потом немножко в роли Тёмного Лорда: мне хочется понять, как себя чувствуют оба, и чем отличаются картины мира у них обоих. И Тёмным Лордом быть совсем не страшно: ведь он сам себя не боится – это же каждому ясно.

– Помнишь самую первую книжку, которую читали тебе взрослые, когда ты ещё не умел читать сам? Про что она была?

– Точно не помню, какую книжку мне мама читала – это же было давно, а мама много нам всегда читала. Но первой книжкой, которая запомнилась, стала «Три дня в Карликании» (автор В. Левшин. – **Прим. ред.**): там были Четвёрка, Нулик, Единичка и школьники. А потом я сам купил «Вселенная. Руководство по эксплуатации» (автор Д. Голдберг. – **Прим. ред.**), потому что хотел узнать, как устроен наш мир, а эта книга была интереснее написана, чем у Стивена Хокинга. В той я вообще ничего почти не понял.

– Ты прекрасно рассказал о своём отдыхе в деревне: теперь никто не подумает, что у бабушки с дедушкой – скука. А где ты хотел бы побывать более всего: в каком месте, городе, стране, может, заглянуть даже в какой-то другой мир, не на нашей планете?

– Если честно, я бы хотел побывать во вселенной Марвел. И ещё на Плутоне: там же есть лёд, и, наверное, можно жить, если поставить какие-нибудь источники тепла. А так я больше всего хочу быть дома.

– О чём обязательно написал бы в истории об этом путешествии мечты?

– Например, если по вселенной Марвел: действительно ли так всё и есть, как пишут в комиксах? Я бы поговорил с Халком, Тони Старком, Питером Паркером, попросил бы их показать свои способности мне, чтобы своими глазами увидеть: каково это. И у Железного Человека – костюм на время, полетать.

У меня глаза такие странные, я всегда что-нибудь в вещах вижу, что сразу не заметно.

Мама Платона и Северины – Елена

Его сестра – Северина

Тёмным Лордом быть совсем не страшно: ведь он сам себя не боится – это же каждому ясно.

– Что бы ты сказал мальчишкам и девчонкам твоего возраста, которые не любят читать, предпочитая гулять или сидеть за компьютером? Зачем им надо тратить время, сидя за книжками?

– На самом деле сначала видишь толстенную книгу и страшно; вроде бы вначале неинтересно, а потом, если заглянуть глубже, то понимаешь, что весь интерес скрывается внутри.

– Три вопроса маме. Елена, раскройте секрет воспитания: как воспитать не просто умного, но и творческого, горящего идеями ребёнка? Вот Вы – как вырастили такого талантливого сына? И каким видится Вам его будущее?

– У нас очень читающая семья, и это главное. Сейчас понемногу переходим на книги электронные, но живую книгу, конечно, они не заменят. Кроме того, я мастер ролевых игр: драконы, волшебные палочки и мантии, почти настоящие мечи-каролинги и королевские кубки – это не диковинка в нашем доме. Многие вещи мы с детьми делаем своими руками. Я считаю, что сказка, детство, игра как категория не заканчиваются ровно в 18 лет. И девочка не превращается наутро из прекрасной принцессы в солидную матрону, а мальчик из рыцаря – в счетовода-бухгалтера. Сказка продолжается, если мы того пожелаем, всю нашу жизнь. Вот так и вырастила детей – наполовину в сказке.

Мечта, конечно, чтобы ребёнок зарабатывал собственным хобби. Но вот кем он станет – это целиком его личное дело, я могу только подсказать и направить.

– У вас есть ещё дочь с волшебным именем Северина – словно из сказки Филипа Пулмана. И она хочет принять участие в конкурсе чтецов «Живая классика» (наш журнал – информационный партнёр этого конкурса). Что для дочери и лично для Вас означает участие в этом конкурсе?

– Мы действительно любим Пулмана, и его «Тёмные начала» стоят на книжной полке на почётном месте. Но даже я сейчас не помню, почему мы так решили назвать дочь. Девочка и впрямь выросла необычная: лёгкая, светлая – как фея. И читает стихи прекрасно, разве что пока стесняется, и потому всегда приходится напоминать: «Сева, погромче!» В «Живой классике» она будет принимать участие только в этом году, а в 2013-м её высшее достижение – диплом I конкурса чтецов имени Д. Балашова «Дабы свеча не погасла» за расширение рамок чтецкого искусства, то есть за введение, по сути, целой номинации – мелодекламации. И мне, и дочери, и сыну это дало осознание, что, оказывается, людям нужна поэзия. И что победа – это вполне доступная цель. Поэтому в этом году на повестке дня – участие Северины в «Живой классике», а через два года – и Платона.

Книги – это основа моей жизни. Не могу себе представить дня без прочитанной страницы, да и дети тоже. А иногда – и без написанной.

– Какую роль в воспитании детей и шире – в формировании гармоничных семейных отношений – должны играть книги и чтение? Чем они важны для современных людей? И важны ли?

– Вопрос ребром. Для меня он диковато звучит, потому что книги – это основа моей жизни. Не могу себе представить дня без прочитанной страницы, да и дети тоже. А иногда – и без написанной. Речь, конечно, не о чтении без разбора и не о графомании как таковой. Северина умеет рисовать, Платон – писать рассказы, я – стихи. И поэтому для нас всех понятен порыв других авторов: донести прекрасное до людей. Лишать себя чтения – это неоправданно обеднять свою жизнь. Знаете, это как при забитом до отказа холодильнике питаться сырой перловой крупой, не замечая, как хиреет тело на такой скудной диете. В отсутствие книг так же хиреет мозг, угасают эмоции, интерес к жизни, да и само поле зрения сужается – в нём остаются только утилитарные предметы.

В читающей семье не всегда есть гармония, но всегда есть тема для разговоров. Современным людям тяжело читать книги: они повествовательны, а мы уже все воспитаны в клиповой культуре, на мозаично-рваной информации. И потому к чтению надо приучать, как приучают к манерам поведения за столом, зарядке, чистке зубов. Хорошая книга – это лакомство, пир для ума, импульс к действию: вот о чём забыл современный мир. Как же можно без книги? Она добрый друг и собеседник, а мы друзей не бросаем.

P. S. После такой беседы совсем другими глазами смотришь на детей, которые не носятся, как угорелые, 20 часов в сутки по любым поверхностям и рельефам, а иногда впадают в задумчивость. У детей периоды активности тем длительнее и безумнее, чем менее им есть куда приложить свои таланты. Пример семьи Елены, Северины и Платона ставит шах и мат всем скептикам, которые утверждают, что относиться к детям серьёзно – несерьёзно. Учёба и игра, при их талантливом смешении, могут дать куда больше, чем оба элемента по отдельности и не в своё время. Послушав Платона, который в 9 лет уже совершает набеги на книги Стивена Хокинга, думаешь о себе: насколько ты сам взрослый, дружище? И как ты реализуешь свои творческие амбиции? После интервью Елена написала в редакцию, что общение с «Пойнтером» вдохновило семью написать сказку – об Имбирной Девочке, Маленьком Волшебнике, двухголовой полосатой лошади и тыкве в небе. Получилось почти так же безумно и волшебно, как у Нила Геймана. Не исключено, что в творческой атмосфере этой семьи скоро вырастут первые издательские проекты.

Внезапно оказался в сказке Александр Правилов

CLEVER
издательство

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ – СЛОН НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

В книжном мире сегодня все игроки – авторы, издатели и продавцы – делают ставку на хрупкий, но вытаскивающий на себе всю индустрию пласт литературы – для детей. Сейчас будет избитый пример: то, что сделала Джоан Роулинг своим Гарри Поттером, если не изменило весь мир, но в детской и подростковой литературе сотворило то, чего там не происходило со времён Жюля Верна, Льюиса Кэрролла и Кира Булычёва вместе взятых. Писать, иллюстрировать, печатать и распространять книги для детей всех возрастов и их родителей – дело если не точно беспроигрышное, но благодарное, чего не скажешь о многих из жанров современной литературы.

Следуя за быстро разгорающимся огоньком наживы, легко сгореть в пламени собственных амбиций. С детьми нельзя так же, как с взрослыми читателями: они ещё не разучились понимать, что хорошо и что плохо, они видят мир во всей его простоте, и их не провести на «сложных щах». Если история плохая, то она плохая – и точка. С подростками проще: они хотят во всём походить на взрослых, поэтому легко поддаются манипуляции. Но настоящая литература, хоть и рассчитана на детскую аудиторию, которая быстро вырастает, остаётся в веках лишь тогда, когда сохраняет свой авторитет в глазах всё новых поколений детей. А для этого она не должна уходить в землю под гнётом собственной беспомощности вместе с автором. В ней должно быть в достатке лёгкости, которая возносила бы её над переменчивой модой, потрясениями, переделом основ морали и системы ценностей. Лёгкость и искренность, доброта и готовность стать другом – вот настоящая детская книга. Такую книгу впору сравнить с большим слоном, который стоит на воздушном шаре. Слон – добрейшее существо, для которого забота о потомстве и семья важнее инстинкта самосохранения. Слон вполне может наступить на воздушный шарик, не лопнув его, потому что это очень грациозные и деликатные существа, большие умницы и настоящие друзья. Как настоящие книги для детей.

Именно такие книги вот уже пять лет ищут в издательстве «Росмэн», где в 2009 году придумали конкурс «Новая детская книга». Конкурс даёт шанс малоизвестным, но талантливым российским авторам, не публиковавшимся ранее нигде или печатавшимся малыми тиражами. Каждый год в «Росмэне» придумывают новые номинации и ищут новых талантов в самых разных жанрах, стараясь по мере своих сил и хорошим писателям дать шанс, и детей знакомить с настоящей литературой, которая способна не только заинтересовать на время, но оставляет след в душе. Логотип конкурса – книжка, подвешенная к взмывающему ввысь воздушному шару. А логотип издательства – стоящий на задних ногах весёлый слоник, держащий в хоботе целую связку воздушных шаров. Так что авторы и их книги здесь – в правильных руках. Или в хоботе.

Многие из популярных серий книг издательства начинались с рукописей, присланных на «Новую детскую книгу». В этом году в число финалистов прошли 11 петербуржцев. Никому из них не достался Гран-при, но, если они продолжат и дальше придумывать столь же лёгкие и добрые истории, слон когда-нибудь обязательно ухватит связку их шаров, чтобы принести их самым мудрым и благодарным читателям – детям.

Пока же мы схватили четыре шарика наугад, поговорив с теми из петербургских финалистов, кто был ближе всего к победе в разных номинациях конкурса.

Для начала – послание в будущее от Бориса Кузнецова, генерального директора издательства «Росмэн»: *«Пять лет назад мы открывали конкурс под одну очень утилитарную задачу – найти новых интересных авторов подростковой фантастики и фэнтези. Мероприятие оказалось успешным – первый же сезон дал издательству и читателям "Часодеев" Натальи Щербы и "Зерцалию" Евгения Гаглоева. Сейчас их совокупный тираж составляет уже несколько сотен тысяч экземпляров!»*

НИКОЛАЙ ГОЛЬ: «Я – ЧЕЛОВЕК КНИЖНЫЙ»

Герой первого блиц-интервью – Николай Михайлович Голь, чьей «Жизни замечательных растений» чуть не достало до победы в номинации «Нон-фикшн». Он родился в 1952 году в Ленинграде, своему городу верен и по сей день. Поэт, детский писатель, переводчик, драматург. Первая публикация – в журнале для детей «Искорка» в 1975 году.

Книги писать – вообще дело интересное.

– Николай, в списке петербургских финалистов конкурса «Новая детская книга» Вы один из самых маститых авторов, у кого в копилке не один десяток изданных книг – и поэзия, и переводы, и научно-популярная литература. Но особое место занимают книги для детей, к тому же ещё и обучающие. Чем Вам так интересно писать книги для детей, да ещё и брать на себя нелёгкую ношу наставника?

– Книги писать – вообще дело интересное. Я – человек книжный. Следовательно, время от времени получаю новую для себя информацию. А что с ней делать, как не делиться? А коли уж делиться, так с кем, как не с детьми? Им ведь интересно (а взрослым – уже не очень). Вот именно взаимный этот интерес и побуждает к сотрудничеству. Что же до наставничества, то оно мне совершенно чуждо.

– Чем так замечательна жизнь растений в Вашей подаче? И чем полезна и любопытна для юных читателей может быть эта книга? Ведь ботанику детям и так в школе приходится учить, а в городе мало что растёт…

– Книга «Жизнь замечательных растений» ни в коей (ну, разве в самой малой) мере не затрагивает ботанических проблем. Она – о происхождении тех или иных растений, о том, как те или иные из них перебирались со своей исторической родины в другие страны, об их роли в жизни людей. Широко говоря, книжка не ботаническая, а скорее культурологическая.

– Судя по числу опубликованных книг, литература для Вас более чем просто увлечение, а серьёзное дело, работа, если угодно. Как выглядит ваше рабочее место? В какой атмосфере работаете? И что лучше всего настраивает на творчество?

– Вы верно заметили, что литература для меня – больше, чем… Она – моё профессиональное занятие, причём единственное. Во всём остальном я дилетант. Вот и облекаю свой дилетантизм в одёжку профессионализма. По мере сил и способностей. Как писала когда-то Белла Ахмадулина, «во мне уже стара//Привычка ставить слово после слова». Так что ни психоделических, ни каких иных практик для работы применять не приходится. Когда-то на столе стояла пишмашинка, теперь – компьютер. Пальцы на руках, голова на плечах – большего не требуется. А лучше всего на творчество настраивает… как бы это выразиться… востребованность, вот.

ЕЛЕНА СТАНИСЛАВСКАЯ: ДЕТИ ЧУТКО РЕАГИРУЮТ НА ЮМОР

Елена со своими «Котопутами» и любознательным Брысем тоже боролась за победу в номинации «Нон-фикшн», но пока придётся мотать на ус опыт участия в конкурсе. Котопутам вместе с автором ещё есть чему поучиться, главное – оставаться при своём чувстве юмора, с которым, как известно, всё сложное становится вмиг простым.

– Учить детей не поучая, но включая элементы игры и вовлекая в процесс познания, – это один из самых эффективных способов привить новые знания и навыки. Главное не увлечься игрой, чтобы вся жизнь в неё не превратилась. Насколько у ваших котопутов под руководством юного кота Брыся всё серьёзно в познании мира и культуры других народов? И какими знаниями они делятся с читателями?

– Брысь – персонаж любознательный, в своём кошачьем мире он мечтает стать журналистом. А ещё он хочет встретиться со

своими родственниками, разбросанными по разным странам, познакомиться с культурой и бытом этих стран... То есть цель у него серьёзная, важная! Он хочет узнавать новое. А тот, кто стремится к знанию, получает его. Остальные персонажи, встречая Брыся, делятся с ним теми фактами, которые, как им кажется, будут ему интересны. Они рассказывают с одинаковой увлечённостью о мороженом и Колизее, о червяках и пагодах, о полётах в космос и прогулках по набережной. Брысь мотает на ус – вместе с ним, стоит надеяться, и читатель узнаёт что-то новенькое.

В жизни каждого ребёнка есть место открытиям и полёту фантазии.

– Как через сказочный fiction и action до маленького читателя доносится то главное, ради чего написана книга? И в чём, кстати, идея и миссия котопутов как книжного проекта?

– Цель проекта: показать ребёнку, что мир не ограничивается квартирой – школой – двором – компьютером... Мир огромен, разнообразен и полон красок, а в жизни каждого ребёнка есть место открытиям и полёту фантазии.

Именно эта цель появилась вначале. Ради неё была написана книга. Эта мысль, как магнит, притянула персонажей, притянула эти самые fiction и action. Коты в моей книжке – как пальчиковые игрушки. Надел такую игрушку на руку – и рассказываешь историю. Но история благодаря игрушке меняется, обрастает интонацией, *нетвоими* словечками, какими-то прибаутками. С помощью персонажа любую историю не только воспринимать интереснее и проще, но и рассказывать – тоже.

И, раз я попала в шорт-лист премии, значит, что-то удалось. Но раз не выиграла – значит, что-то не сработало, нужно докручивать, доделывать.

– Жанр non-fiction сейчас переживает пору расцвета. Людям снова интересно знать о мире больше, чем видят их глаза, эпоха потребления требует иногда разгрузочных дней. Какой должна быть познавательная и обучающая литература для детей, чтобы жажда познания сохранилась у них и когда они повзрослеют?

– О, если бы я знала, какой она должна быть – я бы тотчас села писать такую книгу! *(Улыбается.)* Но порассуждать, конечно, можно. Я уверена, что в познавательной книге для детей должно быть много хороших иллюстраций, должны быть шутки – неплоские, потому что дети очень чутко реагируют на юмор (я-то знаю, у меня пять племянников, и все они – мои хорошие друзья), должны быть эмоции – чтобы чувствовалась заинтересованность автора, его волнение, его личное «Ну надо же!». А ещё такая книга не должна быть перегружена фактами. Ведь книг на самом деле очень много. Главное – заинтересовать, а там уж человек поищет, поспрашивает: «Что ещё почитать на эту тему?»

Коты в моей книжке – как пальчиковые игрушки.

ВАЛЕРИЙ РОНЬШИН: БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ

Самый лаконичный герой. И прекрасно разбирается в латинских крылатых выражениях. А ещё Валерий сменил великое множество занятий, прежде чем стать писателем. Но и даже тогда он не перестал искать себя в каких-то необычных жанрах – детского детектива и ужастиков. И вот – придумал Вовку Морковкина. Персонаж этот – загадочный. Весёлый, конечно, но, думаем, весь в создателя, что только отшучивался в ответ на все наши вопросы. Может, вы знаете о нём больше?

– Расскажите о Вашем герое: откуда он появился, в каких отношениях с придумавшим его автором, что у него общего с Дениской из рассказов Виктора Драгунского?

– Появился Вовка Морковкин благодаря чистому вдохновению. Накатило оно вдруг, потом откатило, а Вовка Морковкин остался. С Дениской же Вовку роднит, пожалуй, то, что оба героя соответствуют своему времени и поданы в юмористических тонах.

– Из детских жанров Вы выбрали для себя детектив и ужастик – это ещё до Вовки Морковкина. Чем интересны для Вас данные жанры? Чем они привлекают детей? В каких жанрах литературы для детей творить легче и приятнее всего?

– Ничего выбирать не пришлось, потому что всё это писалось на заказ. А привлекают эти жанры детей тем же самым, чем привлекают и взрослых – страхами и тайнами. А «творить легче и приятнее» – это когда пишешь что-нибудь совсем уж маленькое, на страничку-две. И тогда всё едино, в каком жанре будет текст.

– Идеальная творческая атмосфера для Вас – какая она? В окружении каких элементов, шумов и вещей всё получается самым лучшим образом?

– Идеальная творческая атмосфера – чтобы бегали и кричали дети, а соседи сверлили дрелями стены и потолки... Шутка. *(Хитро улыбается.)* Идеальная творческая атмосфера – это тишина.

Идеальная творческая атмосфера – это тишина.

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЁВА: «ДЕТСТВО – ЭТО ВСЕГДА ТРУДНО»

История Татьяны Богатырёвой с простым, но ёмким названием «День матери» сражалась на конкурсе за воспитание чувств в одноимённой номинации. В первую очередь Татьяна – поэт и сценарист. Писать истории для детской аудитории – это просто ещё одна творческая отдушина, но не вся Татьяна. Она девять раз побеждала на различных конкурсах и кинофестивалях, а писать начала в четыре года, и в настоящее время – молода, хороша собой, полна сил. Поэтому всё ещё впереди, тем более что её участие в конкурсе «Новая детская книга» стало поводом для крайне увлекательной и обстоятельной беседы. Её интервью мы и закрываем тему конкурсов детской прозы и литературы для детей.

– Какие чувства хотели пробудить в юных читателях своей книгой? И чем Вам дорог и важен «День матери»?

– Не секрет, что дети сейчас читают очень мало. Ещё и потому, что, на мой взгляд, сейчас нет авторов на уровне Крапивина, Погодина, Драгунского. Прошла волна Гарри Поттера, время экранизаций «Хроник Нарнии» и «Властелина колец». Почти нет чего-то такого, что могло бы пробудить в человеке интерес и страсть к чтению. Этот позыв ещё и синтетически подавляется: Интернет, социальные сети, агрессивный видеоконтент – даже моё поколение (20–25 лет) уже обладает всеми признаками клипового сознания – ускорение ритма, обрывочность, отсутствие навыков концентрации внимания и способности логически мыслить. Что тогда говорить о поколении двухтысячных?

В случае с «Днём матери» – изначально этот текст не задумывался как повесть для подростковой аудитории. Я ставила перед собой задачу показать читателю ещё одну сторону довольно обычной ситуации «ребёнок в творческой семье», такой же реальной, как и более благополучные примеры из серии «сын знаменитого актёра/писателя/режиссёра». Но потом появилась мысль показать этот мир глазами двенадцатилетнего человека. В детстве я часто со страхом думала о том, что могу вырасти и забыть о том, как я ощущала и понимала окружающую реальность; мне тогда казалось, что взрослые говорят на каком-то своём языке, некоторые – не все, конечно – считают при этом детей не то чтобы глупыми, но не относятся к ним как к личностям со своим мировоззрением и своей психологией. Оказалось, что свои детские ощущения и идеи я всё же не растеряла, и тогда я решилась усложнить для себя задачу и сделать текст не только о подростке, но и для подростка. Двенадцатилетний мальчик вынужден быть взрослее своих родителей. Его мама делает свою и его жизнь адом. Он для мамы нечто среднее между лучшей подругой и сиделкой. Мне важно было рассказать о безусловной любви – эта то детское искреннее чувство, которое «всегда», «ни за что» и «несмотря на». Такая вот Кешина любовь противопоставляется в тексте любви взрослых – страсти, ревности. У Кеши всё течение его жизни превращается в один сплошной день сурка, только в его случае – это день матери. Какие чувства я хотела вызвать у читателей? Главным образом – сопереживание, и через него – донести до читателя эту самую безусловную любовь.

Двенадцатилетний мальчик вынужден быть взрослее своих родителей.

– С помощью каких выразительных средств, героев и ситуаций в литературе лучше всего воспитывать в детях те самые чувства, что делают нас людьми? Вот, к примеру, какие книжки для детской аудитории на Ваш, взрослый, взгляд, прекрасно с этим справляются и почему?

– Мне кажется, мы никогда не можем точно сказать, какой эффект произведёт книга на читателя. Ведь влияние на ребёнка оказывает не только один какой-то текст, но вообще всё, что человек увидел, услышал, что пропустил через себя.

Конечно, это должна быть по-хорошему простая литература. Главное, что должен

понимать детский писатель, что он пишет не для малыша, а для живого человека, у которого сейчас очень непростой период (детство – это всегда трудно). Да, какие-то детали могут быть преувеличенными, но без лишней театральщины, понимаете? Текст должен быть живым. Это самое главное. Даже если это «волшебный» текст, я даже так скажу: особенно, если это он. И главное помочь понять юному человеку, что жизнь – вот она. Она везде, в том числе, в этом произведении. Что всё вокруг живёт и хочет жить, допуская промахи и ошибки, заблуждается, но выходит к свету. Нужно и сам этот свет показать, конечно. Он должен хотя бы себя обозначить, что он есть, что выйти к нему и остаться человеком непросто, но он есть.

Чтобы книга могла воспитать в ребёнке человечность, необходимо, чтобы и у родителя эта человечность была развита.

А конкретных авторов и книг очень много – даже если составить столбиком список «название/автор», всего выпуска журнала не хватит. Могу назвать некоторые книги, которые воспитали меня. Мне вообще очень повезло ¬– мама читала мне с самого детства, читала много и самых разных авторов. И «Муми-троллей» Туве Янссон, и «Кавказского пленника» Пушкина. В первом классе мне казалось, что нет ничего лучше, чем рассказ Льва Толстого про льва, которому в клетку в качестве обеда кинули собачку, а он не стал её есть. А потом прочитала «Чёрную курицу» Погорельского и тоже думала: «Всё, уже точно более пронзительного текста не бывает». А потом оказалось, что есть Куприн, и у него – «Белый пудель». А потом – Лидия Чарская. И так по цепочке, звено за звеном – формируется взгляд на мир. Это я сейчас произведения с точки зрения нравственного воспитания личности пытаюсь перечислить. Крапивин, Драгунский, цикл о Вите Малееве Носова, «Кирпичные острова» Радия Погодина, «Заповедный сад» Фрэнсис Бёрнетт или «Маленькая принцесса» – её же, «Динка» Валентины Осеевой, «Чучело» Железникова, «Республика ШКИД»! У Леонида Пантелеева, помимо «Шкиды», рассказы отдельные – «Портрет», например. У Зощенко – целый полуавтобиографический цикл, про Лёлю, его старшую сестру, и Миньку (сам Михаил). Цикл «Как папа был маленьким» Александра Раскина. Рассказы Ирины Пивоваровой. «Эхо» Юрия Нагибина. Столько книг, которые прекрасно справляются с задачей воспитания в человеке человека! И та же Роулинг – тоже справляется, при помощи иных выразительных средств, но это совершенно не значит, что справляется хуже.

Тут другой момент, как мне кажется, важен: чтобы книга могла воспитать в ребёнке человечность, необходимо, чтобы и у родителя эта человечность была развита. Если в семье чтение вообще не принято, ребёнок может, конечно, самостоятельно открыть для себя литературу, но ясно ведь, что это редкий случай.

Важно не то, сколько человек прочёл, но сколько он прочувствовал.

– Чтение как один из элементов большого и длительного во времени процесса по воспитанию чувств: какое место он занимает среди всех прочих элементов? Какие особые смыслы и состояния привносит в эту алхимию по объединению ума и сердца?

– Мне кажется, что чтение ¬– это всегда миф о нимфе Эхо. Важно не то, сколько человек прочёл, но сколько он прочувствовал. Ведь иногда единая строчка может осветить пройденный путь или тот, который предстоит пройти. Читать – очень важно! Не знаю, насколько правильно говорить о популяризации чтения, о том, что нужно сделать чтение модным. Ведь на самом деле во все времена довольно большой процент населения не читал книг, особенно из-под палки. Да и я профессионально занимаюсь литературой, поэтому слишком вовлечена в книжный процесс, потому не могу быть объективной. Можно и не читать книг, но быть замечательным человеком. Другое дело, что это скорее исключение, чем правило. Быть осознанно добропорядочным – вот что важно. Как можно воспитать ангелов, если общество насквозь лицемерно? Если нам с детства говорят, что кругом сплошная помойка, а потом, что если мы не будем учиться, то пойдём работать дворниками, то какой вывод делать детям? Сейчас уже можно бюджетный вариант планшета или телефона с выходом в Интернет чуть ли не за тысячу рублей приобрести. Смотришь анкету человека «ВКонтакте», а там 2006 год рождения указан. Многие светлые порывы зачастую уничтожаются на корню именно взрослыми. Хорошо было бы устроить нам всем книжную реабилитацию, ввести диагноз «недостаток чтения» или «злокачественный wi-fi»...

Изучал слонов и воздушные шары
Александр Правилов

www.prochtenie.ru
ПРОЧТЕНИЕ
маяк в океане литературы

У нас – пополнение. Интернет-журнал «Прочтение» (prochtenie.ru), где знают о книжных новинках и о хорошей литературе всё, согласился поделиться своей мудростью. Литературная критика на страницах журнала «Пойнтер» – запоздалый, но крайне важный гость. Открываем подборкой авторских рецензий на избранные произведения героя номера – Эрика-Эмануэля Шмитта.

САМ СЕБЕ И НЕБО, И ЛУНА

Текст: Анна Рябчикова

Эрик-Эммануэль Шмитт. Распутник / Пер. с фр. А. Браиловского. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.

Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Владислав Ходасевич
«Перед зеркалом»

Знакомясь с романом ЭрикаЭммануэля Шмитта «Секта эгоистов», необходимо держать в голове два факта: первый – писатель имеет степень доктора философии; второй – этим произведением он дебютировал в прозаической форме. Учёт ряда дополнительных сведений напоминает подход к современному искусству: вещь не кажется содержательной до тех пор, пока тебе развёрнуто не объяснят её задумку.

Впрочем, здесь иллюзии скрытых смыслов нет – книга в трагикомичных тонах излагает доктрину тотального солипсизма, при котором реальность признаётся фантазией собственного «я». Мысль в отличие от сюжетного воплощения довольно масштабна и захватывающа: кто хоть раз не сравнивал жизнь со сном или не задавался вопросом о личном влиянии на окружающий миропорядок?

Один из распространённых упрёков, который звучит в наш адрес с детства, – эгоизм. Гаспар Лагенхаэрт вырос в среде, где на долю юноши выпадало только восхищение: его красотой, богатством и причудами. В одном-образие салонного общества XVIII века он вносил нотку вольнодумства – заявления о том, что все собравшиеся лишь плод его воображения, подстрекали гостей устраивать проверки. Часть из них имели насильственный характер, часть – сексуальный.

Возвестив себя богом, Гаспар не мог вспомнить, зачем ему понадобился мир, природа, животные, мужчины, женщины, поведение которых с годами свелось исключительно к насмешкам и дерзости. Он «просматривал свои записи» – Библию, философские учения, «Энеиду», наслаждаясь сделанным. Эти труды остались в веках, тогда как имя величайшего эгоиста стёрлось из земной памяти, а единичные архивные источники предлагали беллетристику.

История учёного, идущего по следам Гаспара, должна была стать удобоваримой формой экстравагантной концепции креационизма. Однако по-настоящему ценные суждения, будь то диалог некого господина де Грекур с Гаспаром или его личные постулаты о религии, не успевают встать в полный рост и расправить плечи, притесняемые пошлостью и тривиальными сценарными ходами. Видимо, философствующему автору как никому другому известно, что великое всегда идёт об руку с трагифарсом.

ЛЯМУР ТУЖУР

Текст: Анастасия Бутина

Эрик-Эммануэль Шмитт. Одетта. Восемь историй о любви. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 224 с.

Говоря словами одного из героев рассказа «Одетта», критика Олафа Пимса, «*с литературной точки зрения книга просто катастрофа. Тут всё наводит уныние: сюжет, персонажи, стиль... <...> Если бы можно было умереть от скуки, то вчера бы я умер*». Я не умерла лишь из-за наличия «*Самой прекрасной книги на свете*» – последнего рассказа, который по своей пронзительности и честности совершенно не вписывается в сборник, словно его прикрепили случайно, чтобы добрать необходимое количество знаков.

Да и, признаться, со смертями был бы перебор. Ведь главные герои пяти любовных историй мрут в самый подходящий момент. Эрик-Эммануэль Шмитт и вводит-то их в рассказы для того, чтобы было кого тактично убрать в конце, тем самым поставив точку. Зачины даже захватывающи – поклонница творчества известного писателя Одетта с трепетом идёт к нему на встречу; богатая Ванда Виннипег встречается со стариком-художником, который много лет назад сделал её женщиной; чрезмерно разборчивая Элен наконец-то решает выйти замуж; в квартиру к Одиль Версини проникает безмолвная старуха, которая бродит из комнаты в комнату в ночи; и так – до семи, – миновав кульминацию, повествование приобретает элементы фарса, который может выгодно смотреться, пожалуй, только на сцене.

Хотя если воспринимать истории с присущими французам лёгкостью и куражом, то можно даже получить от них удовольствие. Ведь нет ничего печальнее на свете, чем поиск глубины в повестях, в которых она и не предусмотрена.

«Одетта протянула для подписи новый экземпляр книги:
– Вы можете написать просто: "для Одетты"?
Рассеянный Бальтазар захотел увериться, правильно ли он расслышал:
– Для Одетты?
– Да, тут мои родители мне явно подгадили! <...>
– Ничего подобного!
– Да!
– Это же прустовское!
– Пру?..
– Прустовское... "В поисках утраченного времени"... Одетта де Креси, женщина, в которую был влюблён Сван...
– Мне попадались лишь пудели, которых звали Одетта, – простодушно заметила собеседница. – Пудели. И я. Впрочем, что до меня, то все на свете забывают это имя. Может, чтобы меня лучше запомнили, следует надеть ошейник или завить волосы?»

Последняя же история, рассказывающая о чувствах и чаяниях женщин – политических заключенных ГУЛАГа, основана на реальных событиях и удивительна, насколько может удивлять только жизнь. Речь в ней идёт о книге, написанной матерями для оставленных на свободе детей, о книге, которая справедливо называется лучшей на свете.

Выбор журнала «Прочтение»

www.prochtenie.ru
ПРОЧТЕНИЕ
маяк в океане литературы

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Текст: Анастасия Бутина

Эрик-Эмманюэль Шмитт. Оскар и Розовая Дама. Мсье Ибрагим и цветы Корана. Дети Ноя / Пер. с фр. А. Брашловского, Г. Соловьевой, Д. Мудролюбовой. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 192 с.

Признанный самым читаемым французским автором в мире Эрик-Эмманюэль Шмитт по большому счёту может справедливо гордиться лишь «Оскаром и Розовой Дамой». Все остальные его драматические и не очень произведения (включая повести «Мсье Ибрагим и цветы Корана» и «Дети Ноя», составляющие вместе с «Оскаром...» «Цикл Незримого») на фоне истории общения неизлечимо больного десятилетнего мальчика с Богом заметно меркнут.

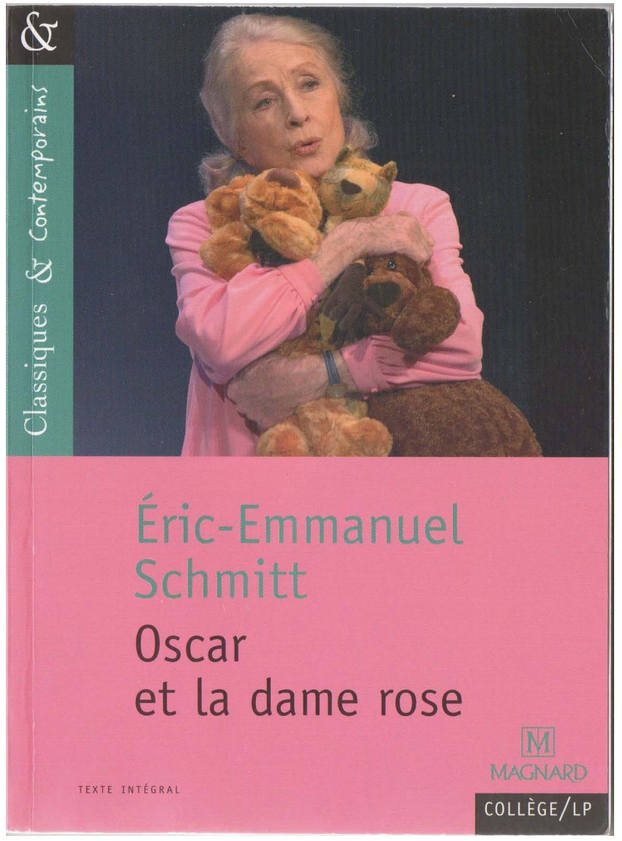
Оскару по прозвищу Яичная Башка жить осталось двенадцать дней. Так ему сказала Бабушка Роза – в прошлом известная кетчистка, – которая в отличие от всех остальных обитателей больницы не глохнет на оба уха при слове «смерть». С родителями у мальчика отношения не ладятся, потому что они «трусливые придурки», а лечащему врачу так и тянет врезать за то, что он ходит с виноватым видом.

> *«В иные дни мне хотелось наорать на него, сказать ему, что, может быть, это он, доктор Дюссельдорф, со своими угольными бровищами, профукал мою операцию. Но вид у него при этом такой несчастный, что брань застревает у меня в глотке».*

За столь короткий срок испытать влюблённость, научиться прощать и уж тем более верить – непростая задача. Умный мальчик Оскар подгоняет Бога, призывая его управиться поскорее с земными делами: *«Я обращаюсь к тебе с сегодняшней просьбой: мне бы хотелось, чтобы мы с Пегги поженились.<...> Если в твоём отделе этого не водится, сообщи мне поскорее, чтобы я мог переадресовать своё желание более подходящей персоне. Не хочу торопить тебя, но напоминаю, что времени-то у меня мало. Итак: свадьба Оскара и Пегги Блю. Да или нет. Меня бы устроило, если бы ты смог».*

В одноимённом моноспектакле по этой повести, поставленном петербургским театром им. Ленсовета, в роли и Оскара, и Розовой Дамы (в сценарной обработке – Розовой Мамы) незабываемо пронзительно играет Алиса Фрейндлих. Хрипловатый, как на потрескивающей пластинке, голос, которым прославленная российская актриса зачитывает адресованные Богу письма ребёнка, достигает самого сердца, с лёгкостью минуя все рациональные участки мозга.

Никто из нас не договаривался с Создателем о том, какое время каждому отпущено на земле, но это вовсе не значит, что отмеренный отрезок жизни равен вечности. На прикроватной тумбочке у Оскара стояла карточка с последним желанием. В один из дней мальчик закрыл глаза и отправился навстречу его исполнению.

Выбор журнала «Прочтение»

ТОЛЬКО ДЕТСКИЕ КНИГИ ПИСАТЬ

Текст: Иван Шипнигов

Виктор Пелевин. Любовь к трём цукербринам. — М.: Эксмо, 2014. — 446 с.

Лучшая аннотация к новой книге Пелевина принадлежит пользователю, ведущему аккаунт петербургского книжного магазина «Порядок слов» в «Фейсбуке»: «В общем — новый роман от автора предыдущих уже в продаже». Я знаю автора этого поста, это хороший человек.

Словосочетание «новый Пелевин» как-то неловко уже произносить: все примерно представляют, что может быть написано в «Любви к трём цукербринам». Виктор Пелевин создал очень мрачную и вполне традиционную для «себя последнего» книжку. Отмеченное многими рецензентами отставание от трендов, мемов и примет современности в «Цукербринах» настолько вопиюще для автора, как бы выпускающего ежедневную газету раз в год, что кажется намеренным, — но тогда непонятно, зачем вообще какая бы то ни было привязка к современности.

Представляется, что по условиям некого кабального и ростовщического договора этот грустный, умный, глубокий и тонкий человек в 2014 году обязательно должен был написать о «Фейсбуке» и Украине, хотя все уже давно успели это сделать. Невольно вспоминается персонаж из «Жизни насекомых», пожалуй, больше других пелевинских живых существ заслуживающий сострадания: жук-скарабей, обречённый вечно катить перед собой свой круглый навозный Йа.

Ясновидец, названный в романе Киклопом («старинное произношение»), удерживает мир в равновесии, подглядывая и подлатывая дыры в будущем, могущие привести к катастрофам гораздо страшнее тех, что происходят сейчас. Птицы, владеющие миром, хотят убить создавшего их бога, Древнего Вепря, «чтобы у них не было больше никакой причины», и в качестве орудий убийства используют людей. Прямо чувствуется, как автор любит приложение Angry Birds, — всю свою нескончаемую фантазию и мощный изобразительный талант он тратит на то, чтобы в механике мобильной игрушки проступили контуры вечного противостояния Творца, Творения и существ, его населяющих.

> *«В глазах Древнего Вепря застыла бесконечная любовь — и бесконечная печаль. Николаю показалось, что тот похож на старого доброго сапожника, наплодившего много неблагодарных детей, которые ежедневно попрекают его свой бедностью и неустройством — а сапожник только втягивает голову в плечи, стирает попадающие в него плевочки и старается работать шибче, зная, что дети никогда не поймут, какой крест несёт их отец, ибо они и есть этот крест...»*

Пробивает на слезу, если вдуматься.

По сюжету сисадмин Кеша, работающий в офисе сайта Contra.ru (невероятно остроумный намёк), троллит знакомых в «Фейсбуке» насчёт Украины; чёрная заэкранная сила порно высасывает жизненные силы из мастурбирующих перед компьютерами людей; наконец, виртуальная реальность захватывает нас по полной программе. Если кто вдруг ещё не понял (я сам не сразу догадался), «цукербрин» — это Марк Цукерберг плюс Сергей Брин, которые устроили нам в будущем Матрицу под названием «фейстоп» с разными ужасами: человек подвешен в капсуле, а ему через вживлённые в мозг электроды показывают то яркую и приятную, то мрачную и опасную жизнь — всё как у нас. Нет, мы-то её сами себе, конечно, устроили.

Ксю Баба там, например, есть. (Расшифровать?..)

Google Dick и Google Pussy — а раньше, в наше время, поисковик такой был.

Антон Носик зачем-то упомянут, и даже имя Пелевин не стал смешно перевирать, как он это делает с именами других отечественных деятелей культуры.

В конце всё взрывается.

Прозорливо и увлекательно, сил нет.

Если серьёзно, то удержаться от хаматого тона в отзыве на новую книгу моего самого любимого писателя я не могу из-за горькой обиды. Ведь после надоевшей мертворождённой конспирологии в самом конце книги появляются сорок страничек такой неожиданной, простой и чистой красотищи, что действительно идут мурашки по спине и появляется комок в горле — и мучительно хочется, чтобы все следующие книги Пелевина были такими.

Души умерших после взрыва в офисе «Контры» героев попадают в маленький рай, созданный ангелом Сперо, который при жизни был тихой девушкой, ухаживавшей за редакционным садом-оранжереей. В этот транзитный Эдем души попадают в виде *умных зверей*, чтобы отправиться дальше в другие, подходящие именно им миры: *Утренник* и *Качели*. Трогательная детсадовская наивность заключительной главки столь оглушительна, что нельзя не поверить — самый желчный и мрачный автор современности написал её совершенно всерьёз.

Потому что такое не всерьёз написать нельзя:

> *«В пещере живет уж. Но запертые там овечки думают, что там гадюка. Этот уж то и дело проползает мимо овечек, а их трясёт от страха, когда они слышат шуршание в сухой траве... Ужу не хочется никого пугать, ему самому жутко. Он не понимает, в чём дело, и просто мечется по своей пещере от страха. И вместе они создают такой выброс ужаса, что его невозможно не заметить издалека».*

Ангела, рассказывающего это, при жизни звали Надеждой. Пелевин всё-таки выговорил это слово. Теперь — только детские книги писать.

Выбор журнала «Прочтение»

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ГОРЯ

Текст: Надежда Сергеева

Марина Степнова. Безбожный переулок. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. — 328 с.

О том, что мы умрём.
О том, что мы живём.
О том, как страшно всё.
И как непоправимо.
Г. Адамович

Проза Марины Степновой по праву занимает особое место в современной литературе. Её романы — лирические переживания, облечённые в прозаическую форму. Грустные истории, говорящие о простых, но очень важных вещах — о том, что каждый человек должен любить и быть любимым.

«Безбожный переулок» — новый роман писательницы, в котором она остаётся верной себе. Тот, кто полюбил «Женщин Лазаря», будет рад совершить глубокое погружение в подсознание новых героев, присвоить себе их мечты, испытать на себе их боль. Также он ещё раз сможет убедиться в том, что творчество Марины Степновой — это продолжение традиции, заложенной русскими классиками несколько веков назад.

По своей трагической интонации «Безбожный переулок» необыкновенно похож на произведения Чехова. В то время как современные люди пьют чай, ходят на работу и в магазин, рушится их жизнь. Самым важным в книге Степновой является вовсе не сюжет — его можно рассказать в двух предложениях и тем самым абсолютно опошлить. В центре внимания оказываются «подводные течения» — скрытые в оговорках и намёках сильнейшие переживания персонажей. Перед главным героем стоит задача распознать эти зашифрованные послания в поведении своей возлюбленной и разгадать её тайну. Однако он, как и действующие лица в пьесах классика, с треском провалился.

В романе есть и наследница женских образов Чехова — Маля. Главное в её жизни — мечта:

«Я всегда мечтала просто жить, понимаешь? Это же самое интересное. Жить. Ехать. Останавливаться где хочешь. Снова ехать. Смотреть. Жить».

Но в отличие от своих предшественниц Маля не останавливается на полпути к мечте, а идёт к ней до конца.

Впрочем, сравнением с одним Чеховым здесь не обойтись. Роман охотно играет с цитатами Фета, Ахматовой, Адамовича, Хлебникова, Георгия Иванова. Образы и ситуации, встречающиеся в нём, уже были когда-то описаны русскими поэтами: «Осенний крупный дождь стучится у окна, // обои движутся под неподвижным взглядом. // Кто эта женщина? Зачем молчит она? // Зачем лежит она с тобою рядом?» Удивительно, что даже готовят здесь по рецептам, которыми наверняка пользовалось женское общество из «Анны Карениной». Что уж говорить об имени главного героя — Иван Сергеевич Огарёв. Оно будто бы предопределяет его трагическую судьбу. Многочисленные отсылки к писателям-классикам свидетельствуют о том, что во все времена люди страдают по одним и тем же причинам:

«Бедные люди — пример тавтологии. Кем это сказано? Может быть, мной?».

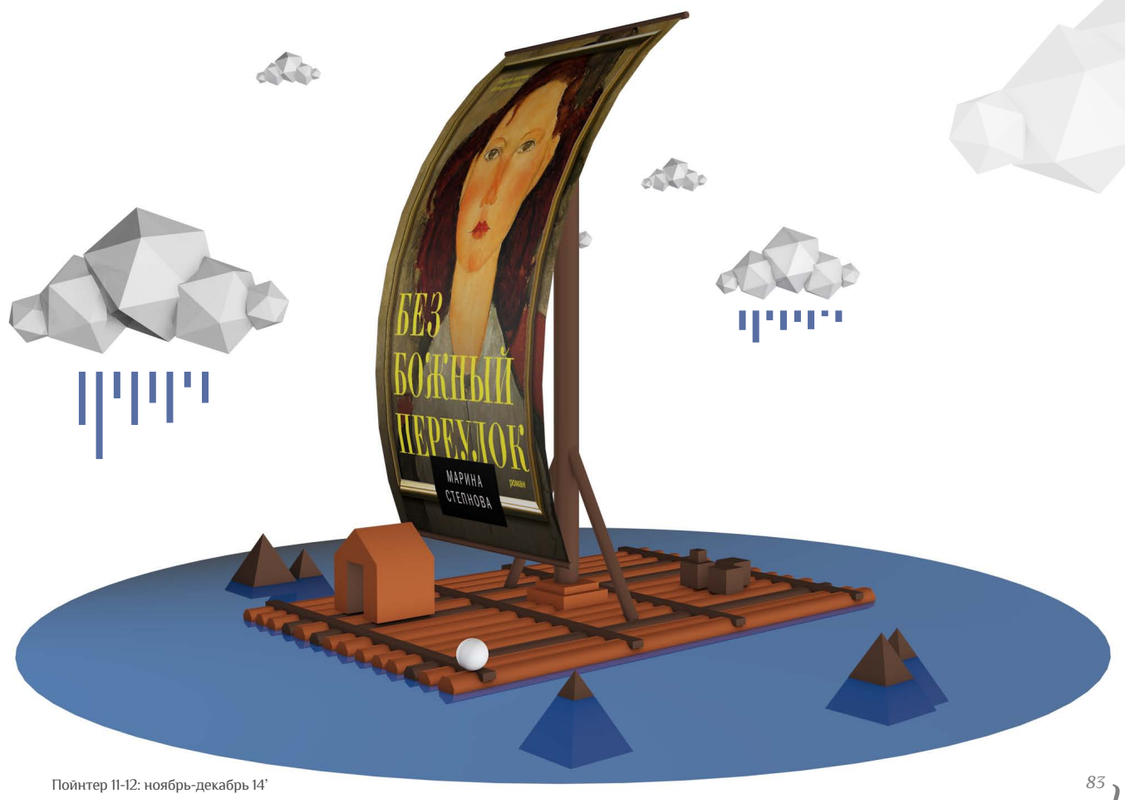
Но в конце Огарёв напоминает персонажа не столько русского романа, сколько немецкой романтической повести, который видит реальность, неподвластную взгляду других людей. Грань между открывшейся ему истиной и безумием необычайно тонка. Одни решат, что Иван Сергеевич сошёл с ума, другие — что он открыл для себя новую, настоящую жизнь, полную свободы, — ту самую, о которой мечтала его возлюбленная.

Художественный стиль Марины Степновой подталкивает принять позицию вторых. Язык романа чрезвычайно поэтичен и лёгок. Он заставляет поверить в каждое описанное чувство. Писательница подмечает мельчайшие детали, вкусы, делая созданный ею мир по-настоящему живым. Она искусно сочетает необыкновенно трогательные описания с фрагментами текста, написанными нарочито грубым стилем, с откровенным обличением, а иногда и вовсе с выдержками из медицинского справочника:

«В комнату ползла, оставляя мокрый длинный след, уже не мать, не человек даже, просто всё ещё живое существо, почти оставленная Богом протоплазма, надоевшая пластилиновая игрушка, локтем сброшенная с поделочного стола. Аневризма, тихая, страшная ягода, невидимый пузырёк, присосавшийся к сосуду, наконец-то лопнула. Мозг заливало тяжёлой чёрной кровью, закупоривались по одному сосуды, захлопывались дверцы, суетливая возня, паника, разбегающаяся в разные стороны обезумевшая жизнь».

Такое разнообразие повествовательных регистров необходимо писательнице для того, чтобы как можно более точно отобразить все проявления жизни, подчеркнуть бессилие человека перед своей судьбой. Быть может, поэтому конец «Безбожного переулка», несмотря на всю его нереалистичность, кажется таким естественным.

Персонажи Марины Степновой, как и их литературные предки, ищут самое важное место на Земле — свой Дом. Заветное детское «чур, я в домике» они проносят через всю жизнь, превращая это заклинание в формулу счастья. Иван Сергеевич Огарёв наконец-то нашёл пристанище для своей души. Для этого, как и положено по традиции, ему пришлось лишиться всего, возможно, даже рассудка. Стоило ли это таких больших жертв?

Выбор журнала «Прочтение»

www.prochtenie.ru
ПРОЧТЕНИЕ
маяк в океане литературы

ТРОПЫ

Текст: Анастасия Бутина

Эммануэль Гибер, Дидье Лефевр, Фредерик Лемерсье. Фотограф / Пер. с фр. Анны Зайцевой. — СПб.: Бумкнига, 2014. — 272 с.

Чтобы там умереть, не надо быть невезучим. Мирное население Афганистана — страны, в которой гражданская война продолжается уже более тридцати лет, — во время противоборства с Советским Союзом было ещё более уязвимым. Дети, подорвавшиеся на минах, женщины и старики с младенцами на руках, спасающиеся от бомбардировок, и так рано повзрослевшие юноши, которых невозможно увидеть без оружия, нуждались в регулярной медицинской помощи.

> *«В прошлую миссию я видел чувака с дырой вместо носа, дырой под подбородком и в каждой руке. И всё это — от одной пули <...> Как такое возможно? — Без понятия. — Ну, чувак сидел, сложив руки под подбородком и оперев их на ствол заряженной винтовки. А трёхлетний сын, игравший у него под ногами, нажал на курок».*

«Фотограф» — это «история, пережитая, заснятая и рассказанная Дидье Лефевром, написанная и нарисованная Эмманюэлем Гибером, раскрашенная и свёрстанная Фредериком Лемерсье». Это сюжет о реальных героях, следующих с миссией «Врачи без границ» по охваченному войной Афганистану. О гуманистах — Режисе, Робере, Жюльет, Джоне, Сильви и ещё десятках мужчин и женщин, — страдающих хроническими заболеваниями после возвращения, посвятивших себя спасению человеческих жизней и ни секунды не сомневающихся в важности своего дела.

Текст в этом романе вторичен: он не конкурирует с чёрно-белыми снимками и отсканированными негативами. Он словно начитывается размеренным закадровым голосом и описывает миниатюры. На них видно, как болезненно жмурится при извлечении пули раненый афганец, как беззвучно плачет девочка с обожжённой рукой или испуганно смотрит трёхлетний малыш, которому осталось жить несколько часов. Некоторые кадры зачёркнуты автором — вероятно, неудавшиеся, — иные, напротив, обведены красным цветом. Чем одни уступают другим, понять сложно: репортажный характер делает их бесценными.

Впервые попав в Пешавар, важнейший стратегический центр Пакистана, откуда началось путешествие, Лефевр старается не упустить ни одного кадра, полагая, что его глазами на события в восточных республиках будут смотреть жители всех стран Европы.

> *«Всё это — круговерть, которую я вижу, слышу, чувствую, угадываю, но мне её сложно анализировать. Не хватает дистанции и политической культуры. Я гуляю, делаю фото, жду отправления. Мне интересно быть посреди этого нескончаемого базара — как в прямом, так и в переносном смысле».*

Дидье ещё не знает, что из четырёх тысяч фотографий, сделанных им во время миссии, опубликовано будет лишь шесть. Не знает он и о том, что в течение двадцати лет предпримет восемь путешествий в Афганистан.

Впереди — движение по бездорожью через границу Пакистана в составе последнего перед зимой каравана, ночные переходы, крутые горные склоны, ущелья, усыпанные снегом, небо, непривычная кухня и непреходящая усталость, к которой тело постепенно приспосабливается.

Путевые заметки европейца Дидье иногда вызывают улыбку:

> *«Сразу бросается в глаза одна черта нуристанцев: женщины вкалывают, а мужчины пинают балду. Бабы пашут в полях с огромными заплечными корзинами по 10 кг, а мужики сидят по обочинам дороги и созерцают».*

Давая представление о быте и укладе жизни исламских республик, записи чрезвычайно точно передают чувства человека, воспитанного по другим законам. Чужого, который может случайно брошенным словом вызвать гнев принимающей стороны, даже не подозревая об этом.

Тем более удивительным кажется желание Лефевра проделать обратный путь в одиночку. Совершая личный подвиг, несколько раз балансируя на грани жизни и смерти, он не только не сворачивает с тропы, но продолжает снимать, придерживая обессилившими руками камеру, сквозь объектив которой Дидье увидит и конец своего перехода через ущелья.

Спустя тринадцать лет художник Эмманюэль Гибер, услышавший рассказ о путешествии из первых уст, предлагает другу сделать книгу. Результатом работы становится графический роман «Фотограф», который легко назвать памятником всем добровольцам миссии «Врачи без границ». Тем, кто вернулся на родину и сумел войти в привычный ритм жизни, и тем, кто навсегда остался в далёком Афганистане.

С ЖИВОЙ КЛАССИКОЙ НЕ БУДЕТ ГОРЯ ОТ УМА

Издательство «Клевер» в этом номере журнала примеряет на себя алый плащ супергероя, да так и остаётся в этом наряде. После весёлых каникул в деревне Фролово вместе с Платоном Комиссаровым, молодым человеком с большим творческим потенциалом, мы ещё раз возвращаемся к Александру Альперовичу, генеральному директору издательства. Как избавлять от мёртвых идей и шаблонов классику, чтобы она стала живой? И как вернуться в звенящее пионерское детство, но при этом не повторить ни одной взрослой ошибки советского строя? На эти непростые вопросы отвечают две новых «клеверных» серии. Этим интервью мы ещё и даём старт серии тематических книжных обзоров, цель которых развить творческое начало в самых разных людях, даже в тех, кто в себя не верит.

– Александр, недавно мне в руки попала на первый взгляд обычная книжка – «Горе от ума» Грибоедова. «Ещё одно школьное академическое издание». Так подумал я – был неправ. Под обложкой, помимо текста, я нашёл целую энциклопедию не только о тексте пьесы, но и о самом авторе. Готовое пособие для школьника, к тому же сделанное в фирменной стилистике «Клевера». Получается, что когда одни говорят, что увлечь детей школьной программой по литературе очень сложно – классику уже не воспринимают нынешние дети, то другие берут и доказывают обратное. Расскажите о серии: в чём ваше ноу-хау и есть ли оно там вообще? С каким настроением и с какими ожиданиями в «Клевере» брались за серию?

– В серии «Живая классика» пока вышли два произведения: «Горе от ума» и «Капитанская дочка». Задумывалась серия для того, чтобы «перезагрузить» представления о книжной классике, показав её с новой, свежей, стороны. Мы все привыкли к тому, что к классике относятся как к чему-то обязательному, рутинному и заведомо скучному, потому что нужно читать, но не хочется. И вряд ли мы отдаём себе отчёт в том, что то, что мы считаем скучной классикой, это не только интересные, но и необычные книги, а их авторы, если разобраться, были неординарными личностями, которые многому могли бы научить нас сегодняшних. Чаще всего классическое произведение

не оставляет в душе должного следа, потому что читатель не погружён в исторический контекст, без знания и понимания которого не осознать смысл и масштабы того или иного литературного труда.

Почему мы начали серию с комедии Грибоедова «Горе от ума»? Эта пьеса является одним из самых цитируемых произведений русской классики – иногда мы сами забываем, что те крылатые фразы и выражения, которые звучат в нашей обычной речи, в массе своей – из этой книги. Например, «счастливые часов не наблюдают», «герой не моего романа» – эти и многие другие знаменитые цитаты прозвучали впервые в пьесе, поэтому им мы в книге отвели отдельное место.

Кроме того, большое внимание уделили самой фигуре Грибоедова, игравшей большую роль в российской истории и в российской политике. Драматическая судьба, трагическая гибель, прекрасная история любви. Нет романтичнее сюжета, чем история его женитьбы на княжне Нине Чавчавадзе. Я был когда-то в Грузии и узнал там, что для грузинского народа этот союз стал своего рода мифом, который они очень чтят и хранят.

Кстати, ещё одна причина, по которой мы создали эту серию, – показать неразрывную связь истории с литературой. Именно эти две вещи, на мой взгляд, формируют из человека гражданина, способствуют его становлению как личности. И одна из наших целей, главная миссия издательства – привить интерес к книге не просто как к времяпрепровождению, а как к образу жизни, к образу мысли, и показать, что книга является важнейшим инструментом связи поколений, развития личности.

– Пока можно найти только «Горе от ума» и пушкинскую «Капитанскую дочку». Какие перспективы у серии?

– Сейчас к выпуску готовятся произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого. Мы надеемся, что серия будет достаточно длинной и успешной. На неё хорошо реагируют, но пока я не могу сказать, что она очень успешна в продажах. Осталось ещё поработать над тем, чтобы на эти издания удерживались привлекательные цены. Нам очень помог при выпуске второй книги серии, «Капитанской дочки» Пушкина, запуск краудфандингового проекта – мы собрали достаточно денег, чтобы теперь поддерживать очень хорошую цену на книгу в магазинах, не более 250 рублей, что примерно в два раза меньше её реальной цены.

– Проект «Живая классика» встретил живой отклик в интеллектуально-медийной среде. Писатели, актёры и просто хорошие люди из телевизора поддержали вашу идею. Видимо, им по сердцу пришлась идея проекта?

– Да, нас поддержали очень разные известные люди, среди которых были Дмитрий Быков, Татьяна Лазарева, Максим Виторган, Евгений Гришковец, Сергей Бутман. Всех их, в хорошем смысле, проняло нашим проектом: это же качественно иной взгляд на школьную программу. Тексты, которые написал для нас Виктор Кулле в литературоведческой части томика с пьесой Грибоедова, – они же совершенно потрясающие! Можно даже не читать всю книгу целиком – только первую часть, но всё равно сложится полное представление о сюжете, о литературном и историческом контексте. Если на этих текстах построит урок учитель, это может в корне изменить отношение учеников к изучаемому материалу, в лучшую сторону. Если же книгу ученик прочтёт самостоятельно, он не просто напишет прекрасное сочинение, но сможет сделать превосходный доклад или презентацию на уроке. И я уверен, что подавляющее большинство тех, кто прочтёт вступительную часть книги, обязательно дочитает и всё остальное, до самого конца. Нашей задачей было сделать книгу действительно интересной. Думаю, нам это удалось.

СОВЕТСКОЕ НЕ ЗНАЧИТ ПЛОХОЕ

– Книги издательства «Клевер» – прекрасно изданные, очень интересные и все сплошь необычные, но в основном переводные. И вдруг – объявление о новом проекте со старыми именами с пахнущим ГОСТом и ОТК названием «Советская серия». Сейчас модно ностальгировать по тёплому пионерскому прошлому и зарабатывать на этом. Скажите, чем будет отличаться ваша серия от других подобных переизданий советской литературы для детей?

– Понятно, что мы, как издатели, держащие руку на пульсе рынка, не можем оставаться в стороне от того, что интересно людям. У нас у всех в голове – свой образ советской эпохи, и к тем временам каждый из нас относится по-своему, через призму собственного опыта – кто-то любит, кто-то нет, кто-то идеализирует, а кто-то, наоборот, демонизирует. Не может быть каких-то однозначных оценок – это как лента Мёбиуса, у которой всегда есть две стороны. Если честно, мне бы не хотелось попасть в СССР ни в каком возрасте – ни ребёнком, ни взрослым. Мне бы не хотелось и сегодня, даже в качестве простого предположения, думать о том, что наша страна может вернуться к советской системе взаимоотношений власти и людей, к прежней идеологии. Однако не стоит забывать, что и во времена Советского Союза было много талантливых людей, творили писатели, рисовали художники, это время молодости моих родителей, в ту эпоху рос и я. И очень хочется, чтобы современные дети знакомились с произведениями того времени, чтобы они больше знали и понимали о том периоде, в который росли их родители, их бабушки и дедушки. Поэтому мы и создали эту серию. И не просто публикуем какие-то знаковые для той эпохи произведения. В каждом томе будут специальные вкладки с плакатами, картинами и прочими артефактами советского периода. Поэтому эти книги – это как посещение исторического музея.

Мы хотим показать, что нельзя в оценке истории держаться только одной точки зрения. Ведь у каждого человека – своё видение одного и того же события. Что же говорить о целой эпохе! Советский Союз – это наше прошлое, а людям свойственно вытеснять из прошлого всё плохое и оставлять только хорошее. И нам несложно сделать так же, ведь в прошлом мы были молодые, красивые, сильные, умные, и, соответственно, всё вокруг тоже было замечательно. Хочется, чтобы у наших детей формировалось собственное мнение, чтобы они читали советских авторов и делали собственные выводы без какого-либо давления извне. Мы специально назвали цикл «Советская серия», чтобы подчеркнуть, что мы не просто говорим о конкретном периоде истории, но делаем это последовательно, серийно. Каждая книга будет соответствовать какому-то десятилетию: например, первая книга – сборник рассказов Аркадия Гайдара – это 30-е годы, сейчас мы готовим к изданию сборник Виктора Драгунского «Денискины рассказы», а это уже 60-е годы. 40-е, 50-е, 80-е годы – каждому десятилетию мы подберём свою книгу, а в каждом томе будут документальные вставки. Мы хотим, чтобы эти книги не просто читали, а чтобы дети обсуждали прочитанное и увиденное на фотографиях и рисунках с родителями. У детей должна быть возможность как задать вопросы, так и сформировать собственную точку зрения о советской истории. Когда они будут понимать, что происходило в то время, они смогут всё это принять как данность, как часть истории, сумеют дать этому взвешенную оценку – без примеси идеологии, а как то, что просто было, о чём тоже надо помнить и знать.

ТАЛАНТ И ТВОРЧЕСТВО ВМЕСТЕ НЕПОБЕДИМЫ

– Раз пошёл такой разговор, означает ли «Живая классика» и «Советская серия», что сегодня вновь в тренде наша литература, в том числе детская? И раз так, то чего ещё дальше ждать от издательства из отечественного?

– Тенденция такая есть! Конечно, очень интересно продвигать российских авторов, у нас сейчас получилось сразу несколько проектов современных российских авторов в работе – это и «Как приручить врагана» Натальи Кудряковой, и «Приключения Миклуши и Маклая» Григория Кружкова. Эти книги для нас очень важны, и мы хотим, чтобы таких книг было больше, и готовы их издавать. Это не означает, что мы перестанем интересоваться зарубежными новинками: у нас ещё куча проектов «оттуда», которыми мы занимаемся сейчас и планируем выпускать и дальше. Опять же, очень не хочется проводить границу между хорошими книжками – наше, не наше, моё, не моё – любая сегрегация по какому-либо признаку ни к чему хорошему не приводит. Не хочется жить в стране, закрытой от остального мира, и считать, что мы всё можем делать сами. Я абсолютно убеждён: французские авторы, писатели и художники совершенно уникальны, и мы не можем сделать так же, потому что просто думаем и представляем мир чуть иначе. Я считаю, что английская и американская литература – потрясающая. Мы не можем жить без Сэлинджера и Фицджеральда – это такая же классика, как Гоголь и Достоевский. Да, мне нравится работать с российскими авторами, но мне гораздо важнее, чтобы то, что мы делаем, те книги, которые издаём, помогали детям увидеть мир с разных сторон, услышать разные голоса. Мы предлагаем лучшее, что есть в литературе разных стран и эпох: европейская литература, отечественная классика – XIX и XX веков, современные российские писатели. В каждой книге, которую мы издаём, есть талант и творчество, а когда они вместе, они непобедимы. И если человек об этом знает, если он в это верит, его не победить, ему не навязать чуждого ему образа мыслей, его не запугать и не обмануть.

– У кого сегодня лучше получается учить детей доброму и вечному – у иностранных авторов или у наших? Следует ли вообще делить педагогический и культурный опыт на наш и не наш? И Вы лично – на каких книжках воспитывали бы или воспитываете своих детей?

– Что касается моих детей, то я уже частично ответил на ваш вопрос в предыдущем ответе. Надо заметить, что серия «Живая классика» вообще-то возникла не просто так, а после разговора с моим ребёнком: мы обсуждали «Капитанскую дочку», я отвечал на какие-то вопросы, я говорил о том времени, о котором говорится в книге, о Пугачёве… И сам увлёкся этой темой, и настолько, что задумался: как сам Пушкин воспринимал всё то, о чём написал в этой книге? Ведь он очень серьёзно изучал Пугачевское восстание, хотел даже написать большой исторический труд о Пугачёве, но эта идея трансформировалась у него в беллетристику. И в те времена это была не большая литература, а такой практически pulp fiction, художественный триллер о любви, войне, героях. Но в школьной программе все эти живые стороны истории создания конкретного произведения выхолощены, сведены до общих фраз, а ведь интересно рассказать о том, как всё было на самом деле, показать, что всё это может быть увлекательно, что за каждой книгой стоит увлекательная история. И что классическая литература без знания истории не усваиваема. И что ничего сложного в этом нет, а наоборот – всё легко понять и усвоить. Главное – это подача. И вот всё это мы и попытались объединить в одной серии, сделав из скучной школьной классики – «Живую классику».

Оживлял представления о классике Александр Правилов

Благодарим за помощь в организации интервью Екатерину Нечаеву

ИНТЕРЕСНО НЕ ПО-ДЕТСКИ

Узнав, как при помощи книг сделать увлекательным приключением изучение школьной программы по литературе и истории страны самого сложного, советского, периода, делать обзор образовательной детской литературы – проще простого. Мы выбрали такие книги, которые своими обложками, каждым разворотом и каждой страницей текста, как яркими вспышками, видными из космоса, телеграфируют: «Узнавать новое – интересно не по-детски». Все эти книги предназначены для детей, но с не меньшим интересом их читают и взрослые.

ВОСЕМЬ ЦВЕТКОВ КЛЕВЕРА

Творческий подход издательства «Клевер» ко всему, что они делают, а также тщательный выбор книг, которые в издательстве переводят и издают, позволяет без стеснения и долгих раздумий назвать невероятной и потрясающей серию детских энциклопедий (кстати, она постоянно пополняется новыми изданиями).

ХИМИЯ

Например, «Как изготовить вселенную из 92 химических элементов» Эдриана Дингла, даже взрослого человека, который школьный курс химии проспал на задней парте, словно возвращает в чувство. Если вы считаете, что автор, которому в работе помогали самые опытные хранители крупнейшего в мире Политехнического музея, схалтурил и просто провёл читателя с экскурсией по таблице Менделеева, то раскройте книжку на любой странице. Осторожно! Очень горячо! Высочайшая концентрация любопытных фактов. И это не скучные параграфы из учебника, а яркая круговерть таблиц, схем, рисунков, коротких сопровождающих текстов и элементов инфографики – всё, к чему привыкли современные дети, на которых ежедневно обрушиваются потоки информации. Из этой книги можно не только узнать, из чего состоит всё в окружающем мире, но и создать из отдельных элементов, как из кирпичиков, множество удивительных историй об этой вселенной, в которой всё-всё-всё породнил между собой Менделеев. О чём мы? Например, что общего между космической ракетой и мальчиком Витей? Какие родственные связи между вагоном метро и ракушкой, выброшенной на морской пляж?

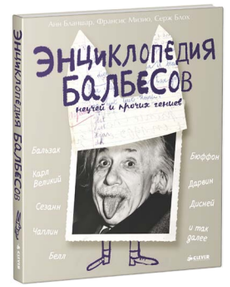
ИСТОРИЯ

Если же любознательность ребёнка после этой книги требует новых сведений, можно тотчас же вложить ему в руки другой том из этой же серии – «Как изменить историю с помощью мотка верёвки» Тима Кука. Форма подачи материала аналогична химической энциклопедии, но цели… цели книга преследует совсем иные. Она подскажет, как уничтожить целую империю силами всего 16 лошадей, как открыть один континент, направляясь на поиски совсем других земель, как изменить целый мир с помощью самых простых вещей, которые есть под рукой. Это и настольная книга юных завоевателей, и интереснейшая энциклопедия по мировой истории от древнего мира до наших дней.

БИОГРАФИИ В ГЕОГРАФИИ

Это не все истории об истории, которые готовы рассказать книги издательства «Клевер». Следующая остановка – «Первопроходцы. Самые опасные путешествия всех времён» Деборы Кесперт и Артёма Аракелова. Если юному исследователю мира неинтересно читать о подвигах далёких предков, а хочется совершать свои – переплывать бурные реки, покорять неприступные горные вершины, открывать неизведанные территории, – тогда эту книгу точно надо будет взять с собой, отправляясь на поиски терра инкогнита. Потому что энциклопедия путешественников не только рассказывает о самых отчаянных эскападах увлечённых и отважных героев, но и даёт ценные советы по выживанию в экстремальных условиях и по выработке в себе лидерских качеств, как у героев книги. Христофор Колумб и Юрий Гагарин, Васко да Гама и Жак Ив Кусто, Иван Папанин и Амелия Эрхарт, Марко Поло и Нил Армстронг – все эти люди совершили то, что считалось невозможным. Можно ли их назвать упрямцами? Да, как и любого героя. И лидера, который первым идёт туда, куда другие боятся даже бросить взгляд.

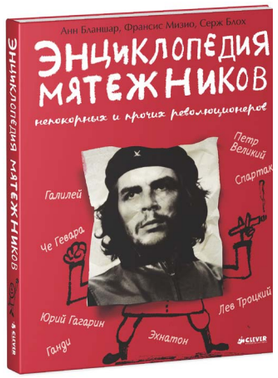

ПОРТРЕТЫ ВЕЛИКИХ БУЗОТЁРОВ

Но мы бесстрашно разглядываем следующую энциклопедию, кстати, любимую у Александра Альперовича в познавательной линейке книг издательства «Клевер». Это «Энциклопедия балбесов, неучей и прочих гениев» Анн Бланшар, Жана-Бернара Пуи и Сержа Блоха. О каких балбесах речь? Всего лишь о выдающихся учёных, творцах и государственных деятелях, которые с помощью своего ума (ну, и немножко – мотка верёвки) меняли мир. Неучами и занозами они были для всех, кому было комфортно оставаться в неведении, но тычки, затрещины и насмешки только закаляли скромных героев. Генеральный директор CLEVER, видимо вспоминая себя в школьные и студенческие годы, с гордостью говорит о героях энциклопедии: «Все они были в детстве совсем не паиньками, порой хулиганили, но всех их объединяли тяга к знаниям, целеустремлённость, трудолюбие. Отличная книга, которая ещё и развеивает миф о том, что можно плохо учиться, а потом стать великим учёным вроде Эйнштейна».

Если всё же желание оставаться неучем и балбесом, как и стремление жить непременно по своим правилам пересиливает голос разума, сам Эйнштейн велел прочитать «Энциклопедию мятежников, непокорных

ОТКРЫТАЯ НАУКА

и прочих революционеров» Анн Бланшар, Франсиса Мизио и Сержа Блоха. Авторы почти все те же, но герои – совсем другие. Вместо Леонардо да Винчи и Авраама Линкольна бузотёры Спартак и Че Гевара. Постойте, а что в списке мятежников делает Ганди, Юрий Гагарин и, простите, Лев Троцкий? Автор энциклопедии объединяет этих очень разных людей по одному общему признаку: они не просто оставили след в истории, но и заронили зёрна сомнения в души своих современников, лишили их покоя, заставив стремиться, двигаться вперёд, пытаться изменить существующий ход вещей. И им это удалось. То, что для всего мира было вызовом и открытым мятежом, для непокорных героев было началом нового мира. В качестве несомненных плюсов этих двух таких разных и так похожих одна на другую книг стоит отметить оформление и сами тексты. Это не скучные биографии, пересыпанные датами и фактами, а полные шуток и фирменной французской иронии байки о великих людях, читая которые невозможно удержаться от смеха. Самый большой минус – это чрезмерная *французскость* подбора героев. С другой стороны, а что ещё ждать от французских авторов? Их патриотизм вполне уместен и понятен, они выбирали героев, которыми можно вдохновлять их юных соотечественников. И всё же эти две энциклопедии невероятны, и это – настоящий вызов для тех современных российских авторов, которые пока предпочитают живописать безрадостность и суровость детского быта. Чтобы ребёнок выглянул из-за плинтуса низких представлений о мире, не только патриотическими стишками надо воспитывать в детях гражданскую гордость, но и славными делами соотечественников! «Клевер» пример подал.

А мы переходим к очень умной и точно научной части обзора. Сразу три энциклопедии ответственны за то, чтобы дети выросли если не Левенгуками и Борами, то уж точно не теми, кто с опозданием на десятилетия от остального мира придумывает в России Интернет, мобильные телефоны и автомобиль. Учёной мыслью выпускники отечественных вузов долгое время двигали вперёд российскую науку. И не только Пироговым, Ломоносовым или Менделеевым мы можем похвастать. А могли бы ещё больше светлых умов вырастить, появись у нас раньше научные энциклопедии от издательства «Клевер». Конечно, идеальный вариант – книги своих, выращенных в обычных дворах с песочницами-грибками авторов. Но пока что есть, то есть.

«Увлекательное путешествие в мир науки. Иллюстрированная история открытий» Джека Челлонера и «Эврика! Самые удивительные научные открытия» Майка Голдсмита, как несложно догадаться, примерно об одном и том же – кто и как двигал науку через эры, эпохи и поколения, чтобы в конечном итоге у нас появился iPhone 6. В первой книге на удивление много текста, но построены главы таким образом, что одного разворота автору хватает, чтобы буквально на пальцах, спичечных головках и мячиках для пинг-понга разъяснить атомную теорию. И не только её. Энциклопедия даёт весь необходимый вводный материал по физике, химии, биологии, геологии. И всё это в формате ролика с YouTube, но с куда более высокой содержательностью. Дело в том, что Джеку Челлонеру, профессиональному преподавателю и автору,

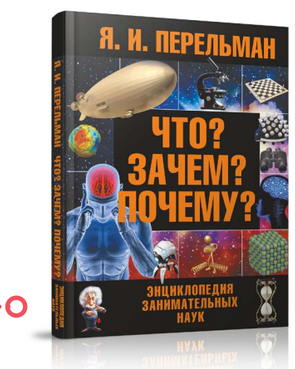
МАТЕМАТИКА

на секундочку, джазовой оперы о Солнечной системе, в 26 коротких главах рассказать обо всех ключевых открытиях главнейших научных дисциплин за последние 500 лет так же просто, как маленьким читателям не довольствоваться одной этой книгой, если хочешь сам когда-нибудь попасть в историю. В хорошую историю, где твоё имя будет стоять рядом с именами Галилея, Дарвина, Ньютона и других гениев, на чьи открытия представил досье Майк Голдсмит. «Эврика!» по внутренней структуре – один в один с энциклопедией первопроходцев, только герои этой книги исследовали не новые земли, а открывали на всеобщее обозрение тайны Природы, которые та тщательно скрывала многие века, в течение которых для людей самым большим достижением было приручение огня и животных.

У каждой главы, как и у всей книги есть цель, метод и результат. Что двигало учёным, как он этого добился, что его упорство принесло всему человечеству. Что даёт маленькому человеку энциклопедия о самых важных научных открытиях в истории? Стоит надеяться, что очевидный результат – желание не просто наследить в этой жизни, но оставить в ней след, над которым не будет властно время.

Можно и не ждать, пока вырастешь и получишь диплом. В издательстве «Эксмо» есть серия книг Сергея Болушевского, где через простые, но эффектные опыты можно на конкретных примерах изучить физику, химию и биологию, если не в совершенстве, то достаточно для того, чтобы однажды проснуться великим учёным или изобретателем. А начать можно с «Большой книги научных опытов для школьников», а потом почитать другие книги серии, посвящённые отдельным наукам. Все естественные науки в одном томе – в вопросах и ответах – это возможно? Если это книга «Что? Зачем? Почему? Энциклопедия занимательных наук» Якова Перельмана. Вы знаете, что это за человек? Он не просто одним из первых начал издавать книги в жанре научпопа, так востребованного сегодня, но и был первым в нашей стране, кто популярно и занимательно начал рассказывать детям о химии, физике и астрономии. В «АСТ» понимают, что эти книги будут в цене всегда, поэтому переиздают их, чтобы всем хватило.

Математически эффект от этих учёных книг не просчитать, но они так же необходимы в каждой детской библиотеке, наряду с полным собранием историй о муми-троллях, как и последняя «клеверная» книга обзора – «Весёлая математика» Мукула Пателя. Эта энциклопедия знаний о числах и их самых хитроумных комбинациях, с помощью которых можно описать всё на белом свете, даже этот текст и ход мыслей его обычного читателя. Само слово математика происходит от древнегреческого слова mathema, что означает – «знание».

Книга Пателя – главная энциклопедия в обзоре, потому что объединяет знания о целом мире в цифрах – от 0 до 9. Так уж вышло, что описать движение планет, крутизну гор и быстроту рек, повторяемость многих событий в истории и даже то, с какой периодичностью чешется нос или как часто хочется шоколадного мороженого – всё можно и нужно делать с помощью математики. Она точнее всего способна ответить на любой вопрос. Даже на тот, как ребёнку семи лет объяснить, что такое числовая ось, теория графов, фракталы, алгоритмы и даже какой формы Вселенная. Надо открыть «Весёлую математику» и читать её всей семьёй вслух. Поверьте, каждый член семьи не раз по мере прочтения глав этой энциклопедии воскликнет: «Надо же!»

Кстати, это единственная книга, которую надо не только читать, но и решать задачи, рассыпанные по главам. И в ответы на последних страницах не подглядывать!

Но уже можно начинать поглядывать на грядущую новинку «Манн, Иванов и Фербер» – «Как объяснить ребёнку математику» Кэрол Вордерман. Эта англичанка известна во всём мире как непревзойдённый эксперт по разгадыванию числовых головоломок – судоку. Она и книжку об этом написала. Обладая феноменальными способностями к математике, Кэрол, звезда британского телевидения, написала лучший учебник по математике в мире. До сих пор его можно было приобрести только на английском языке, а теперь – встречайте в России. Охватывая все основные темы учебной программы, от базовой арифметики к геометрии, алгебре и статистике, это пособие научит детей понимать всё волшебство науки о цифрах и действиях с ними, а родителям не придётся больше мучиться, пытаясь решить заковыристую задачку. Ведь эта книжка объяснит математику даже пингвину.

БОЛЬШЕ НЕ LONELY PLANET

Чтобы немного отдохнуть от научных истин, отправимся в путешествие. Но обязательно, собирая рюкзак, среди прочих важных вещей – любимых шоколадок, плюшевого мишки и водяного пистолета – найдём там место для путеводителей Lonely Planet. Они впервые появились в 1972 году в Австралии, где некие светлые головы задумали благое дело: издавать пошаговые путеводители по странам и регионам необъятного мира так, чтобы туристу, реши он пешком обойти весь свет, ни разу не пришлось спрашивать дорогу.

Для команды Lonely Planet не осталось сегодня неизведанных маршрутов, к тому же путеводители постоянно обновляются, шаг в шаг следуя за переменами, происходящими в различных уголках мира. Несколько сотен томов, в которых, как на картах Google Street View, запечатлён каждый метр земной поверхности. Но до недавней поры в серии был один изъян: она не принимала в расчёт интересы юных путешественников. Упущение исправлено – «Эксмо» выпустили путеводители Lonely Planet под грифом «Не для родителей». Азия, Африка, Южная Америка, Европа и отдельно – Рим, Париж, Нью-Йорк, Лондон. Теперь, пока родители будут прокладывать маршруты по взрослой версии путеводителя, дети могут информировать их о том, чем известна местность, в которой они находятся. Большой плюс детской серии путеводителей – они составлены так, что будет интересно читать их и дома, готовясь к путешествию или собираясь в него.

Вопрос «Эксмо»: почему есть путеводители для детей по разным странам мира, но нет таких же, но по России? А они есть! Алтай, Сахалин, Чукотка, Урал, Карелия, Эльбрус и Москва с Санкт-Петербургом – куда без них! Все эти звучные названия для тех, кто прочитает «Россия для детей», «Москва для детей» и «Санкт-Петербург для детей», перестанут быть чем-то вроде перечисления королевств Средиземья. Это наша страна, а мы о ней порой знаем меньше, чем о Франции или Америке. Детские путеводители по России – это не просто текст и иллюстрации, а одно художественное полотно, в котором из множества декоративных элементов, как из кусочков пазла, складывается картинка об удивительной земле – той, на которой мы живём.

И чтобы в культурной столице не выглядеть туристом, скажем, с Чукотки, нужно обладать неким культминимумом, позволяющим ходить по улицам этого чудесного города не с раскрытым ртом, но читать его улицы как раскрытую книгу. «Культминимум для жителей и гостей культурной столицы» Владимира Фортунатова (издательство «Питер») – самая нужная в этом деле книга. Чтобы успешно пройти тест на звание культурного петербуржца, явно недостаточно будет одной книги, хоть и написанной титулованным историком и автором двух десятков книг по истории России. Лозунг «Культминимума» – «Совсем неплохо подняться в культурном отношении хотя бы до Адмиралтейской иглы!» Но сколько для этого нужно читать и задавать вопросов умным людям! Хотя нескольких часов для ознакомления с главными шедеврами и памятниками города на Неве будет достаточно.

СКВОЗЬ ЭТАЖИ И ВРЕМЯ

Издательство «Манн, Иванов и Фербер» и британский иллюстратор Стив Нун приглашают в другое путешествие – сквозь время. Но это будет не просто поездка в закрытой капсуле, выйдя из которой увидишь динозавров, а потом – сразу недостроенную ещё Эйфелеву башню. Что наиболее ёмко характеризует эпоху? Не научные открытия, речь и так далее. Эпоху отражает жилище человека. Архитектура – одно из древнейших занятий, которое из сферы чисто утилитарной возвысилось до чистого искусства, чтобы сегодня обычное с фасада здание стало средоточием всех достижений человеческой цивилизации. Полный путь эволюции жилища и среды обитания человека представлен в двух превосходных книгах – «Улица сквозь время» и «Город сквозь время». Рассматривать панорамы древнегреческой колонии, древнеримского и средневекового городов, промышленного порта XIX века и современного мегаполиса можно бесконечно. Здесь сотни деталей, и у каждого человека на рисунках – своя чёткая роль: они не просто так появились на рисунке, а заняты конкретным делом, исполняют свою роль. Это – города разных эпох. А если совершить ещё более удивительное путешествие – по улице европейского города, но гулять по ней 12 000 лет? От каменного века и первых поселений пещерных людей сквозь эпохи – до современного города, где можно купить чипсов и встретиться с друзьями в кафе. Не знаю, как дети, но папы на этих книгах могут зависнуть очень надолго. Это самое настоящее реалити-шоу, совмещённое с поездкой туда и обратно во времени.

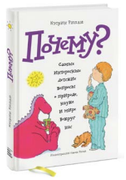
ОБО ВСЁМ НА СВЕТЕ. И О СЛОНАХ

«Манн, Иванов и Фербер» создали себе реноме очень серьёзных и умных издателей разнообразной деловой литературы. И можно даже не догадываться, что им есть чем порадовать и детей – как минимум несколько новинок в жанре развивающей и образовательной литературы достойны пристального внимания.

«Как всё устроено. Иллюстрированная энциклопедия устройств и механизмов» Дэвида Маколи и Нила Ардли – настоящее сокровище для детей того возраста, когда хочется знать, из чего сделано и как работает всё на свете, а у родителей – ипотека, машину надо чинить и шоу «Голос» по телевизору. Эта книга – священные скрижали полных знаний о мире. С её помощью можно достичь практически вселенского могущества. От рычага и плуга до самых хитрых механических и электронных устройств – принцип действия разложен по полочкам, а клёвый мамонт демонстрирует, как это работает. Такая книжка – лучший новогодний подарок для всех детей от шести до 85 лет. В мире куплено уже больше миллиона экземпляров этой энциклопедии. Чтобы совсем не осталось никаких «почему», в довесок к книжке со слоном нужна ещё одна – «Почему? Самые интересные детские вопросы

о природе, науке и мире вокруг нас» Кэтрин Рипли и Скота Ричи.

Почему лцюди зевают? Почему солнце светит? Почему глаза у кошки светятся? Почему нужно спать? Почему темно? Почему... Стоп-стоп-стоп. Сейчас во всём разберёмся: открываем книжку и читаем вместе. А разъясняющие рисунки не оставят «почему» никаких шансов вернуться.

Из ответов на «почему» можно игру устроить. В издательстве «Азбука» есть хорошая книжка для любопытных детей «Скажите мне, это правда?». Ответы на 200 вопросов по четырём темам: животные, фокусы и хитрости, тело человека, наука. Это книжка-игра, оформленная в виде папки с клапаном на резинке, а внутри – простые ответы на сложные вопросы, а яркие рисунки можно сделать ещё ярче с помощью наклеек на последних страницах. Кстати, там же и небольшой проверочный тест по пройденному материалу. Ну-ка, сколько в день съедает и выпивает слон? Пока думаете, мы скажем, что в этой серии есть ещё книги: «Скажи мне, как?» и «Скажи мне, почему?». Примерно то же самое, но ещё более наглядно, в другой «азбучной» серии – «Инфографика»: «Что внутри?», «Мой большой мир», «Тело человека», «Царство животных».

КАРТИНЫ МИРА

Рассказывать о новинках образовательной и развивающей литературы для детей и их родителей можно два номера журнала подряд. Чем глубже погружаешься в эти книги, тем больше невероятных открытий. Это – целый океан названий, тем, иллюстраций, форм подачи.

Поговорим об искусстве. Но сначала проведём простой эксперимент: что можно нарисовать пальцем? В помощники возьмём книгу Марион Дешар «Рисуем пальчиками». Она – известная личность, работала с Джейми Оливером, в мире гонок Формулы –1 и со многими известными мировыми брендами. Но для неё творчество когда-то начиналось с самого простого. Хотя бы с рисования пальцами. Когда-то известный художник Кандинский сказал: «Всё начинается с точки!» И точку эту можно поставить пальцем – на песке, на стекле, даже на стене, если обмакнуть руку в краску. А дальше можно рисовать всё на свете – птиц, оленей, дома, снежинки, даже радость и сны. Столько способов рисовать пальцами, как в книжке Марион Дешар, нигде больше не найдёте.

Волшебная новинка в серии «МИФ. Дети» – «Картины. Моя большая выставка». Это даже не книга, а коробка с маленькой картинной галереей внутри. 48 художников разных эпох и самых известных их картин, информация о главных направлениях в живописи. Да ещё и 54 игровые карточки. Что со всем этим делать? Сначала прочитать книгу (она для семейного досуга, всем будет интересна), внимательно изучить каждую репродукцию, прочитать о замысле художника, обсудить прочитанное и увиденное, а затем – доставать

карточки и соревноваться, кто стал бо́льшим знатоком в живописи.

А почему же «моя большая выставка»? Потому что только от читателя зависит, какие картины останутся в его личной картинной галерее.

«Рисуй каждый день. Один год с художником-иллюстратором» Натали Ратковски. Натали – иллюстратор, дизайнер, автор книг. Училась в Таганрогском радиотехническом университете, хотя всегда её тянуло рисовать. В 21 год она с родителями переехала в Германию, где и реализовала свою мечту, окончив институт прикладных наук и искусств в Дортмунде. Сначала она доказала, что призвание всегда найдёт дорогу к тому, кто хочет проявить себя. В книге «Рисуй каждый день» она пошла ещё дальше, доказав, что для настоящего художника, который любить рисовать и жить без этого не может, нет неудачных дней и дней вдохновения. Рисовать – это как работать в постоянном вдохновении, которое ты создаёшь сам. В окружающем мире всё может стать музой для художника. Как и что рисовать? Как найти себя начинающему иллюстратору? Как работу из обязанности превратить в нескончаемый яркий процесс? Спросите у Натали Ратковски.

Мы же готовы спрашивать ещё очень долго у всех издательств, что у них есть интересного и познавательного. И поэтому никогда не завершим обзор. Потому что нельзя объять необъятное! Или можно? Это вопрос уже из категории философских. В издательстве «Питер» как раз вышла книга, которая говорит: «Можно». Можно в рисунках, сделанных, как курица лапой рисовала, изложить всю философию Аристотеля, Платона, а то и сразу – Канта, Гегеля и иже с ними. «Неформальная философия в картинках» Супергатари (на самом деле под этим именем скрывается художник Миша Гертельман) – тот случай, когда автор явно знает что-то сугубо своё личное о живописи, но отлично разбирается в самых мудрёных философских концепциях. Все достижения мировой мысли можно пролистать за вечер. И теперь даже ребёнку легко объяснить, чем знаменит Кьеркегор, и кто это вообще такой. А кто такой Гертельман? «Работаю программистом в Токио. Никогда ничего не пишу, кроме единственного случая, когда на работе было нечего делать». Вот такой человек. И его Супергатари всегда там, где нужен: помогает писателям, философам, простым людям.

Книг было в этот раз много. Каждая достойна прочтения и целого сочинения. Если вы не согласны с автором и хотите выразить своё мнение в принципиально ином ключе, вооружайтесь (так, на всякий случай) «Моим первым словарём русского языка: говорим правильно» Ирины Резниченко и пособием «Русский язык. Пишем без ошибок» Сергея Матвеева. Потому что русский язык можно изучать всю жизнь, и всегда останется ещё что-то, о чём ещё надо будет узнать.

Стал умнее за два дня Александр Правилов

ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН: территория, пригодная для жизни

Продолжая тематические обзоры литературы, мотивирующей человека к творчеству, бросим быстрый, но проникнутый глубоким уважением взгляд на книги… нет, не так – на арт-объекты, отображающие картину мира автора в словах и образах. Графические романы. Ступенька между восприятием мира по-детски образно и зримо и высокой литературой, скрывающей чёткий смысл за стеной слов.

Российский книжный рынок делал несколько попыток увлечь читателей романами без слов, но вначале пришлось пройти путём заблуждений и ошибок. Для молодёжи такие книги были дороги и не во всём по возрасту (рейтинг 18+ для графического романа не редкость), для взрослых читателей такой формат непонятен: они росли на увесистых книжных кирпичах, где даже на обложках порой не было иллюстраций. Да и несерьёзно как-то: листать книжку с картинками. Но вода камень точит, к тому же киноиндустрия помогла. «Город грехов» Роберта Родригеса и Квентина Тарантино переоткрыли россиянам не просто эстетику нуара, но подготовили к восприятию малознакомого нам творческого пространства, в котором творят гении, – visual novel. И сегодня понемногу линейка графических романов растёт по числу наименований, все главные издательства страны пробуют силы в этом всё равно ещё новом жанре. И пока лишь петербургская «Амфора» может сказать о себе: мы первыми довели многосерийный (язык не поворачивается сказать: «многотомный») графический роман до финала. Sin City Фрэнка Миллера издательство, называющее себя трендсеттером российской книжной индустрии, выпускало девять долгих лет. Но результат того стоил: сегодня рынок графического романа развивается, формируя новое творческое пространство, в котором изображения порой значат больше слов. Об освоении новой территории мы поговорили с арт-директором торгово-издательского дома «Амфора» Вадимом Назаровым.

ИЗ ПЕНЫ, ТРЭША И КИТЧА

– Среди российских издательств, которые брались за серьёзные графические романы, «Амфора» пока в одиночестве среди тех, кто начинал многотомные серии и выдержал испытание стилем до конца. Несколько лет длилась эпопея, теперь всё позади. Зачем и почему именно эстетский донельзя Фрэнк Миллер, чьи произведения рассчитаны на весьма взрослую аудиторию и решены в стилистике, далёкой от той, в которой творят авторы серий о супергероях, вроде Бэтмена или Супермена?

– Момент, когда из пены, трэша и китча вдруг рождается новое искусство, это миг удачи. Представьте, что вы живёте в старом и никому не нужном доме, но однажды утром на его стене обнаруживается граффити работы Бэнкси. И ваша жизнь меняется. За нашим решением издавать книги Фрэнка Миллера (с 2005 года. – **Прим. ред.**) и Алана Мура (с 2007 года. – **Прим. ред.**) не было маркетингового расчёта. Это был чистый эксперимент. Попытка освоить новую территорию. Оказалось, что эта территория пригодна для жизни…

– Насколько рисковым был проект? Дело даже не в востребованности данной серии читателями, а в их готовности принимать подобный продукт. Как его приняли?

– Я буквально на коленях уговорил наших дистрибьюторов взять по тысяче экземпляров первого «Города грехов» и «V значит вендетта» (роман Алана Мура. – **Прим. ред.**). В успех проекта из профессионалов не верил никто. Пришлось пойти на грубое нарушение контракта и поставить на обложку книги Миллера постер с Микки Рурком (накануне выхода второго фильма «Город грехов» спецверсию второго тома украсил кинопостер с Евой Грин. – **Прим. ред.**). Именно по этой причине второго тома читателям пришлось ждать три года. Столько длится гнев Фрэнка.

– Так как серия длилась – от первого к седьмому томам – несколько лет, то можно говорить о некой эволюции серии «Город грехов» в интерпретации «Амфоры». В чём отличия первых томов от финальных? И что изменяли, может быть, упрощали для российской локализации издания?

– Когда вышел первый «Город грехов», ещё не было никакой «русской традиции», правил локализации – ничего не было. Даже выражение «графический роман» ещё не вошло в наш быт, и книжки с картинками все называли комиксами. Кстати, как раз с этого мы и начали. В офисе «Амфоры» и в конторах наших партнёров было запрещено слово «комикс». Это не «Утиные истории», это серьёзная литература – внушали мы всем незатейливую мысль. И называется эта история – графический роман.

Мне казалось достаточно диким вмешиваться в картинки Миллера, особенно после того, как мы получили от него по *башке* за обложку. И первые издания наших книг выходили с английскими «звуками». Все шрифтовые элементы романов, кроме реплик, шли на языке оригинала. Впоследствии, под ехидные смешки фанатов, мы перерисовали эти элементы русскими буквами.

– Не собираетесь пойти по стопам «Азбуки-Аттикус», которые недавно порадовали любителей взрослых историй в картинках «самым полным в мире» изданием «Хранителей»? Нет идеи переиздать чуть позже весь «Город грехов» как-то по-особенному, с родригесовским размахом?

– Мне не нравится «азбучное» издание «Хранителей», особенно ценой. Все эти истории про «полные версии», «пропущенные эпизоды», «дополнительные материалы» – это просто повод выйти на четырёхзначную цену. Наша версия «Хранителей» (2009 год. – **Прим. ред.**) была в два, а то даже в три раза дешевле, при этом неплохо заработали. Что касается переиздания «Города грехов», то пока планируется только полный комплект в коробке. Академического Миллера мы не готовим.

– Как издательство оценивает свой опыт погружения в мрачные краски графического романа? Какие впечатления остались от всего проекта в целом? И будет ли продолжение – Миллера ли, самой темы графического романа?

– Сейчас мы решаем массу технических вопросов, связанных с изданием романа Фрэнка Миллера «300». При всём нашем стремлении к оптимизации процессов избежать ручного труда тут не удастся. Очень сложный формат у книги.

Завершены переговоры по «Лиге выдающихся джентльменов». Не думаю, что этот проект повторит успех семитомной миллеровской саги, но мы не к этому, в данном случае, стремимся, а снова идём на эксперимент.

Что касается впечатлений от путешествия по миллеровскому аду, то он ничуть не страшней, чем тот, который каждый день показывает программа «Время».

– Хочется в финале от темы комиксов для взрослых уйти и поговорить о неуловимом, но очень важном факторе восприятия книги, то есть об обложке… Прожжённые книголюбы определяют дружелюбность издательства к читателям по внешнему виду томов. Внешние тактильные и визуальные ощущения порой не менее важны, чем качество перевода, бумаги, самого текста. Какого подхода придерживается «Амфора» в художественном оформлении издаваемых книг? Есть ли какие-то эстетические принципы? Как стараетесь отображать обложкой внутреннюю суть и содержание книги?

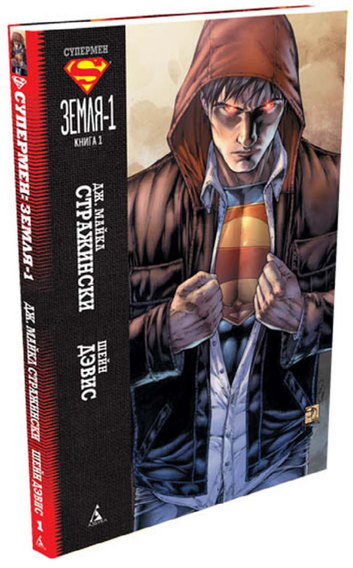
– Наши обложки не иллюстративны. Я хочу сказать, что мы не стремимся к тому, чтобы изобразить героя или событие, описанное в тексте. Мы публикуем графические метафоры, тиражируем привлекательные или отталкивающие образы, которые соответствуют скорее духу, чем букве книги. И это иногда заводит нас очень далеко. Так герб некой самопровозглашённой республики практически один в один повторяет нашу обложку к одному из романов Проханова, издание которого сегодня мне кажется большой ошибкой.

КНИГИ МАГИИ

Помимо «Амфоры» большие планы на графические романы у издательской группы «Азбука-Аттикус». Хороший старт проекту «Графические романы» в 2013 году дали эталонно выполненные (проверено на суровых критиках) издания, открывающие неизвестные стороны жизни супергероев – Бэтмена и Супермена.

СУПЕРМЕН

«Супермен: Земля – 1» Дж. Майкла Стражински. Дж. – это Джозеф, и этот Джозеф – автор сценария фильма «Подмена» (режиссура Клинта Иствуда, в главной роли снялась Анджелина Джоли), также входил в команду сценаристов первого «Тора». Главное достижение Стражински – сериал «Вавилон 5». Его Супермен из вселенной «Земля – 1» не совсем классический образ героя с Криптона. Чтобы понять, как это так может быть, достаточно погуглить, что такое – «мультивселенная» DC Comics, и почему разные авторы могут переписывать «резюме» главных героев. В версии Стражински иначе представлено детство и юные годы Супермена: Кларк Кент так и не нашёл друзей в Смолвиле, вырос он одиночкой и никогда не ухаживал за Ланой Лэнг. Дальше – больше. Он приезжает в Метрополис. И впадает в скуку! Коктейль из одиночества и надежды – такую характеристику дали графической новелле Стражински в Интернете. Неужели это «петербургская story» о персонаже, страдающем от сплина? Всё меняется, когда Землю атакует флот пришельцев с планеты Дэрон, виновных в гибели родного мира Супермена. Дальше начинается экшен, за визуализацию которого ответственен Шейн Блэк. «Супермен: Земля – 1» нельзя назвать лучшей работой автора, который на протяжении шести лет придумывал сюжеты для вселенной The Amazing Spider-Man. Но проект достоин внимания. «Азбука» провела большую работу, выпустив практически безупречное локализованное издание романа. В 2013 году тиражом 4 000 экземпляров был напечатан первый том, в этом году вышла вторая книга, уже в количестве 5 000 экземпляров. На зиму 2015 года запланирован выход третьего тома.

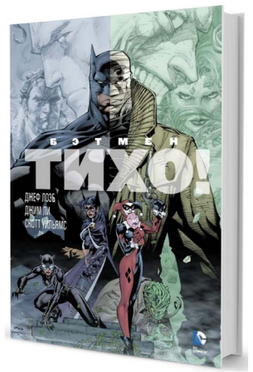

В следующем году следует ждать и «Супермен. Все звёзды» Гранта Моррисона и «Супермен. Красный сын» Марка Миллара. Миллар решил представить, что было бы, вырасти Супермен в Советском Союзе: полный совок клюквы гарантирован.

БЕТМЕН

Настоящим праздником для глаз стал роман Джефа Лоэба «Бэтмен: Тихо!», или Batman: Hush. Специалист по самым разным супергероям – от Женщины-кошки до Халка – в своём сюжете представляет одну из многочисленных арок во вселенной Бэтмена. В истории Лоэба Бэтмен сталкивается с загадочным преследователем Хашем. «Бэтмен: Тихо!» находится в первой десятке среди графических романов о Бэтмене, коих создано было с 1939 года великое множество. Карандаш Джима Ли, чернила Скотта Уильямса и краски Алекса Синклера в прямом смысле слова делают историю о Хаше, Бэтмене, Женщине-кошке (кстати, здесь появляется и Супермен) незабываемой. Графика потрясающая! Это и 60 страниц подробнейших комментариев делают изданный в 2013 году «Азбукой» том одинаково прекрасным подарком и для фанатов бёртоновского Бэтмена, и для верных нолановцев. Ещё одна страница из жизни Брюса Уэйна – «Бэтмен: Аркхэм. Дом скорби на скорбной земле» – предлагает иной вариант погружения в атмосферу графического романа. Ключевым здесь является слово «роман». Грант Моррисон говорит с читателем о душе, а Дейв МакКин рисует безумие – тёмные серо-жёлто-бурые цветовые пятна, алые слова –как шрамы, зелёные искры эмоций – как свидетельство того, что все в этой книге безнадёжно больны. И чтобы читатель не оказался после таких рисунков в комнате с мягкими стенами, графика заканчивается очень быстро и начинается роман. Большую часть тома занимает подробный сценарий комикса с детальными заметками автора сюжета, которые он делал специально для художника. Так что погружение в творчество получается полным. А ведь есть ещё и раздел комментариев, после изучения которых ни у кого уже не повернётся язык путать комиксы с серьёзными графическими работами. Этот графический роман строго рекомендуется к прочтению всем поклонникам трилогии Кристофера Нолана. И он в буквальном смысле на пальцах разъясняет теорию и практику творчества. И чистого безумия.

НИЛ ГЕЙМАН

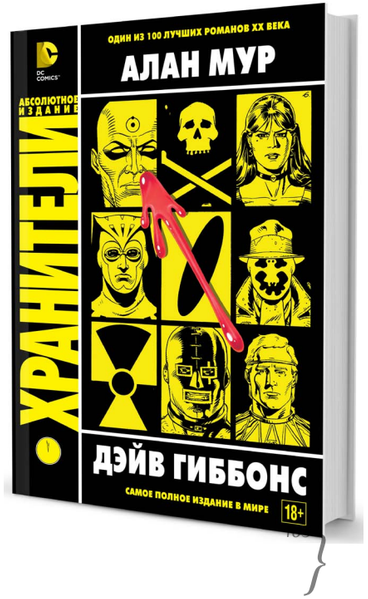

Особняком от всех графических романов предпочитают окапываться книги Нила Геймана.

В 2014 году «Азбука» сделала прекрасный подарок всем поклонникам этого автора, коих с каждым годом становится всё больше, потому что в России наконец-то стали издавать Геймана не разово, а целенаправленно. «Смерть. Цена жизни. Время жизни» – не отдельный графический роман, даже не два романа под одной обложкой (это так лишь отчасти), а самая полная антология Смерти – одной из героинь вселенной графических романов Геймана. В настоящее издание вошло всё, что когда-либо посвящалось этой героине, включая множество дополнительных материалов и уникальные живописные полотна. Девять иллюстраторов и обложка всё того же Дейва МакКина делают данное издание настоящим визуальным пиршеством. Смерть никогда не была такой живой.

А скоро будет ещё лучше: «Азбука» планирует выпустить геймановские The Books of Magic и первые шесть томов десятитомной серии The Sandman. «Книги магии» выходили в 1990-1991 годах (en.wikipedia.org/wiki/The_Books_of_Magic), а потом серия была продолжена другими авторами, но каноничны первые четыре выпуска. Что касается «Песочного человека», то это не первая попытка выпустить полностью все 75 выпусков серии, собранные в формате десятитомника. Даже «Азбука» пока не решается на такой подвиг. Кстати, сначала выйдет четвёртый том серии – затем тома пойдут в обычном порядке. Просто это ведь Гейман: к нему с обычными лекалами нельзя подходить. И называть его графические работы комиксами – недостойно воспитанного человека. «Песочный человек» стал единственным графическим романом, удостоенным премии World Fantasy Award («Оскар» в области книжной фантастики). Надежда, что «Сэндмена» когда-нибудь издадут полностью, не умирает. Как не исчезает пока запал у издателей. Кстати, та же «Азбука» недавно порадовала новой лицензией: приобретены права на выпуск двух книг Чарльза Де Линта с иллюстрациями Чарльза Весса. Это он оформил лучшее издание «Звёздной пыли» Нила Геймана, и он же работал над «Сном в летнюю ночь», тем самым выпуском The Sandman, который сделал всей серии имя и славу. The Cats of Tanglewood Forest и Seven Wild Sisters – формально относятся к подростковому фэнтези, но иллюстрации Весса добавляют 100500 баллов к любому сюжету. Какие там коты! А котиков любят все.

АЛАН МУР

Главная на сегодняшний день победа «Азбуки» – «самое полное в мире» издание культового графического романа «Хранители» Алана Мура и Дэйва Гиббонса. 528 страниц, 10 000 экземпляров, ни одного из которых уже давно не осталось на складах издательства – все разошлись! В 2009 году «Амфора» уже выпускала роман, но в том издании было «всего» 418 страниц. Правда, и стоило то издание куда меньше, чем «азбучное». Но зато такого не было пока ни у кого. Те счастливчики, что держали в руках том, никогда не смогут принять мир, где графические романы стоят на полках рядом с многотиражными комиксами в мягких обложках. В представлении «Хранители» не нуждаются, но стоит намекнуть,

что «Азбука» ещё одно прежнее достижение «Амфоры» собралась перевыпустить и улучшить по всем показателям. Готовится к выходу новая версия «V значит вендетта» Алана Мура и Дэвида Ллойда. В 2007 году «Амфора» выпустила тиражом 5 000 экземпляров 300-страничный том, в котором, помимо графического романа, были размещены статья и рассказы Алана Мура. Посмотрим, чем удивит «Азбука», уже доказавшая, что лучшие издания графических романов в стране они делать научились.

«ВКонтакте» есть специальная группа «графических» проектов издательства (vk.com/azbooka_graphic_novels), но даже там пока нет подробной информации обо всех грядущих проектах.

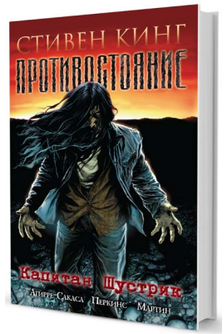
КИНГ И MARVEL

«АСТ» тоже есть чем ответить: издательская группа, которая уже много лет выпускает – в разных сериях и с разным оформлением – самое полное собрание живого американского классика «нового американского романа» Стивена Кинга, добралась и до графических воплощений двух, пожалуй, наиболее масштабных и эпичных произведений автора – романа «Противостояние» (The Stand) и цикла «Тёмная башня» (The Dark Tower).

В 1978 году, сразу после выхода, роман «Противостояние» собрал впечатляющую коллекцию наград. В 1990 году Кинг слегка подправил текст, сместив действие романа на десятилетие. А в 2008 году, объединившись с Marvel Comics, писатель дал добро на старт серии графических романов по самой полной версии The Stand. За неполные четыре года автор сюжета Роберто Агирре-Сакаса и художники Майк Перкинс и Лаура Мартин создали 31 выпуск, объединённый в шесть отдельных арок. «АСТ» пока выпустила два тома – «Капитан Шустрик» и «Ночные кошмары Америки». На глянцевых страницах издания большого формата картины заката человеческой цивилизации, которые много лет назад с таким задором набрасывал широкими мазками Стивен Кинг, выглядят достаточно кошмарно, чтобы хотелось читать и дальше. Ведь больше котиков люди любят пугаться, особенно находясь при этом в комфорте и тепле.

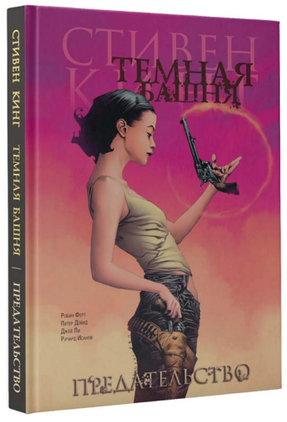
Куда более изысканное «блюдо» предлагает графическая версия главного романа Кинга, многотомного эпоса «Тёмная башня» (из мира Стрелка Кинг так и не смог уйти совсем, чему свидетельство достаточно новая книга «Ветер сквозь замочную скважину»). Графический роман о Роланде Дискейне и его путешествии к Тёмной Башне Стивен Кинг совместно с «марвеловцами» решил запустить сразу после выхода седьмого, финального, тома саги. Питер Дэвид взялся перечитать все тома романа и изложить историю Стрелка в хронологическом порядке, а не так, как она изложена у Кинга. Джей Ли и Ричард Исанов добавили красок в эту версию сюжета. Их графика отчего-то наводит на мысль о мрачных творениях мастеров французских band dessinee и о технонуаре, а персонажей с такими

лицами ожидаешь встретить в парижских кабаре или перуанских джунглях. Пока в «АСТ» вышли лишь первые три части – «Рождение стрелка», «Долгая дорога домой» и «Предательство», так что по хронологии романов повествование ещё даже толком не дошло до первого тома романа. Зато наконец вся жизнь Роланда Дискейна – как на ладони. С 2007 года вышло уже 10 томов серии, на подходе – одиннадцатый. И это ещё не финал, так что долгое время единственным подвигом по выпуску многотомных серий будет «Город грехов» в версии «Амфоры».

Кстати, «АСТ» на этом не успокаивается: на волне популярности «Игры престолов» осенью увидела свет первая книга графической версии саги Джорджа Р. Р. Мартина. «Песнь льда и огня» переложили на язык рисунка писатель Дэниел Абрахам и художник Томми Паттерсон. У нас пока первый том, а оригинальная серия уже насчитывает 21 выпуск.

О МЫШАХ И ЛЮДЯХ

В «АСТ» есть свои герои. Это издательство Corpus, тоже решившее взять пробу грунта с богатых почв графического романа. И выбран был роман романов – «Маус» Арта Шпигельмана.

Американец Шпигельман за «Мауса» получил Пулитцеровскую премию. Его родители были узниками Освенцима, но им удалось вырваться из европейского ада, и они осели в США. А их сын, уже настоящий американец, в период с 1972 по 1991 год публиковал графический роман о жизни своего отца, Владека Шпигельмана, польского еврея, пережившего холокост.

История по-настоящему страшная, но и завораживающая. И в ней нет людей. Евреи в «Маусе», как нетрудно догадаться, представлены в образе мышей, немцы – это кошки, американцы – собаки, поляки – свиньи, а французы – лягушки. Политкорректностью и не пахнет, но и история пахнет газовыми печами…

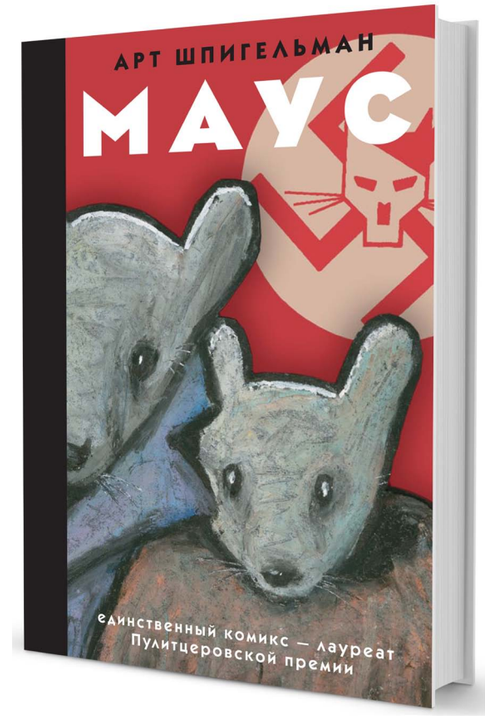
Издательство Corpus – в полном восторге от проекта. Здесь следует понять правильно: они не радуются тому, что был Холокост, но по реакции читателей поняли, что наша страна готова к таким проектам. Первые 2 000 экземпляров тиража, вышедшего в ноябре прошлого года, ушли под ноль. В этом году было допечатано 5 000 экземпляров. Настоящее чудо для такой непростой истории, рассказанной в виде «несерьёзных комиксов».

Но что такое рисованная история, если рассказчик – настоящий мастер? Делает ли это историю хуже? Её восприятие – поверхностным? Мы согласны с тем, что думает по этому поводу редактор проекта Вера Пророкова из издательства Corpus: *«Как и литература, комикс – это, прежде всего, история. Для комикса не так важно, нарисован ли он предельно абстрактно или реалистично, или кто в главной роли – Железный Человек или чей-то отец. Важно то, как посредством выбранных средств автор рассказывает историю. Арт Шпигельман – один из лучших рассказчиков современности, за это мы выбрали "Маус" и готовы браться за любую книгу такого уровня.*

В прикладном смысле – да, были некоторые задачи, с решением которых мы раньше не сталкивались. Например, Шпигельман настаивает, чтобы все тексты были вписаны вручную, никакого набора. Мало того, он просит, чтобы по возможности имитировали его почерк. С этим на наш взгляд блестяще справился Захар Ящин».

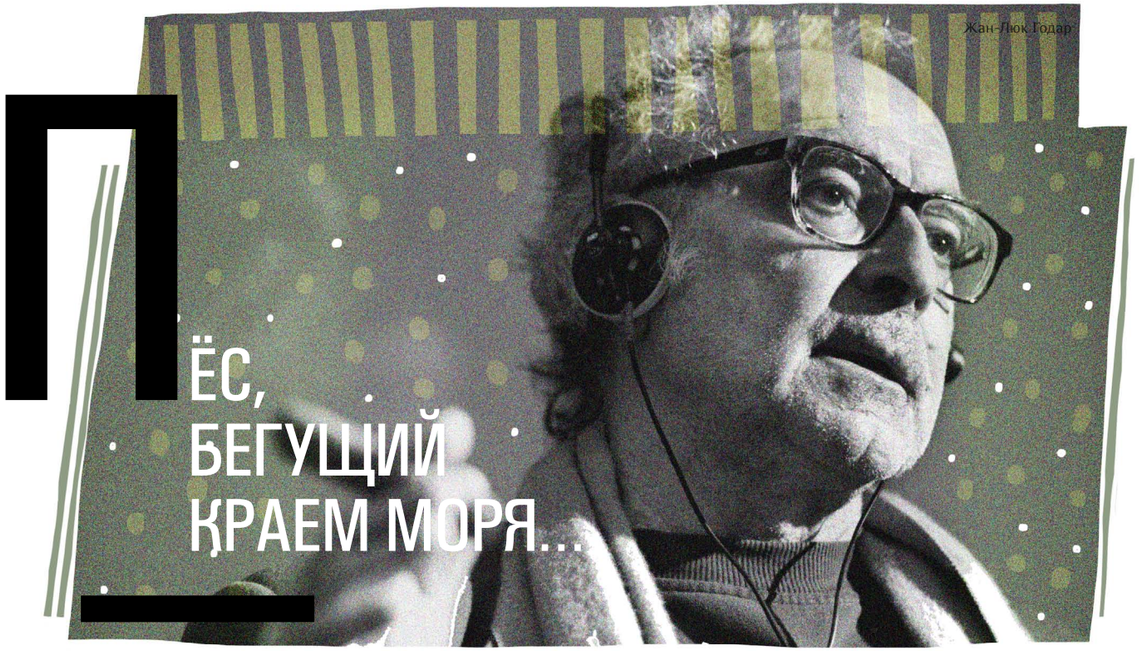
Настоящий ручной труд – он ценился во все времена. И хорошая история ценится особо, вне зависимости от того, как она изложена – на словах или в картинках. Настоящее творчество одинаково сильно звучит на любых языках и одинаково оставляет глубокий след в душе вне зависимости от того, в какой форме оно предстало на суд зрителя (читателя).

Говорил, слушал и рисовал карты Александр Правилов

Жан-Люк Годар

Жан-Люк Годар

ПЁС, БЕГУЩИЙ КРАЕМ МОРЯ...

Жан-Люк Годар, классик французского кино, критик Les Cahiers du cinema, зачинатель «новой волны», новатор и мятежник, различающий кино и кинематограф, проникающий профессиональным взглядом сквозь наст человеческого цинизма и себялюбия. Его фильмы очень неудобные, потому что над ними надо думать, надо выстраивать логическую цепочку от начала до конца, иногда – наоборот, от финала к началу. В его фильмах нет привычной структуры сюжета, потому что кино не театр. В кино своя драматургия. Кино это – и театр, и музей, и литература...

Годар не любит сервировку и трактовки. «Приходите и смотрите». Он не любит сценарии, зато любит интервьюировать актёров прямо на съёмочной площадке. В его жизни и рабочем кабинете – хирургический порядок: скальпель – слева, нитки – справа, чётко посередине – монтажная установка, – обрезать края надо аккуратно, швы – по-авторски красивые, ни с какими другими не спутаешь. Годар суров к бесталанности, «это преступление, мы ведь не идём в балет, если не умеем танцевать, но почему-то считается, что снимать фильмы могут все, был бы мобильный телефон под рукой...» Его гнев понять можно. Он слишком много вложил труда в каждый свой трактат, почти столько же, сколько Толкиен – во «Властелина колец», а Булгаков – в «Мастера и Маргариту». Речь не о сроках – о человеческой энергии, недостаток которой нас старит, а переизбыток молодит.

Новый фильм Годара, «Прощай, речь 3D», это – грустная и лирическая элегия. И не так уж она сложна для восприятия, как пишут критики. Есть ощущение, что Мастер прощается не только с Речью, но и со зрителем. Он снимал его два года. В главной роли – переводчика с мужского на женский и наоборот – пёс. Собака самого режиссёра. Бессловесное существо, помогающее двум людям, одарённым способностью говорить, но лишённым таланта понимать, найти дорогу друг к другу. Три премии Каннского фестиваля, одна из которых – совершенно оригинальная – Премия пальмовой собаки. Но премии – это так, поклон тщеславию. Таких, как Годар, этим не подкупишь. Он каждый раз идёт к своему зрителю как по битому стеклу: осторожно, но отважно. И путь этот порождает благодарность, как и всё, что было им сотворено за годы его бытия в кинематографе. Его правда: кинематограф затухает, ему на смену приходит кино. Одна волна сменяет другую, пляж покрывается мелкими ракушками, водорослями, смывая следы тех, кто прошёл здесь мгновение назад. Мгновение длиной в полвека...

JEAN-LUC GODARD. РЕЧЬ НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ

Мы почему-то всё время хотим удивляться – не думать, плакать, вспоминать, анализировать, а есть поп-корн, хохотать.

НАУЧИСЬ СНИМАТЬ САМ

Я пришёл в кинематограф как критик Cahiers du cinema («Кинематографические тетради» – французский журнал о кино. – **Прим. ред.**), где довольно долго препарировал то, что делали другие. И занимался этим, пока не осознал истину: прежде чем ругать фильмы других, научись снимать сам. В наше время было совершенно особое отношение к фильмам, почти религиозное, может, потому, что кинематограф был относительно молодым, а может, мы себя ощущали мудрецами. Но сегодня я констатирую: в свои годы я снимаю молодое кино, потому что выбрал правильную точку съёмки, то есть, взгляда на происходящее. Мне многое не нравится в современном обществе, многое утрачено навсегда, некоторые вещи погибают прямо на наших глазах – и с этим ничего нельзя сделать. На пресс-конференции приходят странные люди и задают ещё более странные вопросы, и ты чувствуешь себя неудобно – вроде надо ответить, но что? Поэтому я нашёл выход: на некоторые вопросы ответов нет. Пусть лучше так, чем давать ответ, который всех поставит в глупое положение – и тебя в первую очередь.

МЫ НЕ УМЕЕМ ГОВОРИТЬ

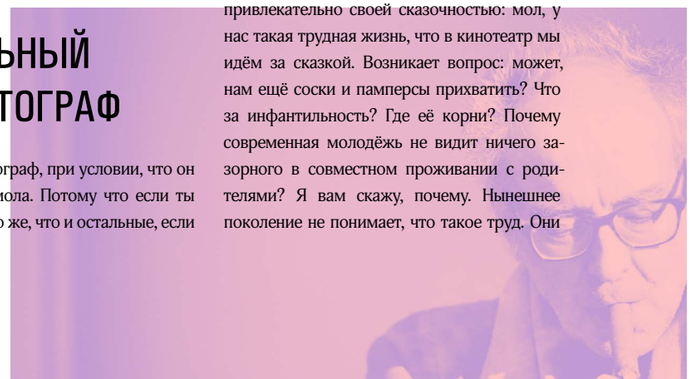
Сегодня мы очень небрежно обращаемся со словами. Много говорим, но речь наша не имеет рисунка, драматургии, подтекста. Мы не умеем строить долгие, плавные предложения, предпочитая словосочетания. Про знаки препинания я вообще не говорю. Люди разучились читать серьёзную литературу, и пришла беда – духовная неграмотность. Духовная и душевная. Мы не привыкли к долгому пути, нам нужна развязка непременно за поворотом, за ближайшим поворотом, на большее мы не согласны. А раньше, снимая фильмы, мы проводили целые раскопки, шли в библиотеки и сидели там дни напролёт, ехали в заповедник, чтобы наблюдать за полётом ястреба и использовать это в фильме.

КРАМОЛЬНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

Поймите, кинематограф, при условии, что он хороший, это крамола. Потому что если ты будешь говорить то же, что и остальные, если твой голос будет в составе хора, то кому ты вообще нужен, и кто будет смотреть то, что ты сотворил! Только бунтуя, ты имеешь возможность быть услышанным. Но сегодняшнее кино мне напоминает дешёвые трюки заезжего иллюзиониста, который приехал в некий крошечный городок и решил всех удивить. Мы почему-то всё время хотим удивляться – не думать, плакать, вспоминать, анализировать, а есть поп-корн, хохотать и удивляться тому, как мёртвые машины создают имитацию жизни на экране. Вы когда-нибудь видели в жизни людей с голубой кожей? Не видели, и дай бог не увидите. Так зачем морочить людям голову?

СОСКИ И ПАМПЕРСЫ

Я прочитал где-то недавно (человек, написавший это, был вполне себе умным), что кино привлекательно своей сказочностью: мол, у нас такая трудная жизнь, что в кинотеатр мы идём за сказкой. Возникает вопрос: может, нам ещё соски и памперсы прихватить? Что за инфантильность? Где её корни? Почему современная молодёжь не видит ничего зазорного в совместном проживании с родителями? Я вам скажу, почему. Нынешнее поколение не понимает, что такое труд. Они хотят жить на всём готовом, они не понимают, что жизнь отдельно от папы и мамы чревата бытовыми трудностями, что, когда ты живёшь вне родительского дома, у тебя вырабатывается стойкость и характер, ты на мир начинаешь смотреть иначе. И возникает вопрос: какое кино будет снимать это поколение, которому всю эту демоническую технику купили родители?

ГУСИ И ГАДЖЕТЫ

Кто сказал, что я не люблю технические новшества? Это не так. Если они помогают тебе высказаться на полную мощь, сделать это в той тональности, которая тебе нужна, почему бы нет? Но есть эти современные (как они называются?) гаджеты, они делают нас ленивыми. Все машины, в чью задачу входит облегчить нам жизнь, вредны, а те, что расширяют наш кругозор и дарят нам больше возможностей, – да будет так! Люди удивляются, – те, кто меня не знают, – «мсье Годар, вы действительно печатаете на машинке свои тексты?» А почему их это удивляет? Можно подумать, что писать дельные вещи можно только на компьютере. Пусть они подумают о том, что 99,9 % великой литературы написано гусиными перьями, шариковыми ручками и на печатной машинке.

НЕ ДРОВА НЕСЁШЬ

Когда я слышу, что «актёры – это инструмент, актёры – это средство выразительности в руках режиссёра, они подневольные люди» и так далее, я прихожу в ужас. Как можно? Вы рассуждаете об этих волшебниках, как о сковородке или папье-маше. Без актёров не будет ничего. Это режиссёр – как бы так себе, а актёры – соль. Актёров надо беречь. Почему? Представьте себе ситуацию. Вы хотите, чтобы у вас дома было тепло, и нанимаете специального человека, который будет приносить дрова в дом и топить ими печь. Немного примитивная аналогия, но близкая. Дрова – это и есть актёры, от которых зависит, будет ли вам тепло и уютно. Но если дрова сырые, как бы человек ни старался, тепла не будет. Актёры для меня почти родственники, я с ними разговариваю так, будто мы из одной семьи. Если это, конечно, мои актёры.

НЕ ПРОСТО СМОТРИТ, НО ВИДИТ

Вся наша жизнь, весь физический мир выстроен по причинно-следственной схеме. Всё имеет свои истоки, и всё имеет свои последствия. Ничто не проходит безнаказанно. Это касается абсолютно всех. Если ты сегодня плюнул в кого-то, завтра весь мир плюнет в тебя. То же самое в кино. Меня часто спрашивают: «Зачем вы снимаете кино для избранных?» Ну, если умные люди – это избранные, то тогда наш мир в беде. Мои фильмы для тех, кто не просто смотрит, но видит. Каждый кадр вытекает из предыдущего, но иногда бывает так, что в начале я загадываю загадку, в середине фильма прячу ключ, и если зритель внимательно смотрел, в финале картины он совместит ключ и дверь. А дальше всё просто.

КИНО И КИНЕМАТОГРАФ

Есть кино и кинематограф. Кинематограф – это Чаплин, Эйзенштейн, Мельес. Это течение, природа, подтекст. А то, что продаётся сегодня в кинотеатрах и в маленьких магазинчиках в виде DVD, это продукт, который создаётся для того, чтобы его потребляли. На одном фестивале мне сказали: «А сейчас у нас особая программа: мы будем смотреть фильмы, снятые посредством мобильного телефона». В этот момент я понял, что имеется в виду под термином «кино». Это одноразовый продукт, жвачка, которую мы покупаем, чтобы немного освежить дыхание, а потом выбрасываем в ближайший мусорный бак. Вы хотите снимать кино или создавать кинематограф? Определитесь, прежде чем брать в руки камеру. Нажать кнопку – дело не хитрое, но подумайте о тех, в чьё сознание вы проникаете своими «произведениями». И ещё: любой фильм нуждается в монтаже, но можно монтировать кадр с кадром, а можно – фрагменты жизни, и, мне кажется, второе интереснее. Когда я был маленьким, я очень много читал, можно сказать, читал с упоением. Особенное чувство, вобравшее в себя восхищение, защищённость, восторг, движение незримого внутри тебя. Позже с таким же чувством я смотрел некоторые фильмы. С тех пор упоение стало для меня своеобразной мерой: если оно ко мне приходит в процессе, значит, всё правильно, если нет, пора заканчивать.

Жан-Люк Годар

Любой фильм нуждается в монтаже, но можно монтировать кадр с кадром, а можно – фрагменты жизни.

МЕЖДУ ГОЛОСАМИ

Фильм состоит из звука, шума, картинки, голоса. Всё просто. Но кроме этого он состоит из всего, что между – звуками, голосами, картинками, звуком шагов. Наша цивилизация приучила нас воспринимать явное, то, что обращено к нам. Так почему вы думаете, что, если человек идёт мимо вас, вы ничем друг с другом не связаны? Это иллюзия. Или кто-то говорит: «Это меня не касается», – а кто тебе сказал, что это так? Нас касается всё. И мы касаемся всего. И когда мой ассистент кричит прохожим, попавшим в кадр: «Отойдите, вы мешаете», – я начинаю думать, что он не понимает происходящего.

ОБЛАДАТЬ ВЕРОЙ

Когда молодые режиссёры спрашивают меня: «Что нужно для того, чтобы стать хорошим режиссёром», – я отвечаю: «Желание». Они удивляются: «И только, а как же дар?» И тогда я объясняю им, что желание вмещает в себя много позиций, и дар – одна из них. Ведь что значит желать? Это значит быть собранным, целеустремлённым, открытым миру, обладать верой в то, что ты делаешь. Когда человек очень сильно чего-то желает, внутри него желаемое сбывается ещё до того, как он приступает к реализации проекта, просто он об этом не догадывается. Это вопрос времени, которое в нас течёт иначе, чем вне нас. Мы думаем, что исполнение замысла ещё в будущем, на самом деле всё сбылось в нас самих. Симпатичная уловка, правда? Если вы это осознаёте, у вас абсолютно всё будет получаться. Всегда. Обещаю.

БАНК ИСКУССТВА

Я часто думаю: как современное кино будет переходить в руки будущих поколений? Это очень важный момент. Знаете, почему меня это беспокоит? В конце 30-х Ланглуа, без которого не было бы «новой волны», хранил фильмы в ванной и лишь потом, спустя время, основал Синематеку. Вы понимаете, что это такое? Создать банк хранения произведений искусства? Только представьте себе, что на Земле есть место, куда можно поместить все живописные полотна, от которых у нас захватывает дух. Или всю музыку, весь кинематограф. Я думаю, с любым, кто туда попадёт, произойдёт то же, что с туристами, пытающимися прикоснуться к египетским пирамидам. Или к гигантской солнечной батарее. Энергия всего мирового кинематографа, – я имею в виду энергию людей, делавших эти фильмы, и зрителей, – могла бы воздействовать на всю Землю. В позитивном ключе, конечно. Поэтому я спрашиваю себя: как кинематограф будет храниться в ожидании тех, кто окажется в состоянии понять и оценить его? Мне хотелось бы, чтобы кроме аудиовизуального ряда и титров, ещё осталось то «между», про которое я говорил.

ДУХ ЭКСПРОМТА

Структура фильма – тема особая. Что бы я ни снимал, я руководствуюсь духом экспромта. Многие актёры, работавшие со мной, наверняка говорили, что у меня никогда нет сценария. На самом деле, сценарии были, просто я никогда их не показывал. Актёр думает: «Раз у него в этой бумажке всё написано, от меня требуется лишь одно – следовать ей...» Это неправильно. Поэтому я никогда не говорю актёру, что он должен сделать. Конечно, в голове у меня есть схемы и предложения относительно того или иного эпизода, но одно дело, как я это представляю, и совсем иное, как актёр будет в этом жить. Часто происходит нечто совсем неожиданное, что, например, меняет финал фильма. А во время просмотра зрители говорят: «Где у него финал? Чем всё закончилось?» Мы привыкли, что фильм начинается, развивается и заканчивается. В этом есть что-то тривиальное. Финал там, где его видит зритель, в конце концов, фильм может не заканчиваться, а прерываться. Точно так же, как наш день, когда мы ложимся спать. Мы ведь не думаем, что наша жизнь закончилась, она лишь прерывается на несколько часов, чтобы утром продолжиться.

НЕ ЗНАЮ, КТО ВЫ

На одном из кинопоказов со мной произошёл такой случай: я долго стоял среди людей из сферы кино, они окружали меня плотной толпой, а потом вдруг все резко расступились, и я оказался в зрительном зале. Тут подходит человек и говорит: «Извините, я не знаю, кто вы такой, но позвольте мне сфотографироваться с вами». И в этот момент я осознал, какую удивительную метафору открыл мне этот незнакомец. Именно так режиссёр выходит к зрителю со своими фильмами, говоря: «Извините, я не знаю, кто вы такие, но позвольте вам показать то, что я сделал...» И так повторяется много-много раз.

Только чужому человеку можно рассказать о себе всё.

Тот режиссёр счастливец, кто знает своего зрителя, чувствует его. Хотя у меня всё иначе, мне всегда трудно показывать сделанное своим знакомым, потому что с ними меня связывают личные отношения, которые напрочь лишают обе стороны объективности. Только чужому человеку можно рассказать о себе всё. В кино эффект чужака очень хорошо срабатывает. Можно одну и ту же историю рассказать по-разному, в зависимости от того, кто вас слушает.

РОДИТЬСЯ СОБОЙ

Можно ли родиться кинорежиссёром? Можно. Точно так же, как можно родиться плотником, лётчиком, пилотом, врачом, писателем. Наши родители думают, что сделали нас режиссёрами, плотниками, писателями и так далее... Это заблуждение. Нельзя сделать человека плотником, если он им уже является. В душе. Хоть и не успел ещё сколотить ни одной табуретки. Я был режиссёром уже тогда, когда в глаза не видел камеры.

Искусство мы придумали затем, чтобы создать иллюзию, что мы кому-то нужны.

ИСКУССТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

По сути, мы все очень одинокие люди. Искусство мы придумали затем, чтобы создать иллюзию, что мы кому-то нужны – возлюбленным, друзьям, коллегам, самим себе. С этой точки зрения, искусство – иллюзия, потому что, выйдя из музея или кинотеатра, мы снова становимся одинокими. Но, с другой стороны, это всё никуда не уходит. Мы все закончимся, а мальчик из Лиона в полутёмном кинотеатре на последнем ряду повторит наш путь. Он будет чувствовать почти то же, что и мы, он будет плакать и смеяться и плыть между кадрами и репликами. И в это мгновение он станет вами и мной, нас ничто не будет разделять.

ФИНАЛЬНАЯ РЕМАРКА ОТ РЕДАКЦИИ

После такого монолога хочется и самому сделать что-то настоящее, самому быть настоящим. Чтобы была жизнь – не сводка, а биография. Чтобы жилось так, словно вот-вот – и последний вздох, но чтобы потом кто-то сдул пыль с бобины со старым фильмом (полотна, забытого в старом комоде платья, записной книжки с цитатами и наблюдениями, блокнота с рецептами, альбома набросков, стопки отпечатанных на машинке или исписанных от руки листков) – и на одном дыхании ощутил, на кончиках пальцев и в глубине сердца, что стоит за этой находкой. Миллионы секунд обдумывания, десятки тысяч часов работы, тысячи дней и ночей, заполненных многими сотнями слов, складывающихся уже для кого-то иного в миллионы секунд, десятки тысяч часов...

Как стал источником вдохновения для создания книжной серии дебютный фильм Жана-Люка Годара «На последнем дыхании», снимая который режиссёр сам вдохновлялся десятками произведений искусства – фильмами нуар, игрой Хамфри Богарта, музыкой Моцарта, картинами Пикассо и Ренуара, текстами Фолкнера. И вот в «Редакции Елены Шубиной» появилась серия «На последнем дыхании». Что за книги в этой серии? Предельно искренние, живые, жизненные, которые не просто прочитываются на одном дыхании, они проживаются. Пока книги всего две, обе – автобиографии. Первая – «Жизнь советской девушки. Биороман» журналиста, писателя, театрального критика Татьяны Москвиной. Вторая – «Кто-нибудь видел мою девчонку? 100 писем к Серёже» Карины Добротворской, жены петербургского кинокритика и сценариста Сергея Добротворского. Первая книга – обычная жизнь как путь к творческому восприятию реальности, вторая – погружение в жизнь двух творческих людей, так что даже временами становится больно; триллер о настоящей любви. Первая – это Ленинград 60-х–80-х, вторая – почти Петербург 90-х. И обе – о том, о чём только что говорил Годар. И о много большем. Об искусстве, одиночестве, и о бегстве от одного к другому.

Ann-Marie Henry (Paris)

МОДА НА ТВОРЧЕСТВО

Мода на творчество никогда не проходит. Для каждого времени и даже возраста она своя. Кто-то рисовал в тетрадках самолётики, кому-то интереснее было рисовать силуэты людей в невероятных нарядах. Одним нравилось петь в ванной, но больше это походило на крик, а другие отдавали музыке куда больше времени, чем просто использовали её как средство от стресса. Одни дня не могли прожить без героев любимых фильмов, в то время как кто-то где-то только что увидел невероятный кадр и большим и указательным пальцем обеих рук заключил этот момент в рамочку. Вырастая, мы делимся на тех, кто выражает себя и кто ищет себя в этих отражениях «я».

Благодарные зрители и слушатели – талантливые режиссёры и исполнители, модники и просто люди с хорошим вкусом – кутюрье, чью продукцию оскорбительно называть индпошивом или просто защитным словом «одежда». Но людей роднит ещё одно – желание равняться на кого-то. Жизнь и свершения другого человека вдохновляют – некоторых и на вполне реальные свершения, чтобы уже о них когда-нибудь написали книгу. Собственно – всё это и представлено в очередном творческом обзоре: о моде на творчество, о людях, вдохновляющих на него. И о самой моде, конечно. Потому что мир так устроен, что если мы делаем что-то, что вдохновляет других, людям тотчас же становится небезразлично, как выглядит сам творец.

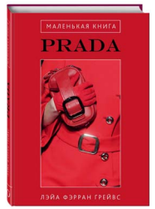
МОДА

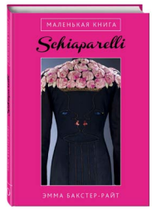
Книги о моде обычно автоматически попадают в категорию дорогих подарочных изданий – это огромные фолианты в суперобложке, запакованные в целлофан и скучающие на полке в книжном магазине.

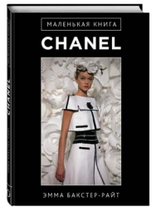
Но «Эксмо», специально для тех, кто не только рассматривает картинки в модных журналах, но и интересуется историей моды, чтобы лучше понимать её современные тенденции, предлагает «карманную» серию – «Маленькая книга». Пока в серии три тома: Chanel и Schiaparelli Эммы Бакстер-Райт и Prada Лэйи Фэрран Грейвс. Это не просто привычные по многочисленным изданиям подобного рода повествования об истории торговых домов или биографии их основателей, но в прямом смысле гиды по стилю главных мировых модных домов. Что делает платья, туфли, украшения, модные коллекции разных брендов уникальными, в чём эксклюзивность силуэтов, деталей, работы с цветами и фактурами, почему, наконец, чёрных платьев много, а маленькое чёрное платье Chanel – одно такое? В серии «Маленькая книга» – ответы на многие большие вопросы. В том числе, на вопросы из области экономики, математики, истории, социологии и множества смежных наук, потому что одежда человека суть отображение реальности вокруг него.

Ещё более предметно и обстоятельно, вплоть до отдельных элементов гардероба, без которых невозможно теперь представить себе образ женщины XX века, позволяет изучить моду ещё одна бюджетная серия, на этот раз – издательства «КоЛибри». Два

автора, Майкл Робертс и Майкл Червински, с истинно мужской обстоятельностью и дотошностью, переворошили миллионы гардеробов женщин в разных странах мира и в разных десятилетиях прошлого века, чтобы представить список 50 предметов одежды, которые изменили мир. И не оставили женщине шанса воскликнуть: «Мне нечего надеть!» Шляпы, сумки, платья, туфли – всему своё место и время, и отдельный книжный том.

Зарядившись хорошей порцией информации о том, как рождается мода и что в искусстве создания костюма достойно называться шедеврами на все времена, можно по пути захватить килограммовый том «100 идей, изменивших моду» Харриет Уорсли. Книгу этого же автора, Decades of fashion, называют одним из лучших исследований моды прошлого века, где по десятилетиям с энциклопедической точностью и в красках представлена вековая эволюция и достижения модной индустрии. В русском варианте, представленном «Эксмо», историк и эксперт моды разъясняет, как взаимно повлияли друг на друга такие явления, как появление женских брюк и первое бикини – с одного берега, появление Интернета и полёт человека в космос – с другого. Плюс ещё 96 идей.

Теперь можно браться за себя, памятуя, что тело – храм, но и в культовых сооружениях порой необходим ремонт. Для этого обратимся к новинке издательства «Слово» – «Парижский шик» Исабель Тома и Фредерике Вейсе. *«Во француженке нет ничего “чересчур”, её силуэт всегда so fresh, как говорят американки. Француженка ничего не боится: даже выйти без маникюра, без макияжа, без укладки и с малышом под мышкой. Несмотря на свою небрежность, она всегда элегантна».* Этой цитатой книга готовит к тому, что парижская элегантность – она не в каких-то особенно модных и дорогих вещах, не в макияже или туфлях на сверхтонкой шпильке. Искусству выглядеть женственно и – главное – женщиной обучиться не труднее, чем вождению, даже

дешевле выйдет, потому что авторы книги в полочках-главах перекладывают качественный ширпотреб люксовыми вещами так, что никто никогда не догадается, во сколько реально обошёлся гардероб. Но во внешнем виде точно появится парижский шик. В книге, для блестящего финала, приведён список «правильных мест» Парижа – кафе, ресторанов, магазинов и мест для прогулок.

Нечто подобное «Парижскому шику» есть и для мужской аудитории. Наталия Найденская и Инесса Трубецкова – эксперты в области имиджа и стиля, они были авторами первых в России учебников и методик, по которым обучались специалисты по имиджу, стилисты и даже профессиональные покупатели (шоперы). Они знают абсолютно

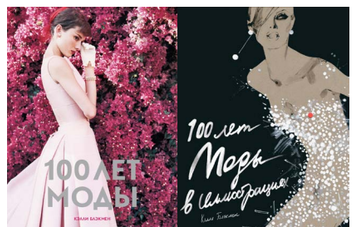

всё о моде и о том, что с чем сочетается в одежде. Наряд на все случаи жизни, для любой ситуации не составит труда подобрать из имеющегося в гардеробе тем мужчинам и женщинам, кто изучил «Библию стиля. Дресс-код успешной женщины», «Библию стиля. Дресс-код успешного мужчины». Тем же мужчинам, кто не любит читать много текста, оправдывая свою нелюбовь к чтению чрезмерной занятостью, можно посоветовать «Графический гид по мужскому стилю. 100 ошибок и решений». Не уверены, что в этом иллюстрированном, как комикс, пособии есть такие варианты, как носки с сандалиями или заправленная в брюки футболка, но если возить с собой этот альбом хотя бы в бардачке машины, перед людьми точно никогда не опозоришься. Один совет

даём бесплатно, ещё до покупки книги: не лейблы делают человека стильным, а умение правильно сочетать предметы гардероба и понимать, что тебе идёт и почему, как и то, что лучше не надевать. А теперь уже – к инфографике, схемам и комиксам.

Если учиться надоело, но интерес к красоте проснулся – и не просто к чему-то, что только в музее найти можно, а к тому, что в любой момент может пройти мимо по улице, самое время просто рассматривать картинки. Или, что ещё лучше: той самой красоте, на которую хочется произвести впечатление, подарить – просто так – или к ближайшим праздникам любое из этих великолепных подарочных изданий: две версии исторического альбома Келли Блэкмен «Сто лет моды». Один вариант предлагает предметный разговор о процессах, происходивших в моде с 1901 по 2000 годы, а версия «Сто лет моды в иллюстрациях» – источник чистого вдохновения: 400 постеров, плакатов, набросков, фотографий – лучшее из мира модных идей за целое столетие. Это предложение от «Азбуки», а «Эксмо» отвечает шикарными «История обуви в деталях с античных времён до наших дней» (это вот «в деталях» интересует более всего) Кэролайн Кокс и «Ювелирные украшения и иконы стиля XX века» Стефано Папи и Александры Роудз. Два этих альбома весят в совокупности три килограмма и обойдутся примерно в ту же сумму в тысячах рублей, но это доступнее туфель от Manolo Blahnik и ювелирных украшений от Van Cleef. Это как получить сразу все туфли и украшения в мире.

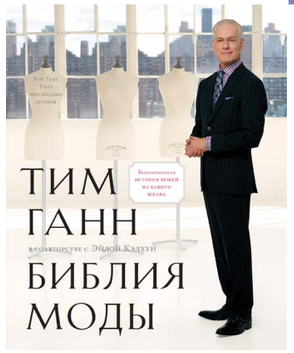
Вдохновившись такими книгами, можно и собой заняться. Кто сказал, что раз маленькое чёрное платье, Chanel No. 5 и шпильки уже придуманы, то в модной индустрии более не бывать ниспровергателям основ и гениям-бунтарям? Роза Бертен, одевавшая Марию-Антуанетту, Жанна Ланвен, Мадлен Вионне, Коко Шанель, Эльза Скиапарелли, Нина Риччи, Мадам Гре, Карвен, Соня Рикель, Вивьен Вествуд, Миучча Прада. Что их всех объединяет, кроме того, что это женщины-модельеры? Они изменили мир моды, вторглись на территорию мужчин, заслужив право обслуживать свои в прямом смысле внешние интересы самолично. В издательстве «Слово» биографии всех этих героических женщин вышли под одной обложкой в книге «12 кутюрье. Женщины-легенды, изменившие мир». Автор, Бертран Мейер-Стабле, долгое время работал в Elle. Как финальный штрих и вишенка на диетическом торте – «Библия моды» Тима Ганна. Эта удивительная книга не просто вдохновляет на творчество, она меняет представление о прошлом, настоящем и будущем моды. Следуя библейским заповедям, не

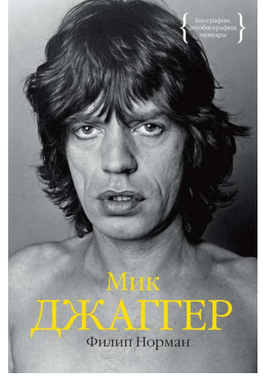

сотвори себе кумира, но познать жизнь во всех её проявлениях, течениях, нюансах и со всей фурнитурой возможно только с такими книгами. Ведь во все времена человека встречали по одёжке, а уж провожали по уму. Хорошо быть примером и в том и в другом.

МУЗЫКА

Данный раздел будет совсем коротким, но не потому, что мало выходит книг о музыкальных легендах и голосах эпохи. Мало выходит предметных книг об истории музыки как таковой, хотя бы об определённых периодах. Многочисленные биографии великих музыкантов больше эксплуатируют их образ ради пробуждения читательского интереса, чем говорят о человеке и его музыке. Да и кому это интересно? Тем, кому именно это интересно, мы посоветуем всего одну музыкальную биографию – «Мик Джаггер» Филипа Нормана. В «азбучной» серии «Персона» публикуются биографии самых разных людей, но музыкант такого уровня, как Джаггер, это, по общей насыщенности фактами, эмоциями и материалом, история практически всего русского рока, негритянского джаза, фанка и соула и американской поп-индустрии. В прошлом году ему исполнилось 70, «Роллинг Стоунс» отметили полувековой юбилей группы мощным шоу. И у этого человека никогда не кончается завод, у него всегда полный заряд батареи, потому что он не просто живёт музыкой, как пафосно любят говорить музыканты, он сам и есть музыка. И не особо важно при этом – нравится музыка «роллингов» или оставляет равнодушной: их влияние на мировую музыкальную сцену последних десятилетий огромно. Они вращают весь этот музыкальный мир 50 лет.

Уверен, со мной согласится Алекс Росс, штатный музыкальный критик «Нью-Йоркера» и выпускник Гарварда, популяризатор классической музыки и человек, для которого мир – это не какофония звуков, а гармония созвучий. Для него нет любимых и нелюбимых жанров, он не делит музыку на стили и направления, а воспринимает её как часть окружающего мира, столь же важную, как кислород и солнечный свет. И изучать историю без знания музыки невозможно: никогда не поймёшь людей, как и то, почему они принимали те или иные решения. Вы почитайте его книги «Послушайте» и «Дальше – шум. Слушая XX век». Это не просто историческое исследование или сборник изящных эссе, а сама жизнь в звуках и голосах. Первой книги уже не найти в магазинах, а вторую, изданную божествами хорошего нон-фикшена, издательством Corpus, ещё можно отыскать.

Завершим разговор о музыке ещё одной «корпусовской» книгой – «Песни в пустоту. Потерянное поколение русского рока 90-х». «Написали» её промоутер Илья Зинин и экс-главред «Афиши» Александр Горбачёв. Их авторство не подвергается сомнению, а слово «написали» взято в кавычки лишь потому, что это книга от первого лица – от большого числа первых лиц, но при этом – далеко не первых в музыкальном мире. Для многих имена героев этой книги сегодня, увы, значат куда меньше, чем они заслуживают. И дело не

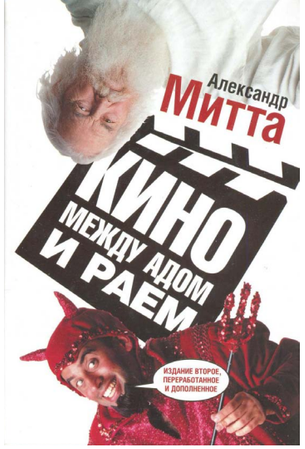
в их бесталанности или в обмане публики. Просто пели и говорили о музыке они потерянному поколению, для которого актуальность музыки с социальным подтекстом очень быстро ушло или «за бугор», или в речитативы рэперов, или в пустоту. Артемий Троицкий, Егор Летов, Илья Чёрт, Леонид Фёдоров и десятки других имён – в многоголосой истории русского рока, в рассказах о музыкантах, которые не рвали стадионы и не подписывали контракты, но говорили языком своей эпохи.

О выборе героев, времени, места и формы изложения материалы авторы сказали нам буквально следующее.

Илья Зинин: *«Всё субъективно: лично я слушал все эти группы в 90-х, ходил на концерты, со многими был довольно близко знаком, все они были для меня очень важны. Герои книги очень разные – кто-то играл передовой по тем временам индастриал или хардкор (“Химера”, “Машинбэнд”, “Собаки Табака”), кто-то просто пел под гитару (Веня Дркин). И пусть тогда их песни не прозвучали на всю страну, это едва ли не самое важное и сильное, что было спето на русском языке в 90-х. Кроме того, у каждого из них своя, совершенно удивительная (правда, к сожалению, почти всегда трагичная) история. Поэтому во второй половине “нулевых”, когда на жизнь и музыку героев этой книги можно было посмотреть с определённой дистанции, захотелось написать книгу о них, построенную на прямой речи участников и очевидцев событий».*

Александр Горбачёв: *«Как показывает ряд хороших примеров (“Прошу, убей меня”, книги Стогова в жёлтой серии “Амфоры”, книга Семеляка про “Ленинград”, книга Кушнира про “Аквариум”), такая форма вправду работает. По-английски это называется oral history; мы такого рода материалов много и в “Афише” делали – про медиа, про поп-музыку, про кино и т. п., и это достаточно живая, гибкая и весёлая структура, которая позволяет посмотреть на события глазами очевидцев и их, так сказать, прочувствовать не только исторически, но и эмоционально.*

Вопрос о действующих лицах дурацкий, простите. Действующие лица перечислены в заголовках глав, а также в перечне действующих лиц в начале книги. Высокопарно выражаясь, главным действующим лицом является Россия в турбулентную эпоху 90-х. Соответственно, адресована книга тем, кто хочет про эту эпоху что-то понять чуть глубже той картины разрухи, распада и ужаса, которой сейчас её зачастую описывают. Музыка в данном случае – это ещё и инструмент познания реальности, скажем так; своего рода оптика».

КИНО

После интервью Годара (а впереди ещё и Франсуа Озон поджидает) говорить о кино невозможно, потому что режиссёр считает кино младшей страшной сестрой кинематографа. Но мы попытаемся. Не своим словами – доверим это дело профессионалам. Сначала Александр Митта и его книга «Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку...». Книга уже выдержала не одно издание, и вот очередное – в «АСТ». Просто кино, о котором пишет режиссёр «Экипажа» и сериала «Граница» (две временных эпохи, два варианта общения со зрителем), не имеет срока годности, о чём и заявлено в названии. Это – лучшее кино с планеты Земля. В аннотации сказано чётко: «Эта книга для человека, который хочет написать сценарий, поставить фильм и сыграть в нём главную роль». Но она и для тех, кто не собирается всем этим заниматься, но хочет получать удовольствие не просто от просмотра, но от самого процесса знакомства с огромным миром кино, в котором точка аккурат между раем и адом – это «Касабланка».

Для первой категории (желают заниматься кино) издательство «Рипол» сделало просто невероятный подарок – серию книг «Film Craft. Так делается кино». Это не просто знакомство с кинопрофессиями, но и мастер-классы от их лучших представителей – мастеров мирового уровня, которые превращают простое кино в кинематограф. Итак, профессии – художник кино, кинопродюсер, сценарист, режиссёр киномонтажа, кинооператор, художник по костюмам и – как вершина айсберга – кинорежиссёр. От одного перечисления имён, которые говорят о своей работе, у любого киномана случится культурный шок. Но шок случится ещё раз: когда придёшь покупать эти книги – цена на каждую колеблется в районе 1 000 рублей. Но все вместе эти семь томов – уникальное пособие по теории и практике одного из величайших искусств.

Можно обойтись и малой кровью. Точнее – крови будет много, но не вашей. А вполне себе бутафорской, ведь под занавес представляем великих и прекрасных Квентина Тарантино и Роберта Родригеса, двух «плохих мальчиков» Голливуда, которые перекроили все популярные жанры вдоль и поперёк, создавая из них причудливых монстров, в которых за крепким словцом или за «пушкой» в карман не лезут даже дети. Первое – всегда на устах, второе – всегда в руках. И обязательно выстрелит. Как выстреливал каждый их фильм (просто забудем о «Джеки Браун» и каких-то там частях «Детей шпионов»).

14 октября исполнилось 20 лет настоящему культурному феномену периода «девяностых-нулевых», фильму «Криминальное чтиво». «Эксмо» по этому поводу выпустил дорогое и очень пафосное, а также самое подробное издание-гид по фильму. «Полная история шедевра Квентина Тарантино» написана тарантиноманом Джейсоном Бейли. Это была лучшая кандидатура для написания книги, ведь настоящие фанаты знают о предмете своего поклонения ВСЁ. Теперь будете знать и вы, если не пожалеете 1 000 рублей с небольшим. Это самый полный архив – о существовании некоторых фотографий не догадывался даже сам Тарантино.

Роберт Родригес в отличие от своего друга и партнёра по ряду совместных работ написал книгу сам и назвал её очень просто – «Кино без бюджета. Как в 23 года покорить Голливуд, имея в кармане 7 000 долларов». Нынешнее поколение должно оценить заявку на то, что можно снимать, как Родригес, без особого бюджета. Так и мы, хоть нам за рекламу и не платили, расскажем без бюджета, что книга вроде бы рассказывает о том, как снималась дебютная лента Родригеса – «Эль Марьячи». На самом же деле – это пособие без купюр о том, как снимать кино, даже если не хватает ресурсов или хромает мотивация. Помимо этого в книге есть очень ценные приложения. И советы режиссёра, например, такие: *«Если вы хотите создавать фильмы, но не можете позволить себе занятия в режиссёрской школе, не переживайте: в принципе, вас там ничему не научат. Никто и никак не сможет обучить вас рассказывать истории. Как интереснее рассказывать, вы поймёте в ходе процесса, придумывая собственные способы».*

Спасибо за Родригеса издательству «Манн, Иванов и Фербер». Они же, кстати, издали книгу кинопродюсера Александра Роднянского с бесхитростным названием «Выходит продюсер». Но простаком самого Александра не назовёшь, он работал с Сокуровым, Звягинцевым, Чухраем, Бондарчуком, Энди и Ланой Вачовски и Билли Бобом Торнтоном. Всех этих людей трудно заподозрить в том, что они снимают только массовое кино, но если продюсер – Александр Роднянский, то любому фильму одинаково просто найти путь и к сердцу избалованного зрителя, и к кинопроекторам, что вместо сердец у киноакадемиков.

ИСКУССТВО

Последний нырок в творческие глубины. В этот раз – искусство в чистом виде, будь то живопись, литература или просто необычный взгляд на привычный мир.

«Семь дней в искусстве» Сары Торнтон – не лукавая книга, обещающая каждому, что за неделю он сможет стать ценителем и знатоком искусства. Потому что Сара Торнтон – социолог с акцентом на культуру, а её книга – о внутреннем мире искусства, о тех людях, которые создают шедевры, выставляют их в галереях, оценивают, критикуют и продают ценителям. Но автора интересует не внешняя сторона жизни бомонда мира

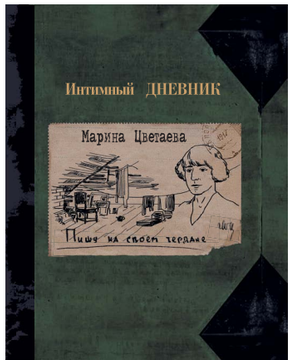
искусства, а те невидимые непосвящённым тонкие ниточки, которыми связаны все, кто формирует сегодня сферу искусства, все те люди, от которых зависит, по каким образцам искусства будут изучать человеческую цивилизацию настоящего момента через много веков. После этой книги даже у тех, кто единственный раз в жизни был в картинной галерее, и то – в школе, не должно вырваться неодобрительного: «Какой-то ерундой они там все занимаются». Современное искусство – тоже бизнес, жестокий и циничный, но вдохновение здесь не купишь…

…если речь не идёт об очередной книге итальянского цикла искусствоведа и писателя

Аркадия Ипполитова – «Только Венеция. Образы Италии XXI». Всю свою сознательную жизнь автор этой книги занимается историей итальянской живописи, которая, как и живопись любой другой страны, не может рассматриваться отдельно от территории, на которой жили и творили мастера. Кстати, Ипполитов не обычный писатель, интересующийся искусством, а старший научный сотрудник отдела западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа, хранитель итальянской гравюры и преподаватель истории искусств. Так что обе книги цикла – «Особенно Ломбардия» и «Только Венеция» – это источник вдохновения не только для тех, кто упивается Италией, но и для всех жаждущих стать частью мира искусства, не оставаясь всю жизнь только зрителем. Особенно – зрителем.

Стоит ли говорить, что искусство, любое творчество, если мы говорим не вообще, а о конкретном человеке – сфера настолько интимная, что заглядывать туда сродни подглядыванию? Но не поэтому ли так споро расходятся биографии великих людей? В «АСТ», в редакции «Времена», решили пойти ещё дальше, задумав серию «Интимный дневник», открыв её воспоминаниями Марины Цветаевой «Пишу на своём чердаке». Это дневниковые автобиографические

записи, наброски на полях, «рисунки на манжетах», обрывочные воспоминания, складывающиеся в цельный образ живого человека, со своими радостями и горестями. Только вот люди эти – Цветаева, Пушкин, Ахматова и другие. И усиливает эффект воздействия формат подачи материала – это «настоящие» дневники великих людей, где записи прерываются стихотворными строфами, рисунками, фотографиями, рукописными текстами писем. Выглядят книги серии как тетради для дневниковых записей, но, конечно, это не реальные дневники, а лишь их искусная имитация. Что не скажешь о мыслях, которыми они наполнены: каждое слово выстрадано, прочувствовано и пережито людьми, чьи слова и творчество изменили мир.

В издательстве «КоЛибри» издана биография Обри Бердслея (автор – Мэтью Стерджис) – художника-графика, поэта и музыканта, библиофила и меломана, эстета. Ему повезло: с раннего детства мальчика считали вундеркиндом, которому удавалось всё – рисовал с четырёх лет, в 11 – писал музыку и стихи, ещё в школе ставил такие спектакли, которые привлекали внимание серьёзных театральных критиков, но самого большого успеха добился как график, прославивший стиль модерн не в высоком искусстве, а в самых массовых его проявлениях – в книжных иллюстрациях, на афишах и плакатах. И неправы сейчас те, кому пришло в голову, что таким людям, как Бердслей, из семьи известных лондонских ювелиров, ещё и знакомого с Оскаром Уайльдом, всё давалось легко и по праву рождения, а их биографии – череда побед и распутных приключений тела, которому всё дозволено. Эстетика, эклектика и эротика – это творческое кредо Бердслея, но в жизни его было место всем трём парам

одного слова – только рисунки, тот неуловимый и тонкий мир писателя-лётчика, который он оставил нам, оставшись где-то в небесах. Предисловие к книге написал ещё один великий сказочник – Хайао Миядзаки, чья последняя работа в анимации тоже наполнена небом, облаками, ветром и полётом. Одна из самых дорогих книг обзора, более 2 500 рублей за экземпляр, снабжённый футляром с вырезанным по трафарету названием. Но такой книги больше не будет, как не будет ещё одного Экзюпери и Миядзаки. Но возможно, что будет кто-то ещё, в чьих рисунках, картинах, кадрах, словах тоже будет жить небо, облака, полёт. Живое творчество. Может, вы?

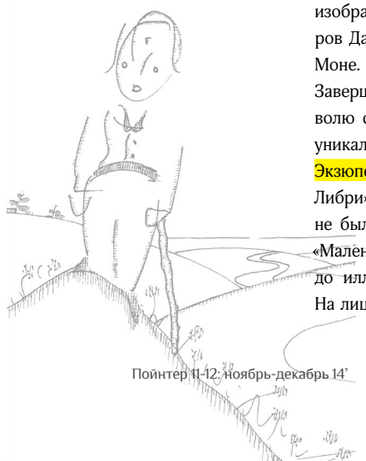

эстетических категорий – прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое. И к высотам путь начинал с самого низа.

Знакомство с творчеством великих Дали и Уорхола – с самого низа – это предлагает новая серия издательства «Эксмо». Кэтрин Инграм и художник Эндрю Рэ решили не переписывать ещё раз биографии Сальвадора Дали и Энди Уорхола, а собрать воедино все известные факты и нарисовать комиксы. Вся жизнь великих художников в деталях – ни в одной картинной галерее и в самых подробных биографиях такого не увидеть! И после такого погружения в реальность великих мастеров можно продолжить знакомство с творчеством того же Дали, приобретя книгу «Дали. Коллекция шедевров» из серии «Великие и легендарные», где представлена галерея лучших работ художника, а также указаны адреса музеев, где эти работы можно увидеть вживую, и приведён полный список книг, посвящённых его жизни и творениям. В качестве бонуса – предлагаются шесть постеров с изображениями лучших из лучших шедевров Дали. В этой же серии – все шедевры Моне.

Завершающий штрих, перед тем, как дать волю своим творческим инстинктам, даст уникальное издание – «Антуан де Сент-Экзюпери. Рисунки», выпущенное «КоЛибри». Такой книги до сих пор просто не было: полный каталог графики автора «Маленького принца» – от детских работ до иллюстраций к главной книге автора. На лицевой стороне обложки книги нет ни

ТВОРЧЕСТВО

Проверьте себя прямо сейчас.

Напоследок мы приготовили самым стойким, кто действительно хочет проявить себя творчески и дочитал до самого конца этот текст, подборку из трёх книг издательства «Манн, Иванов и Фербер». Их полные названия говорят сами за себя. Итак, «Литературный мастер-класс» Юргена Вольфа (учитесь у Толстого, Чехова, Диккенса, Хемингуэя и многих других современных и классических авторов), «Творческая личность» Дэвида Голдстайна и Отто Крегера (как использовать сильные стороны своего характера для развития креативности) и «Мечтать не вредно» Барбары Шер и Энни Готтлиб (как получить то, что действительно хочешь).

Купите, прочитайте, проверьте своё «я» на совместимость с одним из видов творчества. И не дайте пропасть своему стремлению к самовыражению.

Примерялся, вслушивался и всматривался
Александр Правилов

ИСКУССТВО ОТВЛЕКАЮЩЕГО МАНЁВРА

В начале октября на Международный медиафорум в Петербург приехал лично господин Франсуа Озон. И привёз свой новый фильм. Его незамысловатое название «Новая подружка» сбило с толку многих, поскольку намекало на очередную фланелевую американскую «комедию отношений». Зритель настраивался на нечто изящное и по-французски растрёпанное. Но....

С первых кадров было ощущение, что режиссёр отвлекает наше внимание от чего-то весьма важного. Незатейливая история с переодеваниями, – героиня Клэр, отчаянно-рыжая, напоминающая Изабель Юппер в молодости, но более раскрепощённая, попадает в сети, ловко расставленные ей режиссёром и обстоятельствами. Интрига таких историй в одном единственном слове – однажды...

Однажды Клэр решила навестить мужа своей близкой подруги, почившей нелепо и скоропостижно. На руках у пребывающего в депрессии вдовца осталась крошка-дочь, что побуждает всех окружающих всячески проявлять заботу о них. Героиня не исключение – во время утренней пробежки она стучится в дверь, дверь незаперта. Клэр входит и застаёт вдовца – Дэвида – с малышкой на руках, при полном параде – туфли, чулки, парик, платье, макияж... Обычное французское кино? Вот и не совсем так! Первая забавная встреча Клэр и Дэвида ведёт к череде довольно пугающих событий, запутывающих героев и ещё больше – зрителя.

Обычно Озон подбрасывает в свои фильмы труп, что вроде делает его фильмы детективами, но – снова не совсем так.

В новой картине режиссёр решил отказаться от детективной интриги, хотя в литературном оригинале она есть. Фильм снят по роману знаменитой Рут Рэнделл, «Агаты Кристи нашего времени». В родной Британии писательница настолько уважаема, что ей присудили звание кавалера ордена Британской империи. По её романам снимали фильмы Шаброль и Альмодовар. В случае с Озоном произошло немного неловко: режиссёр перекроил исходный текст до неузнаваемости. По его воле психологический детектив превратился в «урок воспитания и самопознания», который также можно причислить к «опытам новой любви». По сути, интрига с переодеванием героя-мужчины в одежду покойной жены – это всего лишь отвлекающий манёвр, сродни тому, как ассистентка фокусника отвлекает зрителей от того, что на самом деле происходит на сцене.

Франсуа Озон из категории режиссёров, терпеливых во всём и со всеми – в процессе съёмки, в общении со зрителями и журналистами. Он тонко чувствует мятежность женской натуры. Его фильмы отличает особого рода элегантность, изящность сюжетной структуры и стилистики кадра. Он разговаривает со зрителем как с родственником, доверительно, но не фамильярно.

И кому-то может показаться, что это интервью – о личном выборе Франсуа Озона, но на самом деле – оно о том, как порой жизнь отвлекает нас от нашего предназначения.

ЖИЗНЬ ВЫБИРАЕТ ЗА НАС

– Какой вопрос Вам задают чаще всего?

– Обычно, после просмотра меня спрашивают, о чём был мой фильм. Мне всегда интересно спросить того, кто меня спрашивает, об этом же. Ведь то, что я хотел донести до зрителя – это моё, а вот что зритель понял из увиденного – подчас это бывает интереснее моей задумки.

В каждом новой картине я всегда стараюсь спрятать загадку, чтобы было интереснее смотреть.

Зритель ведь гораздо умнее, чем критики привыкли его считать. Подчас он подмечает такие вещи, которые кажутся невероятными. В каждом новой картине я всегда стараюсь спрятать загадку, чтобы было интереснее смотреть. Фильм «Новая подружка» задумывался как нечто лёгкое. Мне не хотелось особенного драматизма, слишком много агрессии пробуждает сегодня эта тема.

– Мне тоже кажется, что мы слишком много внимания уделяем этому вопросу. Герой Вашего фильма переодевается в женское платье и делает это довольно регулярно, но на самом деле – фильм не о нём, а девушке по имени Клэр, которая думает, что всё в её жизни хорошо. Это фильм о том, как люди теряют иллюзии?

– Вы именно так это воспринимаете? Я думаю, что главная тема фильма – право выбора. У каждого из нас есть возможность сделать выбор, нам ничто не мешает сказать: всё, я не хочу больше так жить, я тебя не люблю, потому что ты мужчина. Хотя я понимаю, что человек, который делает выбор, воспринимаемый обществом как нетрадиционный, подвергает себя осуждению. Далеко не все в нашем обществе готовы принять такую точку зрения. Я хотел сказать, что иногда, когда мы не решаемся выбрать что-то одно, жизнь делает этот выбор за нас. И надо учиться слышать себя, не бояться своей природы.

– Но есть же общественная мораль, есть каноны поведения...

– Общество учит нас не преступать закон, не оскорблять других людей и не наносить им ущерб. Для меня важно, чтобы ты своими действиями не причинял другому боль. В то же время, общество должно понимать, что если оно заставляет человека жить не его жизнью, идти против своей натуры, ничего хорошего из этого не получится. У нас во Франции немало людей критически относятся к однополым союзам...

– Мораль, воспитание...

– Нет, дело не в этом, а в том, что общество хочет контролировать каждого из нас. Ему спокойнее, если мы соблюдаем правила. Но правила – вещь тоже условная. Если бы абсолютно все соблюдали правила, у нас не было бы искусства. Потому что искусство не может существовать без свободы, а свобода подразумевает осознание той черты, за которой начинается беспредел.

Если бы абсолютно все соблюдали правила, у нас не было бы искусства.

– Я услышала однажды фразу: «Вы уверены, что знаете о себе абсолютно всё?» Точно так же и героиня Клэр, благодаря Давиду, узнала о себе то, в чём боялась признаться, подошла к некой черте осознания.

– Да, это важно – уметь принимать самого себя таким, какой ты есть. А ведь многие люди всю жизнь живут, стараясь быть кем угодно, только не самими собой. Это приводит к очень тяжёлым последствиям. Но в разговоре о подобных темах важно не опуститься до морализаторства. Поэтому

мы решили сделать фильм лёгким, временами смешным. Меня упрекали некоторые знатоки кино, что есть в фильме элемент театральности. Я не знаю, что они имели в виду, но мне кажется, что за театральность они принимали необходимую для этой истории условность. Ведь если мы слишком серьёзно воспринимаем происходящее, мы теряем возможность быть объективным. В музее, когда мы хотим подробнее рассмотреть картину, мы, как ни странно, отходим назад, а не подходим ближе, – чтобы видеть всю картину целиком. Этот же принцип полезен и для кино.

КИНО ЗА ВАС НЕ ПРОЖИВЁТ ВАШУ ЖИЗНЬ

– Способно ли кино решать насущные проблемы общества?

– Смотря, что вы подразумеваете под «решать». Мы ведь не суд и не полиция, мы не можем обещать людям, пришедшим в кинотеатр, что, выйдя из него, они решат все свои проблемы. К тому же, как бы мы ни хотели, но проблема в жизни всегда выглядит драматичнее, чем на экране. Я считаю, что задача режиссёра – только дать импульс размышлениям, пусть зритель хотя бы задумается о чём-то важном, всю остальную цепочку – размышление о причинах и следствиях, выводы и решения – надо отдать на откуп самому зрителю. Кинематограф призван расставлять акценты.

– Возникало ли у Вас желание переделать что-то в своих фильмах?

– Да, но я прекрасно понимал, что в таком случае мне придётся переснимать весь фильм от начала до конца. А это будет уже другой фильм. Любой человек иногда хочет исправить что-то, сказать иначе, поступить, но подобное не имеет смысла, потому что мы живём в линейной системе временных координат, мы может двигаться только вперёд, а всё, что позади нас, мало может нам помочь. В кино можно создать иллюзию времени, можно переписать сценку или повернуть сюжет вспять, но в том-то и заключается условность кинематографа, что к жизни подобные опыты не имеют отношения. Я стараюсь легче относиться к работе над ошибками. Если находится ошибка, то говорю себе: «В следующем фильме я сделаю по-другому». К тому же, нельзя забывать про течение жизни: мы меняемся от книги к книге, от фильма к фильму – и я меняюсь. Когда фильм закончен, заканчивается период жизни, который никогда уже не повторится, и нет смысла сожалеть о несделанном, если завтра у тебя появится гораздо больше возможностей.

Проблема в жизни всегда выглядит драматичнее, чем на экране.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

– Зачем обществу нужны режиссёры?

– Чтобы пробуждать в людях мысли, чтобы сближаться с незнакомыми людьми. В кинотеатре возникает эффект, в жизни именуемый влечением, а иногда любовью – это когда незнакомые люди вдруг притягиваются друг к другу, становятся ближе, и если этот же зритель завтра придёт на мой новый фильм, можно считать, что мы сблизились. А если это повторяется раз за разом, то режиссёр со зрителем становятся почти родственниками, ведь они изучают друг друга, и зритель идёт на фильмы этого режиссёра, потому что ему близки его мысли, художественные приёмы, стилистика. Разве не то же самое происходит в жизни, когда мы привязываемся к человеку, стиль и привычки которого нам нравятся?

– Что такое хороший режиссёр?

– Он любит то, что делает, и уважает зрителя, приходящего на его фильмы. Для меня работа над фильмом – удовольствие, и ещё большее удовольствие – диалог со зрителем, его реакция на увиденное.

– Вы боитесь осуждения?

– Какого осуждения? Стилистики фильма или его тематики? Нет, потому что каждый человек имеет право на свою позицию; мне никак не мешает то, что люди высказывают своё мнение относительно, скажем, однополых браков. Просто сегодня, когда вся Европа охвачена кризисом и все находятся в шатком положении, людям хочется стабильности во всём, им хочется ощущать под ногами твёрдую почву, и фундамент этой почвы – консерватизм взглядов на семью и отношения. Нельзя людей осуждать за это. Как нельзя осуждать тех, кто хочет быть свободным в вопросе определения личных пристрастий. Свобода выбора должна быть у всех.

Bianka Iniarde

КУЛИНАРИЯ

КУЛИНАРИЯ ТРЁХ СТЕПЕНЕЙ ПРОЖАРКИ

Сомнений больше нет: научиться готовить может каждый, но искусство кулинарии – удел избранных. Самых упорных, самых смелых, на одну треть бунтарей, на две трети одержимых. Одним словом – талантливых. Можно готовить еду просто ради насыщения, а можно готовкой из самых простых продуктов утолять жажду творчества. Дело это – обманчиво простое (не верьте телеканалу «Еда», убеждающему, что поваром может стать каждый). Кулинария – это как живопись. Там вроде всё просто: холст, грунтовка, карандаш, краски, кисти. В литературе ещё проще: стул, стол, бумага, ручка. Но, как говорится, есть нюансы.
В овладении искусством приготовления еды есть несколько этапов. Используя американскую классификацию прожарки стейков, возьмём три состояния: практически сырое мясо, средней прожарки и готовое полностью. И для каждого состояния творческой мысли подберём подходящие книги.

С КРОВЬЮ

Начать лучше всего с основ. И даже не с большой поваренной книги или с кулинарной энциклопедии, для прочтения которых нужны уже какие-то базовые познания, а с кулинарно-развлекательной литературы. Ни в коей мере не умаляя заслуг авторов таких книг, мы сразу всё расставим по местам – это книги, написанные блогерами, и для тех, для кого еда – это любопытство, но не что-то большее. То, что можно ради интереса приготовить, выложить в блоге или Instagram, собрать лайки – и забыть. Но так только кажется, потому что зерно уже брошено. И всходы обязательно будут. Как в случае с первой и главной книгой обзора – **«Записки мясника» Григория Конюхова**.
Это уникальное издание. Удивительно, что такую книгу написал не главный по казанам и мангалам Ханкишев или главные по мужской кухне – Ивлев и Рожков. Справедливости ради – у Сталика, Константина и Юрия нечто подобное было, но как часть истории, а не вся книга целиком. Простой канадский мясник Григорий сделал то, чему не считали должным уделять больше разумно необходимого внимания маститые кулинары и шеф-повара – написал книгу о мясе. О простом мясе, которое все мы, если не вегетарианцы или совсем веганы, иногда или регулярно покупаем, выбираем, храним, как-то разделываем, что-то из этого готовим. Но мы относимся к мясу неправильно – практически каждый из нас. Мы худо-бедно научились смотреть на этикетки вина, сыра, колбас, читать их, чтобы иметь представление о том, что именно будем вкушать, но мясо, этот один из древнейших продуктов, мы умеем готовить, но выбираем практически бездумно, ориентируясь на бабушкину, но не научную мудрость. Мы наивно считаем мясо одним из самых простых продуктов: купил кусок, бросил на сковородку, обжарил с двух сторон, посолил перед подачей. После «Записок мясника» спеси у многих точно поубавится, но куда важнее, что многим эта книга даст понять куда большее – чтобы в чём-то преуспеть, важно не просто учиться и схватывать всё на лету, необходимо ещё и уважать то, что является твоим рабочим инструментом – будь то слово, графический редактор или кусок мяса. Уважать означает понимать, с чем имеешь дело. Конюхов понимает и рассказывает с мужской прямотой о мясе всё – об анатомии мясных животных, об отдельных отрубах, о том, что с ними делать, как разделывать и готовить, как раскрывать их вкус, в какой посуде это лучше всего делать. А чтобы читателю не было страшно или скучно – без крови дело точно не обойдётся и новых слов немало будет, – Григорий, следуя модному сегодня тренду в кулинарной литературе, будет давать житейские советы, рассказывать о своей жизни в Канаде и о том, каково быть мясником по призванию, а не по необходимости. Заинтересовавшись книгой мясника Конюхова, мы не могли упустить возможность задать человеку с ножом несколько вопросов.

ОТВЕТЫ МЯСНИКА

– Кулинарная литература становится всё более развлекательной. Сейчас в ходу между рецептами рассказывать о своих детях, показывать фото из семейного альбома, хвалиться путешествиями и впечатлениями. С другой стороны, простые сборники рецептов – это скучно: из еды не нужно делать культа, но элемент творчества должен присутствовать. И третий нюанс: как бы ни был общедоступен Интернет, а книга известного кулинарного блогера – это не то же самое, что закладка в браузере. Чем отличаются Ваши «Записки мясника» от обычной кулинарной книги? Какой формат общения предлагаете читателю? В чём главная идея и посыл книги, так сказать, в чём там «мясо»?

– Как ни странно это прозвучит, но «мяса» в моей книге нет, хотя мяса там предостаточно. Я просто в какой-то момент начал писать о том, что знаю, что мне интересно, и это оказалось интересным другим людям. Я не писал эту книгу, ориентируясь на запросы публики или стараясь как-нибудь выделиться из общей массы людей, пишущих на кулинарные темы, я писал о своём опыте, считая себя вполне заурядным человеком, обычность которого как раз в том, что он не похож на других. Как ни банально это прозвучит, но мы все неповторимы, и как раз этим и похожи друг на друга. Опыт одного человека не похож на опыт другого – вот с этим осознанием неповторимости своего опыта я доверял бумаге всё, что знаю о предмете, то есть о мясе, пытаясь по возможности прибавить к этому часть самого себя.

– Вы и сам – человек интересный, на острие кулинарного тренда. В своём ЖЖ Вы прямо говорите, что обожаете острые ножи и разделывать ими мясо, и женщина тогда смотрит на мужчину, как на героя из снов, когда он мастерски жарит шашлык. Что для Вас та тема, о которой пишете в блоге и в книге – увлечение, образ жизни, творчество, стремление к просветлению, путь мужчины и воина?

– Хочется поправить, что я не «обожаю», а мне просто нравятся все эти вещи, как, наверное, симпатичны они любому мужчине. Тема же мяса для меня – это моя жизнь. Мясо – это то, что я держу в руках большую часть жизни, это стало обыденностью, как воздух, как ходить. Поэтому я затрудняюсь какими-то особенными словами выразить своё отношение к мясу, как большинство людей не смогли бы выразить своё отношение к тому, что им приходится ложиться спать каждый вечер.

– Каково это – достичь профессионализма в деле, которому посвятил себя? И в какой момент понимаешь, что можешь считать себя профессионалом, не просто ремесленником, но творцом?

– На этот вопрос я ответить не могу. Я не считаю, что я достиг профессионализма. Нет предела совершенству, и я продолжаю учиться. Как только я начинаю считать, что знаю о чем-либо всё или почти всё, как жизнь доказывает мне обратное. Я не расслабляюсь ни на секунду, всегда есть куда стремиться, всегда можно и нужно пытаться наточить нож чуть острее, чем накануне.

– Насколько это творческая профессия – мясник? И какой уровень погружения в тему обещает Ваша книга? Сможет ли прочитавший её стать виртуозом?

– Профессия мясника, наверное, творческая, если дала мне материал для блога, для вот этой книги. Уровень погружения в тему... По колено? По шейку? Книга позволит узнать о мясе большую часть того, что знаю я. И даже если посчитать меня виртуозом, прочтение книги не поможет приобрести мышечную память навыков работы с мясом, но укажет путь её приобретения.

– Вы живёте и работаете в Монреале. Но и в России часто бываете, мастер-классы проводите. Намётанным глазом можете определить главные отличия в культуре потребления мяса в России и в Канаде? И ещё – каковы личные достижения русских и канадцев в искусстве приготовления мяса?

– На мой взгляд, канадцы с гораздо большей осторожностью относятся ко всяческим субпродуктам, требухе, с другой стороны, русская публика в массе своей с опаской пробует мясо с кровью. А если смотреть с творческой стороны, то в Канаде больше экспериментируют со всякими соусами и приправами, в то время как в России больше пытаются изобразить что-то из фарша. Но можно сказать, что домашние кухни имеют много общего – сказываются похожие климатические условия.

С КРОВЬЮ И БЕЗ

Ещё один блогер в обзоре – Катерина Сушко и её размышления «Ни рыбы, ни мяса. О вегетарианской пище и пище для души». Надо отметить, что «Эксмо» этой осенью радует интереснейшей подборкой кулинарных книг, написанных блогерами. Удивительные сочетания продуктов, готовка блюд экзотических кухонь в домашних условиях, иностранная кухня с русским акцентом и куда же без вегетарианских блюд! Не есть мяса или не употреблять в пищу продукты животного происхождения – это личный выбор человека. Мы сейчас не говорим о сознательности этого выбора, а о том, что спрос рождает предложение. Появилась у человека мысль, что отказ от рыбы, мяса (яиц и прочего) позволит достичь более высокой стадии душевного просветления, – хорошо, и не стоит его лишать удовольствия питаться вкусной едой. И здоровой, само собой. И тому и тому неофитов следует учить, потому что у организма своё отношение к решению мозга исключить из рациона важные продукты.

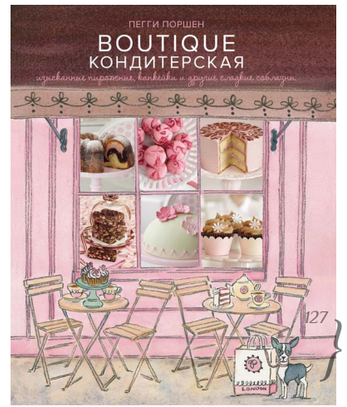
Катерина Сушко – заядлая путешественница, профессиональный фотограф, а ещё она вегетарианка со стажем. И обо всём этом рассказывает в своём блоге. Так и пишет: *«Мой путь к полному отказу от мяса длился года полтора. И вот уже два года я вегетарианка. Окончательно отказавшись от мяса и рыбы, я открыла для себя новый мир вкусов, текстур и ингредиентов. И очень хочу поделиться с вами этими находками, т. к. оказалось, что многие считают вегетарианство скучным поеданием зелёных листьев, и меня так и тянет этот миф разрушить»*.

Катерина не обличает в своей книге мясоедов и не захваливает вегетарианцев, у неё иная цель – позаботиться о тех, кто решил отказаться от мяса и рыбы в рационе, поддержать в этом начинании советами и рекомендациями, развенчать мифы о вегетарианстве и главное – научить разбираться в продуктах, которые могут заменить мясо и рыбу, чтобы готовить их не как попало, а с душой и для души. Их много, гораздо больше, чем может показаться, так что меню вегетарианца может быть таким же богатым и разнообразным, как и у человека, который ест всё подряд. И не забываем, что Катерина – путешественница, и чтобы не отказывать своим новым привычкам вдали от дома, она много знает о том, где и как находить правильную вегетарианскую еду в путешествиях.

Если обратиться к западному опыту – ведь все эти модные поветрия исходят как раз оттуда, – то полезной может оказаться книга Мэри Маккартни «Food. Вегетарианская кухня для дома». На обложке – хвалебный отзыв от Джейми Оливера. Но это пустое, главное – внутри. Во-первых, Мэри – это старшая дочь Пола Маккартни, того самого. Во-вторых, она пошла в своих родителей, ещё с детских лет, вслед за Полом и Линдой, приобщилась к вегетарианству. В-третьих, она ещё и профессиональный фотограф, поэтому не просто аппетитно рассказывает о еде, но и фотографирует её мастерски. В-четвёртых, это опять не обычная книга рецептов, а скорее – творческий дневник талантливого человека и семейный фотоальбом. Книга рецептов, фотографий и семейных историй.

Хватит о полезном. Следующая остановка – «Boutique-кондитерская» Пегги Поршен. Пегги пока ещё не так известна в мире кондитерском, как Ферран Адриа или Поль Бокюз – среди шеф-поваров, но её уютное кафе – одно из самых модных заведений Лондона. Британка – и знает о десертах, пирожных и прочих сладостях больше, чем главные кулинары планеты – французы? Нет! Но умеет подавать свои знания и навыки с особым шиком! Одна из её книг так и называется – «Сладкий шик». В новой же книге Пегги приглашает, пусть виртуально, побывать в её кондитерской, где она готовит каждый день удивительно простые сладости, но в искусстве подачи и украшения достигла высочайшего уровня мастерства. И смело делится

своими рецептами успеха со всем миром. Во-первых, ей не жалко, во-вторых, её не зря называют законодательницей мировой кондитерской моды – у неё ещё множество идей. А всем, кто хочет удивлять и удивляться, а то и задумывается о собственном небольшом кафе, книги Пегги Поршен, коих «КоЛибри» издали уже пять, очень пригодятся.

Следующая книга – это «последний звонок» перед тем, как в глазах от желания немедленных перемен в жизни погаснет свет и начнётся настоящий кулинарный спектакль. Для издательства Corpus книга «Парижанка. Город гурмэ» Триш Десен выглядит странновато, но лишь на первый взгляд. Это очень простая книга, но в этом её гениальность, точно бьющая в цель. Триш Десен – ирландка, но в Париже жила почти 30 лет, и за это время стала одной из лучших в мире кулинарных писательниц. И в этом невероятно сложном жанре Триш творит чудеса, так что французы, забыв на время о своей вечной вражде ко всему, что исходит с Британских островов, называют Десен великой парижанкой.

Что пишет парижанка о городе гурмэ? Обратимся к книжным форумам: *«В магазине книга лежала вместе с путеводителями… Она – это больше гид по ресторанам, кафе, гроссериям, брассериям, блинным, бистро, рынкам, магазинчикам, лавкам, а также о том, где прикупить сыра, вина, всяких гурманских продуктов, где мороженого поесть или попытаться накормить детишек, а, может, просто понаблюдать за прохожими, попивая кофеёк, где позавтракать, пообедать или поужинать. И всё это ОЧЕНЬ кратко, буквально в несколько предложений, с указанием адресов, телефонов».*

Так что в Париж едут не только за романтикой, модной одеждой и аксессуарами, за впечатлениями. В Париж едут и за вдохновением, в том числе – кулинарным.

MEDIUM RARE

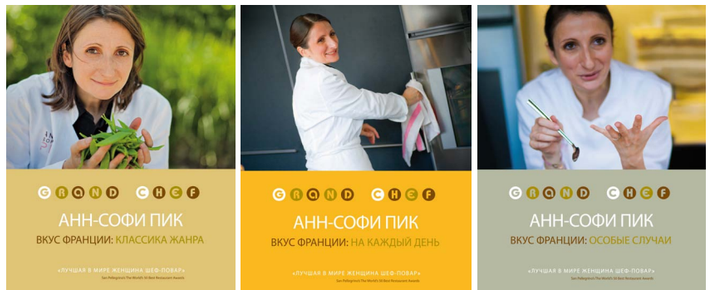

Теперь вы готовы творить, созрев для того, чтобы впитывать знания. Начните с «Практических основ кулинарного искусства» Пелагеи Александровой-Игнатьевой. Пелагея Павловна – гостья из такого далёкого ныне XIX столетия, не просто женщина на кухне, но настоящий педагог и преподаватель основ кулинарии. Главную книгу своей жизни она впервые издала в 1899 году, и до 1927 года её учебник по искусству кулинарии выдержал 11 переизданий. Затем – незаслуженное забвение, пока в 2014 году Corpus не вернули людям книгу о бытовом волшебстве. Пелагея Павловна считает, что книги рецептов – это для опытных хозяек, а всем, кто делает первые шаги на кухне, жизненно необходимы знания о технологии приготовления различных блюд. К примеру, кто думает о том, что есть некие общие правила обхождения на кухне с зеленью и овощами? Какая посуда должна быть на кухне? Как выбирать продукты, и главное – в каком объёме закупать их на семью, чтобы они не залежались прежде, чем их приготовят? Всё это кажется сегодня не столь важным? Но, позвольте, хозяйки, кто придумал, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок? Мысль можно продолжить: гармония в семье зависит от того, что происходит на кухне. Если там пицца и пельмени из магазина, то и члены семьи ищут тепло и уют на стороне. Кулинария – это искусство обретения гармонии в личной жизни, как бы смешно это ни звучало для приверженцев йоги, мотивационных тренингов и прочих «детей» общества потребления. Так что наши предки понимали больше нашего. Но не без сексизма, конечно. Чтобы не забывать о том, кто в кулинарном мастерстве достиг большего, в качестве приложения к книге Пелагеи Павловны предлагается под одной обложкой краткий популярный курс мясоведения Михаила Игнатьева – супруга кулинарного педагога.

Но женщины понемногу берут своё. Вот и Анн-Софи Пик – звезда высокой французской гастрономии. Точнее – три звезды. Именно столько эта леди-шеф получила от кулинарного гида «Мишлен». Это наивысший балл в кулинарном мировом рейтинге. И Анн-Софи – единственная француженка, удостоенная такой чести. Другими словами, дело она своё знает, поэтому её книгам можно доверять и использовать их не только как сборник интересных рецептов французской кухни, но и в качестве увлекательного учебного пособия. Анн-Софи Пик – настоящий талант: она упорная, смело переосмысливает классические рецепты и буквально одержима дерзостью не просто сочетать но-новому привычные ингредиенты, но и сами ароматы, и при этом основа её кухни – простота и воздушность. В «КоЛибри» всю эту дерзкую воздушность перевели на русский: вкус Франции в трёх вариантах – на каждый день, для особых случаев и классика жанра.

Тем, кто не желает пока забираться так высоко, или просто ленив, та же «Азбука» приготовила праздник лени. «Кухни мира. Набор из 9 книг». Испания, Таиланд, Англия, США, Япония, Мексика, Марокко, Индия, Италия – всё лучшее, чем славятся кухни этих стран в маленьких книжечках в виде национальных флагов. И всё это – в одном комплекте: и польза, и развлечение, и подарок отличный.

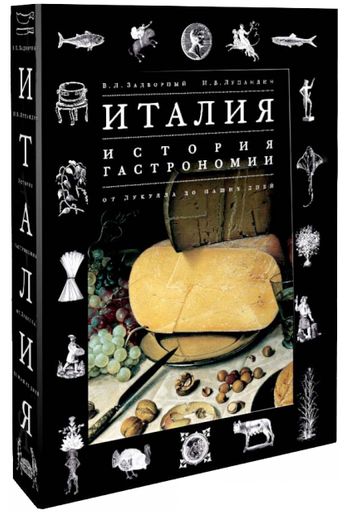
WELL DONE

Мы же разогрели свою страсть к кулинарии настолько, что полностью «прожарились». И теперь, ощущая общую сытость и довольство тем, какие невероятные возможности раскрываются перед нами, стоит нам лишь захотеть, хотим взять передышку и просто созерцать. Подайте нам настоящее кулинарное искусство! Так и будет, но надо предупредить: сами захотели!

Самые дорогие, во всех смыслах, книги кулинарного обзора. Начнём с обманчиво простой, как всё азиатское, книги Нобуюки Мацухисы «Нобу. NOW». Нобуюки – самый известный в мире мастер по приготовлению суши. И он же – один из величайших мировых шефповаров в области так называемой инновационной кухни. Настоящий японец, плоть от плоти своей страны, наполовину – достигший совершенства традиционалист, наполовину – не ведающий покоя ниспровергатель тезиса о том, что есть предел человеческим воле и достижениям. Более полувека Нобуюки Мацухиса учится готовить еду из простых ингредиентов так, чтобы это не было похоже ни на что. И поэтому каждое его блюдо подобно шедевру живописи в картинной галерее. Довольно дерзко и необдуманно будет пытаться повторить это дома, но полистать альбом необыкновенных кулинарных находок и изобретений в поисках вдохновения – всегда можно.

И уж точно возможно обострение комплекса собственной неполноценности от книги «Италия. История гастрономии от Лукулла до наших дней» кандидата философских наук Виталия Задворного и доцента кафедры философии МФТИ Ивана Лупандина. Это самая дорогая книга обзора – более 3 500 рублей. И самая правильная книга о кулинарных пристрастиях не просто целого народа, но и о том, как то, что ели итальянцы, влияло на их философию, склад ума, образ жизни, на их отношение к миру и к себе, на всю историю Италии – от Римской империи до империи моды и пиццы. Живопись, архитектура, скульптура, музыка, литература – в этом жителям «сапога» всегда было чем удивить мир. И Задворный с Лупандиным уверены и докажут наглядно, что это отчасти связано с богатейшими достижениями итальянской гастрономии. Не пытайтесь запомнить все названия итальянских макаронных изделий – просто повторяйте их, как музыку, произносите вслух наименования их сыров, вин и специй. И снизойдёт на вас вдохновение! А чтобы ощущать радость и вкус от жизни более полно, подарите себе или близким книгу о философии итальянской гастрономии.

После такого напряжённого экскурса в мир гастрономических шедевров необходимо расслабиться, для чего стоит позволить себе запить вкусы и ароматы еды бокалом идеально подобранного вина. Вы ничего не понимаете в вине, знаете лишь, что оно бывает красным или белым, а о существовании жёлтого десертного или розового не подозревали? Вы не отличите гави от шабли, а при слове каберне вспоминаете только песню «Сектора Газа»? Никогда не поздно учиться! Хороших книг о вине практически не встретишь, но они есть. В основном это или гиды по винным регионам, или чисто мужские книги о виски или коньяке. Так что выбирать алкогольные напитки и, в частности, вино по таким книгам люди немного научились, а вот культура потребления – это ещё долгий и трудный путь на данном этапе изучения содержимого бутылок. «Искусство дегустации. Трёхъязычный словарь дегустатора с комментариями» Юрия Зыбцева – вот ответ. Эксперт по французским винам и более крепким напиткам не будет пудрить голову тонкими нюансами вин с разных виноградников одного региона, он просто научит их дегустировать. Все основные термины и правила – дегустации и хранения вина, классификация запахов и прочие технические, но важные детали делают эту книгу отличным подарком для всех, кто не просто хочет жить лучше, но и готов лучше видеть и понимать мир. А одно без другого никак, как вкусная еда – без души и таланта повара. Если об этом не забывать, всё на кухне и в жизни будет well done.

Искал новые вкусы и запахи Александр Правилов

МИР ВОКРУГ

ЭЛЕМЕНТЫ МИРА

Последний удар по спящим сознаниям тех, для кого вершина творчества – разгаданный сканворд, отправленное в бесплатную газету на конкурс домашних любимцев фото или замена фона на странице своего профайла в Facebook. Но даже такие люди – их, увы, большинство – верят в чудеса. Возможно, одна из книг финального тематического обзора сотворит маленькое чудо. Давайте проснёмся, снова станем любопытными детьми, посмотрим в окуляр калейдоскопа, но теперь с пониманием принципа его работы.

ВНУТРЕННИЙ МИР

Всё начинается с мысли. Согласно теории биоцентризма (о ней мы поговорим позже, оставив на десерт), Вселенная развивается (расширяется, усложняется: нужное подчеркнуть) только благодаря тому, что мы, люди, ведём свою разумную деятельность. Но так вышло, что сам человек до конца так и не разобрался, как работает его мозг. Порой проще понять, о чём думают или чего хотят другие люди (в таких случаях говорят: «Я же тебя знаю!»), чем разобраться в себе, навести порядок в своей голове. А это очень важное и полезное занятие! Иначе невозможно разобраться в том, что конкретно ждёшь от жизни и как этого достичь. Потому что всё начинается с мысли – мечты и желания, планы и поступки, самореализация и самовыражение. Но первая мысль такая: «Почему я об этом думаю?»

РАЗУМ

И разобраться в «почему» и «зачем» будет проще с книгой Риты Картер «Как работает мозг». Издательство Corpus среди великого множества книг о мозге нашло ту, что идеально подходит теме этого номера журнала. Лучшая аннотация данного журналистского расследования о работе мозга приведена на обложке: «Восхитительный рассказ о том, как ландшафт мозга определил наше поведение и культуру… Но в книге Картер нет детерминизма, она не низводит человека до положения лабораторной крысы. Эта книга – скорее руководство пользователя». И не инструкция, а иллюстрированный путеводитель по отделам и потайным комнаткам мозга, во многие учёные уже научились заглядывать, но сложить общий «план дома» ещё только предстоит. Как работает память? Откуда берутся вредные привычки? Почему человека мучают фобии? Действительно ли женщины думают иначе, чем мужчины? Не стоит воспринимать книгу, как научную работу по нейробиологии, но как наглядный гид по мозгу – вполне. С этой книгой будет трудно заблудиться в собственных мыслях. Если же мыслей в голове больше, чем нужно, и от этого мозгу плохо до такой степени, что без перезагрузки не обойтись, помогут Маджит Футих и Кристина Бреда Антониадес с медкитом «Прокачай свой мозг. Стань умнее!». И здесь тоже мозг представлен в виде живого компьютера, которому порой необходима профилактика, апгрейды и, конечно, очистка от скопившегося мусора.

Все слышали, что у человеческого мозга – огромный потенциал и бесконечные резервы, а загружаем мы свой «компьютер» хорошо если на 8–10 процентов. И даже при столь поверхностной нагрузке мозг порой закипает и отказывается работать, память сбоит, а новая информация не усваивается. Если с компьютером всё решается просто – ремонтом или заменой, то голову не поменяешь. Или можно? Опытный невролог Маджит Футих научит, как за три месяца на ощупь и в любое время дня и ночи находить в своём (не в её, а в вашем) мозгу волшебные тумблеры, включающие память, воображение, осознание и концентрацию. Единственное ограничение книги – её можно рекомендовать тем людям, у кого в голове уже накоплен определённый опыт и знания, что обычно происходит годам к 30. Где-то начиная с этого возраста, мозг человека начинает требовать к себе всё больше внимания, поскольку при неправильном обращении начинает напоминать захламлённую библиотеку, где книги расставлены в беспорядке, а картотека бессистемна. И мыслям в такой голове тесно и неуютно. Расставить всё по местам и зарядить голову, если не до уровня Майка Росса из сериала «Форс-мажоры», то хотя бы до её состояния в лучшие для владельца мозга дни, – для этого и нужна программа оптимизации работы мозга, представленная в новинке издательства «Питер».

ЭМОЦИИ

Теперь, когда никаких тёмных пятен и заблуждений в отношении собственного мозга не осталось, пришло время покопаться в сфере эмоций. Здесь тоже кроется немало заблуждений, мешающих человеку адекватно воспринимать других людей и окружающий мир, но главное – себя. Тот же «Питер» предлагает подумать об этом вместе с Полом Экманом и его книгами – «Психология лжи» и «Психология эмоций». Книги не новые – очередные переиздания мировых бестселлеров, но и автор совсем не новичок. Пол Экман с 50-х годов прошлого века, ради американской демократии и безопасности, занимается исследованиями в сфере человеческих эмоций. Он столько лет всматривался в лица, следил за жестами и едва уловимыми микродвижениями и мимикой, что научился распознавать ложь ещё до того, как человек подумает солгать. Так что Экман и себя давно не обманывает, и другим этого не позволяет. Несколько лет назад довольно популярен был сериал «Обмани меня», где роль живого детектора лжи, доктора Лайтмана, уверенного, что все люди лгут, исполнил Тим Рот. Прообразом доктора стал Пол Экман.

В настоящее время способности Экмана востребованы в ЦРУ, ФБР, в политической сфере, в юридической практике – везде, где одни люди пытаются уличить других во лжи, или, наоборот, не позволить распознать свои намерения. Экман разработал золотой стандарт для интерпретации любого выражения лица, которым пользуются сегодня актёры, медики, педагоги, полицейские, даже писатели, когда им нужно в точности перенести на бумагу какую-нибудь эмоцию. Так что без книг Экмана не стоит и пытаться убедить кого-то в искренности своих намерений и в правдивости творческих изысканий.

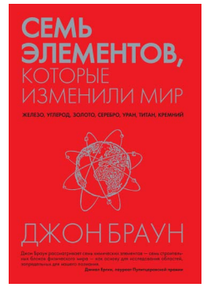

МИР ВОКРУГ

Научившись смотреть в себя и в глаза другим людям, можно переходить к изучению окружающего мира. Он невероятно разнообразен и многолик. Но в основе всего на свете – одни и те же элементы.

МИР ИЗ КУБИКОВ

«Семь элементов, которые изменили мир» в версии Джона Брауна, бизнесмена, инженера и историка, на протяжении 12 лет возглавлявшего нефтяной гигант British Petroleum – это железо, углерод, серебро, золото, уран, титан и кремний. Промышленная революция, самый мощный источник энергии, средство для сбережений, движущая сила глобальной экспансии, атомная энергия, изменивший облик XX столетия металл и обычный полупроводник, передвинувший цивилизацию с промышленной «клетки» на информационную. Эти элементы формируют общественную, экономическую и культурную стороны жизни в современном мире. Они двигают прогресс и толкают человечество к гибели. Используя их, человечество стремится к новым пределам – знаний, богатства, власти и влияния. Добывая их, люди создают новые отрасли промышленности и города, но и разрушают то, чем создавалось далёкими предками и самой природой на протяжении многих веков. Эти семь элементов, как и любой талант, которым наделён человек, могут одновременно возвысить и низвергнуть в пропасть.

МИР ОЩУЩЕНИЙ

«Восток, запад и секс. История опасных связей» Ричарда Бернстайна – книга о, пожалуй, главнейшем элементе, благодаря которому человеческая цивилизация появилась и до сих пор существует. Секс и отношение к нему – источник вдохновения и причина нижайшего падения человеческого духа и разума, причина и следствие множества человеческих горестей и страданий, объединяющий и разъединяющий напрочь фактор для людей разных культур, мировоззрений, цветов кожи и языковых групп. А Бернстайн соединил несоединимое – бывший журналист Time и The New York Times, долгие годы жил и работал в различных мусульманских и азиатских странах, оставаясь при этом типичным англосаксом. Как красиво отметил автор рецензии на сайте LookAtMe: *«Отбросив ханжество и чванство, Бернстайн пытается показать изнанку раскола между христианской этикой целомудрия и торжеством чувственных наслаждений Востока»*. Но книга не только о том, как белые люди, с библиями под мышкой, пугливо изучали мир гаремов и сексуальных табу цветной планеты, попутно открывая для себя, порой заново, новые стороны в общении с детьми и лицами одного с собой пола. Рассказывая о сложных, но увлекательных отношениях европейцев и азиаток, автор из любовного треугольника выстраивает хрупкую, но огромную пирамиду сложных и порой не поддающихся логическому обоснованию современных отношений между Западом и Востоком, христианской моралью и этикой чувственности в мусульманской и прочих религиях, европейским культом тела, американским – денег и культом духа всего остального мира.

МИР ДЕЙСТВИЙ

Без передышки бросаемся от одной новинки Corpus к другому увесистому тому – «Цивилизация. Чем запад отличается от остального мира» Ниала Фергюсона. Шотландец Фергюсон с завидным

постоянством будоражит весь цивилизованный мир по обоим берегам Атлантики. Его даже называют Джереми Кларксоном мировой истории (кто знает, о ком идёт речь, тот шутку оценит). Фергюсон порой бывает излишне категоричным, почти снобом, и путает личное отношение с фактами, но пишет, надо признать, отменно. Читаешь, как он восхваляет Британию, которая и сегодня всего лишь дремлет, но не умерла, или как рассказывает о восхождении денег – от ракушек и камушков до виртуальных потоков, способных в один миг погрузить планету в пучину финансового кризиса, – и от по-британски суховатых, но по-американски рассчитанных на эффект фраз не оторваться. О связи секса с прогрессом и регрессом цивилизации он не писал, но в шести «ключах», разбросанных по одному довольно увесистому тому, в свойственной ему манере закрывать руками глаза собеседника, автор доказывает, почему в эпоху великих географических открытий слабый и маленький Запад уложил на обе лопатки азиатского дракона и льва мусульманского Востока. Главный ключ ко всей книге – протестантизм. Больше спойлеров не будет. Увлекательное чтиво – без дураков и не для них же! Иначе кто-то может принять всё написанное за чистую монету. Но зато мировую историю в такой позе не видел ещё никто. (Кстати, на карте мира Фергюсона почти нет России.)

МИР ЛЮДЕЙ

Раз уж речь пошла о британском восприятии мира и места Британии в глобальной исторической перспективе, то как вам покажется книга Агаты Кристи «Большое путешествие» с подзаголовком «Вокруг света с королевой детектива»? Нам показалось так: ничего себе! Пока коллеги по цеху отыскивают на чердаках неизвестные рукописи великой Агаты, в Corpus нашли и бережно сдули пыль с настоящего путевого дневника бабушки мирового детектива.

Без шуток – такой Кристи никто ещё не видел! Аннотация The Washington Post раскрывает главную тайну сразу: *«В этой книге – ни одного убийства. Но есть впервые опубликованные письма, отрывки из автобиографии и чёрно-белые фотографии, сделанные Агатой Кристи и её первым мужем Арчибальдом»*.

В этой книге собраны письма, написанные Агатой Кристи в кругосветном путешествии, куда она с супругом отправилась в 1922 году. За 10 месяцев Агата и Арчибальд побывали в Африке, Австралии, Новой Зеландии, увидели Гавайи и Канаду. Поэтому в книге много фото. Но рассказы королевы детектива об увиденном за морями куда живее и нагляднее любых фотографий. В них есть наблюдательность, остроумие, а порой и язвительность – всё то, из-за чего Агата Кристи была и остаётся несравненным беллетристом.

Издание подготовил внук Агаты Кристи Мэтью Причард. Путешествие Нимы по Британской империи теперь начинается и для вас…

Когда-то Британская империя занимала территорию почти всего земного шара, предлагая любые товары, которые только мог себе представить человеческий разум. Колосс пал, пришло время Интернета, где образовались свои империи – Amazon, например, где сегодня купить можно всё, за исключением рабов. Книга «The everything store. Джефф Безос и эра Amazon» Брэда Стоуна – история успеха и журналистское расследование одновременно. Всё, что так любит современный читатель биографического нон-фикшена. Как начинался Amazon, как избежал краха и обошёл всех конкурентов, став крупнейшим в мире продавцом всего на свете – это один пласт книги. История Джеффа Безоса – генератора идей, ниспровергателя основ, человека, да, всего лишь человека – второй пласт, и куда более важный. Amazon сегодня – это не только интернет-магазин планеты Земля, но и целый холдинг, куда входят бизнесы по разработкам в сфере робототехники, облачных технологий, проекты по освоению космоса и СМИ. Но всё начиналось с человека, с Джеффа Безоса, вокруг которого появлялись другие люди, без которых проект не стал бы одним из лучших в мире старт-апов. И на пути к вершине было много ошибок, конфликтов, столкновения мнений и интересов, много разговоров и много работы с людьми. И об этих ошибках и о выводах из них и рассказывает автор, поэтому книгу нельзя считать ещё одной банальной биографией успешного человека, а скорее – учебником по творческому ведению бизнеса.

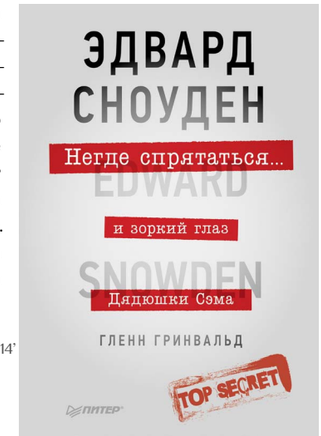
А как творчески управлять городом, ещё и одним из мировых культурных и финансовых центров? Об этом – книга «Лондон по Джонсону. О людях, которые сделали город, который сделал мир». «Неугомонный мэр» – так называли Бориса Джонсона все подряд: журналисты, друзья и недоброжелатели, политики и музыканты, главное – сами лондонцы. Мэр все годы своего управления городом принципиально передвигался по улицам только на велосипеде, поэтому знает Лондон изнутри и снаружи, сверху и снизу. Но эта книга – не пособие для градоначальников, а один из самых увлекательных и ярких путеводителей, которые когда-либо появлялись на книжных прилавках. Борис Джонсон не просто вёл «кораблик» Лондона через

рифы и туманы многополярного мира, он изучал город во времени и пространстве, в биографиях великих лондонцев и в достижениях простых людей. И теперь представляет самый подробный «генеральный план» бывшей столицы Британской империи, попутно беседуя с читателем о медицине, архитектуре, инженерном деле, музыке, литературе, финансах, живописи.

МИР КОНТРОЛЯ

А вот другой взгляд на мир – всю западную цивилизацию в целом и отдельно – на каждого обитателя больших городов и затерянных в пустынях деревень. С прискорбием отмечаем, что за нами следят, – и это не конспирология, и точно не паранойя. *«Правительство США совершенствует технические возможности, позволяющие следить за электронной коммуникацией… Эти возможности могут в любой момент быть обращены против американцев, и ни один американец не может считать себя полностью свободным от слежки: прослеживается всё – телефонные разговоры, телеграммы, – абсолютно всё. От слежки не спрятаться»*. С этой цитаты американского сенатора Фрэнка Чёрча начинается книга журналиста Гленна Гринвальда «Негде спрятаться… Эдвард Сноуден и зоркий глаз дядюшки Сэма». Гринвальда называют одним из ведущих интеллектуалов современного мира, а герой его книги, Эдвард Сноуден, для официальной Америки – Иуда. Для одних – Прометей, для других – Павлик Морозов. Но кто он на самом деле? Зачем ему это всё было надо? Почему Сноуден решился на столь отчаянный шаг? Реально ли в мире некуда спрятаться от всевидящего ока Большого Брата? Безопаснее ли жить в мире, где за каждым следят? И возможно ли знать о каждом жителе Земли всё? Гринвальд – единственный человек, которому Эдвард Сноуден доверил рассказать всё, что знает сам. Эта книга – не домыслы или дайджест информации, собранной из разных источников. Это единственная книга о Сноудене, которую он сам лично доверил написать тому, кому можно доверять – Гленну Гринвальду. Вряд ли книга перевернёт чей-то мир, но следить за своими словами, как и знать им реальную цену, научит.

Кстати, фразу, вынесенную в эпиграф, сенатор Чёрч произнёс в 1975 году.

В один тугой узел – из Интернета и американской демократии – хочется связать две очень разные книги, завершающие вторую часть обзора: «Нерассказанная история США» Оливера Стоуна и Питера Кузника, «Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети» Евгения Морозова.

Монументальное исследование кинорежиссёра Стоуна коснулось только тёмных сторон американской истории конца XIX и всего XX столетий. В массивном книжном томе и 10-серийном телевизионном цикле представлены только ошибки и заблуждения американской внешней политики и народа самой амбициозной страны в мире. Стоун и Кузник намеренно умалчивают о реальных победах и мудрых стратегических решениях, поскольку они говорят сами за себя, а вот ошибок своих США стремится не признавать, более того – не замечать, а то и обвиняет в них совсем других. Всё – как в Интернете. Только это происходит в реальном мире, здесь и сейчас. Книга режиссёра и историка охватывает чуть более века истории США, но за это время американцы успели наследить достаточно. Вся современная история Америки – попытка найти баланс между светом и тьмой, но так не бывает, потому что у всего на свете – есть чёткая цель, посыл и идея. Идея всей книги укладывается в две цитаты, между которыми 80 лет.

Президент Джон Куинси Адамс (1821 год): *«Да не станет Америка искать зло на чужбине, ибо ввергнет её это в пучину неправедных войн и интриг, алчности, зависти и амбиций, стирающих грань между добром и злом и разрушающих сами основы свободы, на которой построена американская политика, и политика эта незаметно станет политикой силы»*.

Сенатор Альберт Беверидж (1900 год) (из речи после посещения захваченных США Филиппин): *«Тихий океан – наш океан. Европа производит всё больше и больше товаров и скоро будет сама покрывать почти все свои потребности, получая львиную долю сырья из своих колоний. Где же мы сможем сбывать излишки своего производства? Ответ на этот вопрос даёт география. Нашим естественным потребителем является Китай… Войны теперь будут вестись преимущественно за рынки сбыта. И господствующее положение в мире займёт та держава, которая подчинит себе Тихий океан… Бог сделал своим избранным народом американцев, которым Он предназначил вести к возрождению весь мир.*

Такова божественная миссия Америки, и она сулит нам высшую выгоду, славу и счастье, о каких только может мечтать человек. На нас возложено руководство прогрессом человечества, мы стоим на страже справедливого мира на Земле. Это о нас сказал Господь Бог: "В малом вы были верны, над многим вас поставлю"».

И для финала – цитата самого Оливера Стоуна: *«В школах не поощряется критика США: учебник по американской истории – это сборник рассказов о торжестве Америки. Страх, кровь и ужас из истории исключаются. Мы считаем, что всё это должно остаться, чтобы дети имели реальное представление о событиях прошлого».*

То, что насаждаемые мечом демократические ценности к лучшему мир не меняют, непонятно до сих пор лишь тем, кто не пробился в «золотой миллиард». Но есть ещё одно заблуждение: информация и её повсеместное распространение даёт человеку свободу. Но уже очевидно, что свобода в Интернете не делает людей свободными.

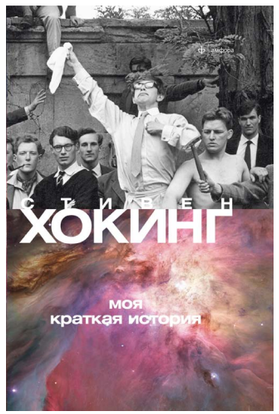
Об этом книга американца Евгения Морозова (он родом из Белоруссии), политолога, журналиста и известного критика современных технологий – киберскептика. Предупреждаем сразу: в данной книге нет историй о том, как смелые и юные анонимусы свергают тиранов и взламывают базы данных ЦРУ, но очень много серьёзных рассуждений о глобальной политике. И главный вывод книги довольно неутешителен для тех, кто думает, что через «Твиттер» возможно добиться сноса старых представлений о мире и построить brave new world. Киевские студенты осенью прошлого года тоже так думали. И на Ближнем Востоке «чирикали», но начирикали не свободу, а ИГИЛ. Свобода информации в Интернете не способствует крушению авторитарных режимов и никого не освобождает, но в каких-то случаях, наоборот, делает эти режимы сильнее. Обратная сторона Сети – безответственность анонимных пользователей ведёт не к вседозволенности, а ко всё более тотальному контролю и такой же деградации всех общественных норм и институтов. 500 страниц не абсолютной истины, но горькой правды, которую, по мнению The Boston Globe, надо заучивать наизусть всем потенциальным твиттер-революционерам, если они однажды не хотят проснуться не в башне из стекла и стали, а в глиняной мазанке. Мир не прощает ограниченности и слепого доверия технологиям. Надо расширять собственные представления о нём.

МИР ЗА ПРЕДЕЛАМИ

Кто больше всего сегодня знает о мире за пределами привычных представлений о нём? Стивен Хокинг, человек, бросивший своей жизнью вызов многим и многому – Эйнштейну, неизлечимым болезням, самому Богу. И как мало известно о самом Хокинге за пределами его научных изысканий, в которых, правда, можно немного почерпнуть информации о самом Стивене: его книги, как и их автор, как бы это мягче сказать, слегка в гробу видят всех, кто думает иначе. Издательство «Амфора» однажды весьма удачно выпустила все главные научные работы Хокинга. Теперь пришёл черёд, вслед за краткой историей времени, рассказать о себе.

«Моя краткая история» Стивена Хокинга – предельно искреннее и, возможно, даже откровенное путешествие по вселенной одного из самых активных умов нашего времени, а также подробная хронология достижений, заблуждений и ошибок. Хокинг, к его чести, никогда не старался нравиться людям, он даже не считал должным всегда оставаться верным одним и тем же убеждениям и научным теориям. Фото на обложке книги – именно таким представляется в своих текстах и взглядах на мир вокруг себя и далеко за пределами человеческого восприятия учёный, который стал одновременно заметным именем в мировой науке и одним из растиражированных образов массовой культуры. Если в научных трудах Хокинга почти нет формул и схем, то в биографии он отыгрался по полной: фотографий здесь много. Он рассказывает о себе просто, без утайки и, как ему свойственно, с юмором – о своих родителях, о детских годах, о студенческой жизни и даже о том, как был рулевым в Оксфордском гребном клубе; о первой любви, о своей жене и троих детях и о втором браке. Конечно, о болезни и о противостоянии ей. И о том, что сохранило ему веру в себя и жизнь – о науке и своих исследованиях.

Хокинг – светило теоретической физики. Он не только популяризатор науки, своими исследованиями он вдохновлял множество людей на творчество. К примеру, один из лучших альбомов инструменталиста Жана-Мишеля Жарра, Chronologie, был написан под влиянием «Краткой истории времени».

И точно под влиянием Хокинга и успеха его книг множество учёных во всём мире сегодня пишут не только статьи в научные журналы и выступают на закрытых конференциях, но и стараются расширить представления людей о мире, космосе и вселенских законах.

Подвигу этих людей посвящена занимательная и познавательная серия New Science, выпускаемая в издательстве «Питер». Книг в серии ожидается много, мы представим три.

Британский астрофизик Педро Феррейра задумал совершить практически невозможное – объяснить на пальцах общую теорию относительности Альберта Эйнштейна, представить её сильные и слабые стороны и показать, насколько далеко сегодня продвинулись учёные в деле создания единой теории всего, которая объясняла бы всё сущее.

«Идеальная теория. Битва за общую теорию относительности» – ключ к целому миру. Как пишет автор, *«наградой за покорение общей теории относительности Эйнштейна становится ключ к пониманию истории Вселенной, возникновению времени, эволюции звёзд и галактик. Эта теория может рассказать, что находится в самых дальних уголках Вселенной, и объяснить, как это влияет на нашу жизнь».*

Ещё дальше пошёл профессор Принстонского университета (в кампусе университета располагался с 1933 года рабочий кабинет Эйнштейна) Стивен Габсер. В книге «Маленькая книга о большой теории струн. В поисках принципов устройства Вселенной» ёмко, доступно и занимательно изложена основа самой сложной физической концепции – теории струн, или теории всего, с помощью которой учёные стремятся описать все фундаментальные силы взаимодействия во Вселенной, на которых держится всё. Габсер называет теорию струн магией, которую до конца не понимают те, кто её практикует. Теория струн обещает очень многое – если людям удастся собрать все знания в одну теорию, они станут властелинами Вселенной. И осталось сделать всего несколько шагов, если, конечно, человечество не идёт в обратную сторону от познания.

Опасность такая существует, но от неё легко отмахнуться теорией биоцентризма. Финальная книга обзора – «Биоцентризм. Как жизнь создаёт Вселенную» бакалавра и магистра медицины Роберта Ланцы и астронома Боба Бермана. Это книга о Вселенной, но не о холодном безбрежном пространстве звёзд, планет и рассеянной в бесконечности тёмной материи, а о вселенной человека. Согласно теории биоцентризма, жизнь и сознание определяет формирование и развитие Вселенной, а не наоборот – химические взаимодействия базовых химических элементов создают, по какой-то необъяснимой прихоти, всё более сложные структуры. Такой концепции сегодня, как когда-то – теории Дарвина о происхождении видов, нелегко проложить себе путь в большую науку. Авторам даже приходится во введении предупреждать, что читатель держит в руках не очередное откровение адептов нью-эйджа, а исследование, основанное на академических научных данных. Просто, по мнению сторонников этой теории, окружающий мир совсем не таков, каким его описывают в школьных учебниках и каким представляют его учёные теории. Лучше всего содержание книги, которая у многих может выбить почву из-под ног, описывает изречение трансценденталиста Ральфа Эмерсона: «Разум – это Единство, а природа – его отражение».

Не будьте же всего лишь отражением в чьих-то глазах, пусть ваше «я» отражается в сознании и в эмоциях других людей через нечто, созданное вами в симбиозе вдохновения и таланта.

Забил себе и другим голову Александр Правилов

ДО НОВОГО ГОДА – И ДАЛЬШЕ

До новогодних каникул и на всю оставшуюся зиму хватит осенних книжных новинок. В 40 абзацах – почти все важные книги сезона.

Патрик Макдоннелл «Искусство»

Начинаем с книг для детей. Первая новинка – о радости свободного творчества, чему, собственно, посвящён весь журнал. Как всегда, у «Поляндрии» книжка не простая, а с дальним прицелом: нельзя скучающе отмахиваться или снисходительно относиться к тому, чем увлечён ваш ребёнок, особенно, когда он искренне желает поделиться своим первым шедевром. От родителей зависит, не станет ли он и последним. И первая выставка – всегда на холодильнике!

Уильям Джойс «Фантастические летающие книги мистера Морриса Лессмора»

Мультфильм о летающих книжках два года назад получил «Оскара» и 14 наград на различных фестивалях. После фильма вышло приложение для планшетов Apple. И вот – бумажная книга. Чудесная история, которая закружила героя ураганом «Катрина» и перенесла в мир «Волшебника Изумрудного города», только вместо дороги из жёлтого кирпича – летающие книги, обитающие в большом доме. Книги обо всём на свете, и каждая книга – чья-то жизнь, драгоценная и неповторимая. И им очень важно, чтобы их кто-то читал, слушал их истории. И создавал свою, которая, после того, как творец уйдёт дальше, вдохновила на создание новой истории юного мальчишку или девчонку.

Ребекка Макритчи и Селеста Халм «Великое открытие Эдварда»

В доме, похожем на музей, в котором живёт семья археологов, однажды дождливой ночью мальчик Эдвард обо что-то споткнулся. Этим чем-то оказалось яйцо, из которого вылупляется необычная птица. Она станет мальчику другом и хорошим помощником в поисках какой-нибудь археологической редкости. Если Эдвард что-то этакое откопает, он сможет назвать себя важным учёным, совершившим открытие. Но он не подозревает, что главное открытие он уже сделал. Оно находится рядом. Это книжка о дружбе – с научной точки зрения.

Палома Санчес Ибарсабаль и Иван Барренетксеа «Кит и охотник»

Как последний лист на дереве – светлая, завораживающая и чуть грустная история о двух одиноких существах. Старый морской волк и потерявший свою стаю во время шторма кит в море из листьев и подсолнухов. Моряк пытается выследить кита, а по ночам растворяется в звёздном небе. Солнце и луна наблюдают за этими поисками, которые завершаются совершенно неожиданно.

Дэвид Меллинг «Как медвежонок ходил в гости с ночёвкой»

Все помнят историю о том, как Винни-Пух с Пятачком ходил в гости к Кролику. Сначала медведь съел все припасы хозяина норки, а потом на выходе застрял. В истории Дэвида Меллинга было ещё интереснее: вместе с большим мишкой в гости к Кролику пришли десяток маленьких барашков. Это не первое приключение большого, доброго и лохматого медвежонка Дугласа, возможно, будут и новые книжки.

Михаэль Энгер и Жоэль Турлоньяс «Фантастический слон»

Ещё одна история о дружбе, необычных находках и удивительных путешествиях. И об обретении знания о том, что друг появляется тогда, когда ты перестаёшь всё в мире делить на «моё» и «хочу, чтобы это было моим». И начинается всё с коробки, пришедшей не по адресу, в которой был говорящий плюшевый слон.

Оливер Джефферс «Дорога домой»

Давние друзья «Поляндрии» хорошо знают мальчика, к которому однажды в дверь постучался пингвин. Всё началось с истории о том, как мальчик и пингвин искали дорогу на Южный полюс, а потом, оказалось, что так сдружились, что порознь им уже не прожить. Потом были новые приключения – и вот ещё один незнакомец, которому надо попасть домой. Однажды мальчик встретил пришельца, а это означает, что у него появится новый друг. Ещё одна история о дружбе и о том, как важно порой протянуть руку тому, кто нуждается в поддержке.

Алис Бриер-Аке и Мелани Аллаг «Принцессы. Инструкция по применению»

А вот ещё один мальчик, у которого дома всегда аншлаг. То дракон прибьётся к порогу, то принцесса. Как с ними себя вести? Чем они питаются? Где постелить им на ночь? И как быть, если они расшалятся? Рисованная инструкция по воспитанию драконов дома стала настоящим хитом для всех членов семьи. Теперь – очередь принцесс. Даже кот включился в воспитательный процесс.

Андреас Х. Шмахтл «Приключения Юлиуса Одуванчика. Спасти Новый год»

Чуть не забыли: Новый год ведь на носу! Снег уже кружится на улице, а у Юлиуса Одуванчика его нанесло столько, что, заигравшись в снежки, семейство кроликов напрочь забыло о ёлке, без которой праздник не начать. Юлиус спасёт всех! Но на этом его приключения не заканчиваются. У Андреаса Шмахтла есть три любимых героя – мышка Тильда, лягушонок Иероним и кролик Юлиус, о котором он сочинил несколько историй. Надеемся, «Поляндрия» расскажет нам их все.

«Тётушка Тигрица и другие сказки»

«Росмэн» в серии «Мастера иллюстрации» выпустила чудесную книжку китайских народных сказок в переводе Дмитрия Коваленина, более известного в качестве автора переводов книг Харуки Мураками. И в этой книжке – совершенно невероятные иллюстрации китайской художницы Эвы Ван. Стоит помнить, что у китайцев свои особенности воспитания детей, поэтому кое-что в их сказках может показаться суровым.

Эдуард Успенский «Микрочеловечки»

А у старого доброго Успенского всё привычно. Необычно. Интересно. Папа Чебурашки, кота Матроскина и придумыватель Фиксиков обращается к модной сегодня теме нанотехнологий. Нет, он не рассказывает о первом русском мобильном телефоне, а всего лишь о герое, который однажды открыл для себя удивительный мир: улицы, дома, машины, люди – всё это живёт, меняется, только очень маленькое. Как городок в табакерке, только вот не сон…

Давид Самойлов «Слонёнок пошёл учиться»

А вот книжка прямиком из 60-х. Точнее – начиналось всё с музыкальной аудиосказки на музыку Бориса Чайковского. Следующему поколению детишек уже досталась книжка и

мультфильм о слонёнке, который так хотел в школу, что готов был учиться даже с медведями, но они впадали зимой в спячку. Пришлось идти в мышиную школу, где учителем был сурок. И вот пришло время пьесе-сказке в стихах заняться воспитанием очередного поколения малышей. Кстати, весьма полезная книжка для развития артистических способностей.

Светлана Таова «Белочка и старуха Агата»

А это – сказки нового времени. Финалистка конкурса «Новая детская книга» и иллюстратор Ольга Громова представляет вниманию читающей публики историю о старушке Агате – волшебнице и моднице. Однажды Агата случайно превращает бельчонка в девочку. Так у колдуньи появляется ученица. Как-то девчушка наедается сонных ягод, и её находит спящей в лесу научная экспедиция. Девочку забирают в город и отдают в приют. Но она-то не обычная сиротка, а волшебница и белочка. И ей не нравятся приюты и брошенные дети, поэтому приходится начать творить чудеса.

Владислав Ванчура «Кубула и Куба Кубикула»

Плюс одна ностальгическая книжка – ещё и с иллюстрациями папы Кротика, Зденека Милера. «Росмэн» предлагает вспомнить историю о медвежонке Кубуле и медвежатнике Кубе Кубикуле. На родине, в Чехии, эта сказка Ванчуры считается классикой детской литературы. В нашей стране последний раз книга издавалась в 1984 году. Так что для детей это издание будет хорошей возможностью узнать, какие сказки слушали их папы и мамы, когда были маленькими.

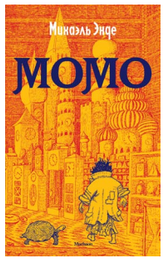
Эдгар Вальтер «Поки»

И ещё одна возможность кому-то воскликнуть: «Та самая книжка!» Только этот кто-то уже взрослый, но помнит, какие необычные книжки ему иногда попадались в детстве, помимо историй о Красной шапочке или об Илье Муромце. Например, сказка эстонского писателя Эдгара Вальтера о травяных кочках, которые однажды обернулись лесными человечками. Это первая книга известного иллюстратора, которого в Эстонии все детские писатели буквально на руках носили, такие он рисунки к их книжкам создавал! На родине Вальтера даже открыли парк отдыха, где можно побывать в мире поки.

Михаэль Энде «История, конца которой нет» / «Момо»

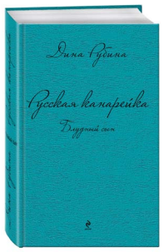
Раз уж заговорили о книгах, на которых росло поколение без Интернета и ЕГЭ, то у «Азбуки» есть отличный подарок для всех, кто ещё помнит завораживающий фильм «Бесконечная история». Снят он был по великолепной книжке немецкого писателя Михаэля Энде. Назвать эту книгу детской, то есть той, из которой быстро вырастаешь, язык не повернётся. Такие книги хочется перечитывать снова и снова, находя всё новые детали. Или ещё раз наслаждаться знакомыми моментами. Классические переводы лучших сказок Энде, а «Момо» даже украшают рисунки самого автора.

Георгий Данелия «Кот ушёл, а улыбка осталась»

Незаметно переходим к более взрослой литературе. «Я шагаю по Москве», «Мимино», «Афоня», «Осенний марафон», «Кин-дза-дза!». Это всё Данелия. И если его книги похожи на его фильмы, то улыбка останется очень надолго. Одна и та же книжка мемуаров (это уже второй том серии) – в двух вариантах оформления: и, как и на обложке, внутри никаких мрачных красок и сарказма – всё очень тепло, душевно, по-доброму. Данелия в свою жизнь и мысли не впускал ничего дурного, и в книгах своих помогает избавляться читателю от душевного сора. Чтобы осталось самое главное – улыбка.

Дина Рубина «Русская канарейка. Блудный сын»

Очередная отличная книга, но уже – в чём-то вмысел, в чём-то чистая правда. Дина Рубина последний раз даёт послушать, как поёт русская канарейка: эпопея подошла к финалу. Кенарь Желтухин и его потомки насвистят знакомую мелодию в третий раз. Всем, кто с весны до зимы в этом году жил с книгами Дины Рубиной, теперь можно собрать воедино всю длинную историю о любви, странствиях, памяти, надежде. Так о ком поёт кенарь? О каждом из нас.

Людмила Улицкая «Поэтка. Книга памяти: Наталья Горбаневская»

Снова – прекрасная писательница, снова – история о настоящих людях. О любви, памяти, сожалениях, тревогах и о счастье. Это не беллетристика, а биографическая книга – о поэтессе, переводчице, правозащитнице, диссидентке. Это Горбаневская пришла в 1968 году на демонстрацию против ввода советских войск в Чехословакию с коляской, в которой лежал грудной ребёнок. Это она же писала прозрачные, как весенний воздух, стихи, например, о том ангеле из Музея деревянной скульптуры в Перми, изображённом на обложке. И это о ней написала книгу Улицкая, которая, как известно, выбирает только то, чему вместе с ней будет сопереживать каждый читатель.

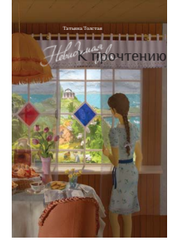

Виктор Пелевин «Синий фонарь»

Как долго этого ждали поклонники творчества Пелевина – собрания сочинений, чтобы все книги не просто в одной серии, но и с полного одобрения самого писателя. Ничего более не будем говорить о книгах, которые и так ждут весь последний год. На обложку первого тома выбрали работу Ивана Крюкова – одного из тех, кто победил в конкурсе на лучшее оформление книг Пелевина, объявленный в «Эксмо» накануне выхода собрания сочинений. Под обложкой – первый сборник рассказов тогда ещё мало кому известного Пелевина, однако сразу заслужившего «Малого Букера».

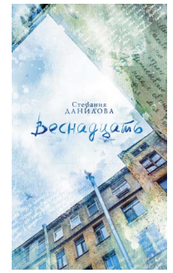
Татьяна Толстая «Невидимая дева»

Женский триумвират в рамках одного обзора собран: Рубина, Улицкая, теперь вот – Толстая. «Редакция Елены Шубиной» задалась целью издать собрание сочинений одной из наиболее интересных российских современных писательниц. Только вот пишет Татьяна Никитична – очень хорошо, но мало. И новые произведения появляются весьма нечасто. Однако же набралось их на пять, если не шесть томов, второй из которых уже доступен. Там почти всё – ранее издававшееся, но Толстая с Еленой Шубиной решили так: пусть в каждом томе будет один-два текста, которые ранее не печатались нигде. Так что сюрпризы ожидают. И какие же замечательные обложки – кукольно-рисованные! Это сынок постарался, Лебедев Тёма.

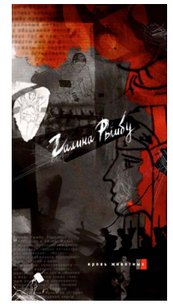

Стефания Данилова «Веснадцать» / Алина Витухновская «Чёрная икона русской литературы» / Галина Рымбу «Кровь животных»

В редакции «Времена» всерьёз взялись за новую русскую поэзию. Первые три нимфы – Стефания, Алина и Галина. Стефании только исполнилось 20 лет, Галине – 24, а Алису считала единственным настоящим поэтом единственная настоящая оппозиционерка Валерия Новодворская. Стефания из Петербурга, Галина родилась в Омске, живёт в Москве, Алиса – настоящая декадентка. Что их роднит? Что объединяет? Они умеют призывать в этот мир настоящую Поэзию, и самые волшебные слова покорно едят у них с рук.

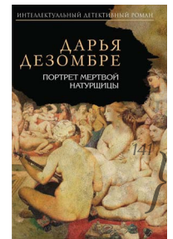

Дарья Дезомбре «Портрет мёртвой натурщицы»

Переходим к литературе пожёстче. Дебютный роман петербурженки, долгие годы живущей в Европе, оказался суровым даже по русским меркам. После тайны «Небесного Иерусалима» пришла пора разгадывать загадку «Портрета мёртвой натурщицы». Что общего между эскизами одного из главных полотен мэтра французского неоклассицизма

и удушенными простым бельевым шнуром женщинами, о чьей жизни можно сказать лишь одно: не удалась? Жан-Кристоф Гранже, Дэн Браун и Артуро Перес-Реверте никогда не соберутся вместе, чтобы обсудить свои дела, а вот Дарья Дезомбре взяла от каждого из этих авторов лучшее и придумала историю, от которой и мурашки бегают, и страшно интересно, и познавательно.

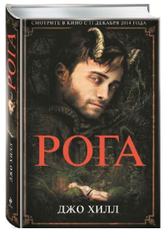
Гиллиан Флинн «Острые предметы» / «Тёмные тайны» / «Исчезнувшая»

Очередная попытка некогда боевого и задорного режиссёра Дэвида Финчера переложить на язык кино текст мирового бестселлера – на этот раз «Исчезнувшей» Гиллиан Флинн – это ещё не повод звать всех в кино. Но точно повод предложить приобрести все три завораживающе жутких романа американки Флинн в едином оформлении, под кинообложку. Пересказывать такие книги бессмысленно, потому что главное в её романах происходит сразу же, но затем вплоть до последней страницы, наливаясь холодным ужасом, читатель медленно осознаёт, почему это произошло.

Деннис Лихэйн «Общак»

Ещё одна кинопремьера, но в этот раз – куда более многообещающая. Том Харди, Нуми Рапас и – последний раз на экране – Джеймс Гандольфини. Автор сценария и автор оригинального текста – Деннис Лихэйн. Тот самый, благодаря кому заиграл всеми красками персонаж Наки Томпсона в «Подпольной империи», а Клинт Иствуд и Мартин Скорсезе сумели снять ещё парочку гениальных фильмов. Как считает сам автор: «Думаю, что воображение намного важнее, чем знание и опыт. Стивен Крейн, написавший “Алый знак доблести” о Гражданской войне в Америке, никогда не воевал. Чтобы писать о бандитах или чём-то подобном – я убеждён в этом – не обязательно лично знать бандитов. Нужно начинать с человека – это главное». Если ранее не читали Лихэйна, можете начать с «Общака».

Джо Хилл «Рога»

Очередная кинопремьера и – самая жёсткая и жестокая книга обзора. Сын Стивена Кинга написал, пожалуй, шокирующий даже привыкших к насилию физическому и ментальному американцев. Герой просыпается утром после загула. Он помнит, что пил потому, что убили его девушку. Но не помнит, почему и откуда на его голове прорезались самые настоящие рога. Рога растут, а вместе с ними растёт и ненависть героя ко всем людям. Он научился читать их мысли. И теперь даже самые близкие люди превратились в ужасных монстров. На фоне этого правда о смерти его девушки героя оставит едва ли не равнодушным. Но книга эта равнодушным не оставит никого. Чего пока не будем говорить о кинопремьере с подросшим Гарри Поттером в главной роли.

Мэтью Мэзер «Кибершторм»

Мы давно переболели «Матрицей». Нас уже и «Трансформеры» не радуют. Но это потому, что мы не задумываемся о реальной угрозе. В «Крепком орешке 4.0» нам показали только самую верхушку айсберга, но мы испугались: если у кого-нибудь хватит духу отключить через свой компьютер всё, что питает и движет современную цивилизацию, нам всем реально крышка. И если это произойдёт, успеет ли Брюс Уиллис всех спасти? Мэтью Мэзер, специалист по кибербезопасности, рисует страшную картину мира, в которой реальность и виртуальность рухнули в один момент. На Нью-Йорк упала снежная буря, и «снег» помех накрыл Интернет. И это – лишь начало.

«Древний Марс» (антология под редакцией Джорджа Р. Р. Мартина)

Теперь всё, чего касается рука Джорджа Мартина, превращается в золото. Или обретает невероятную активность. Даже мёртвый Марс, оказывается, скрывает под песками и в глубине каньонов бурную жизнь. В этом сборнике из 15 рассказов – возрождается Золотая Эра научной фантастики, эра повествований об инопланетных колонизациях и безрассудной храбрости. И вот уже на красном Марсе ведутся войны и гибнут великие цивилизации, а холодные лучи бластеров заставляют кипеть горячую кровь героев.

Жан-Мишель Генассия «Удивительная жизнь Эрнесто Че»

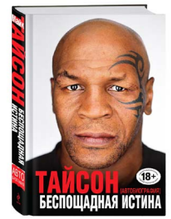
Неизвестный русскому читателю французский автор у себя на родине уже заслужил Гонкуровскую премию. Главный герой романа, врач по имени Йозеф, на протяжении без малого века, борется с чумой – чёрной чумой, косящей крестьян в Алжире, коричневой чумой фашизма, а после войны – с красной чумой советского строя, пришедшего в Чехословакию. Посвящается всем, кто уверен, что насилием в современном мире возможно разрешить конфликт, особенно если в него две стороны втягивает третья сторона.

Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг «Машина различий»

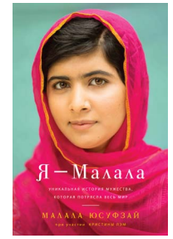
Настоящая фантастика во всех смыслах. Два отца киберпанка, жанра литературы, который день ото дня из фантастики понемногу переходит в состояние гиперреализма, написали роман об альтернативной истории Британии со всеми присущими стимпанку деталями. В 1831 году в Англии победила антифеодальная революция, а в 1855 году промышленные радикалы совершили индустриальный переворот, главную роль в котором сыграла Машина различий Чарльза Бэббиджа, суперкомпьютер на перфокартах. С его помощью британцы возвращают себе мировое господство, не замечая, как машина превращается во Всевидящее Око и начинает жить своей жизнью, переносит себя в будущее, где создаёт свою версию Лондона XX века. Очень современный роман о доверии технологиям, хоть и написан в ликующем от машин 1990 году.

«Тайсон. Беспощадная истина» (автобиография, при участии Ларри Слоумена)

Новостные порталы России захлебнулись хохотом, перепечатывая друг у друга информацию о том, что Майка Тайсона якобы принимают в Союз писателей России. Верить ли этой новости – дело для каждого личное, но точно стоит верить от первого до последнего слова тому, что написано в автобиографии боксёра, уложившего весь мир в нокаут. «Эта книга посвящена всем отверженным. Всем, кто когда-либо был увлечён и обманут, поражён в правах и обездолен, усмирён и сломлен, укрощён и оклеветан. И всем тем, кто неспособен воспринять любовь». Это из эпиграфа. И одна очень славная цитата из самой книги: «Меня чествовали по всей Чечне как исламского героя. Какой там герой – я был просто обдолбанным кокаинистом!»

Малала Юсуфзай «Я – Малала» (при участии Кристины Лэм)

Совсем другая автобиография. Хотя, разница не столь велика. Две номинации на Нобелевскую премию мира (видимо, не могла соперничать с Бараком Обамой). Девочка-героиня для всей Америки, Британии, Европы. Все члены ООН стоя и аплодисментами встречали и провожали Малалу, когда она выступала там с речью. Лауреат премии имени Анны Политковской и премии имени Сахарова. Кто эта девушка? Малала Юсуфзай бросила вызов мировому терроризму, обычная пакистанская школьница не побоялась противостоять движению Талибан, за что была приговорена к смерти. Была тяжело ранена боевиками, но не сдалась: она не хочет жить в мире, где религией прикрывают ненависть, где женщин не считают людьми. Безумство храбрых?..

Элиф Шафак «Честь»

Другая история о людях, чьи любовь, честь, надежды и мечты находятся в тисках многовековых традиций, с которыми не только счастливую жизнь зачастую не построишь,

но вовсе жить невозможно. Как писательница, Шафак в основном тяготеет к женской прозе, но куда больше обычных сердечных страстей обещает история сестёр-близняшек из захолустной курдской деревни на границе Турции и Сирии, седьмой и восьмой дочерей в семье, что является частью общества, считающего, что женский удел – жить, не поднимая глаз от пола. Как в первых строках романа: «*Когда мне было семь лет, мы жили в маленьком зелёном домике. Один из наших соседей, отличный портной, часто бил жену. По вечерам до нас доносились крики, визг и проклятия. Утром мы приступали к своим обычным делам. Все делали вид, что накануне ничего не слышали, ничего не видели.*

Эта книга посвящена тем, кто слышит и видит».

Орхан Памук «Имя мне – Красный»

Всем, кто видит и понимает, представляем переиздание одного из самых ярких романов лауреата Нобелевской премии по литературе и автора прекрасного путеводителя по Стамбулу. Пересказывать сюжет не будем: кто в курсе – тому это не надо, кто не в тренде, всё равно предпочтёт другие книги. Можно лишь процитировать одного из читателей: «Очень яркий роман. Даже с учётом того, что Памук неторопливый писатель, склонный полстраницы перечислять, что было нарисовано на картинках в одной книге или какие ткани были в узле у торговки. Этот текст какой-то неожиданно живой и агрессивный, как в плане сюжета, так и ритма повествования. В нём много секса, убийств и насилия, много банального страха за героев, причём, Памук так ловко поворачивает текст, что начинаешь бояться за всех участников конфликта – как бы они друг друга не...» От «Амфоры» эстафета по выпуску книг Памука переходит к «Азбуке».

В. Виджани «Мечт@»

Подзаголовок у этой книги – «Роман о нереальной любви». О чём она на самом деле? «Собачка» вместо буквы «а» намекает на то, что это повествование о людях, живущих в Сети и спасающихся там же, как герои романа Вишневского, от одиночества. Примерно так и есть. На одном из сайтов в Интернете висит такая вот рецензия: «*Книга, которую должна прочитать каждая девушка, которая начала активно зависать в виртуале. Мужчинам читать строго воспрещается. Особенно тем, кто клеит нас под десятком ников, с авами супергероев и фотомоделей. Здесь раскрываются все ваши гнусные приёмчики и подходцы. Женщинам, замотанным реалом, тоже читать не рекомендуется – они не поймут и половины ситуаций, им покажется всё это надуманным и безумным. Может быть. Но если ты с волнением сердца ждала, когда придёт ответ на комментарий, если обновляла ленту в ожидании любого его поста, волнуясь и переживая из-за долгого молчания, если готова была сорваться куда угодно и в любое время, узнав, что встреча в реале, пусть недолгая, но возможна, – тогда ты почувствуешь внутренний отклик, читая эту книгу*».

Герман Кох «Спаси нас, Мария Монтанелли»

«Ужин», «Летний домик с бассейном» и «Размышляя о Брюсе Кеннеди». Если вы читали хотя бы одну из этих книг голландца Коха, то ваш мир уже перестал быть прежним. Простой слог, обыденные истории, привычная изнанка жизни, но как-то всё это оставляет след, наваливается огромной и влажной массой впечатлений. «Я не способен сочинить книгу, вовсе лишенную элементов юмора. Не то чтобы я был таким уж записным юмористом, который вечно хохмит, но я очень внимательно прислушиваюсь к моим героям, к тому, как они говорят», – признаётся Кох. Мы же не верим, что он способен написать что-нибудь глупое и пустое. Поэтому от впервые изданного на русском дебютного романа ожидаем, как от книг Дэвида Митчелла, о чём бы тот не писал, совершенного погружения – в среду, в язык, в ситуацию. А ситуация и в этот раз непростая: подростка, чем-то

похожего на главного героя единственного романа Сэлинджера, обвиняют в гибели умственного отсталого соученика, за что и отчисляют из гуманитарного и в высшей степени либерального лицея.

Юн Айвиде Линдквист «Звёздочка»

Прекрасная обложка (хотя, может ли «Азбука» делать плохие обложки?). Завораживающая история от шведского Стивена Кинга. Дебютный роман Линдквиста «Впусти меня» оставил далеко за бортом в тёмных водах истории все когда-либо придуманные истории о вампирах, включая «Дракулу» и «Интервью с вампиром». Каждый новый роман автора вызывал всё больший ажиотаж. Стоит ли говорить, что четвёртый роман, «Звёздочку», в мире ждали с особым нетерпением. И вот – рок-идол в отставке находит на дороге пакет, а в нём – почти неживого младенца. Откачав девочку и услышав, как она плачет, он решил оставить её себе. Ведь у музыканта был совершенный слух, и он услышал, что малышка не плачет, а выпевает идеальную ноту ми. В голове созрел план: изолировать её в подвале и сделать из ребёнка идеальный инструмент. Но в таких «идеальных» планах обычно не учитывается человеческий фактор. Девочка выросла со странностями...

Сара Джио «Ежевичная зима»

После таких будоражащих и леденящих кровь романов хочется отвлечься на что-то тёплое, уютное, доброе, на историю, которая возьмёт в свои тёплые лапы и унесёт, качая тебя, как лодочку на волнах. Репортёр Клэр Олдридж пишет очерк о парализовавшем город первомайском снежном буране. В процессе работы она выясняет, что такая же природная аномалия уже была в этих краях восемьдесят лет назад, в 1933 году. Во время того ненастья без вести пропал маленький мальчик. Клэр берётся за расследование и... Неожиданно выясняется, что судьбы Веры Рэй, мамы пропавшего мальчика, и Клэр Олдридж переплетены самым тесным образом. Это начало истории – обычной, возможно, чуть наивной, но очень тёплой, несмотря на снег в мае и исчезновение ребёнка. А чтобы читать эту книгу без спешки и всегда знать, где остановился, она сделана в виде блокнота с лентой-закладкой. Да, автора книги, Сару Джио, американцы назвали литературным открытием 2014 года. Это может означать что угодно.

Эдмунд де Вааль «Заяц с янтарными глазами»

Эту книгу все, кто работает в издательстве Corpus, включая главного редактора Варвару Горностаеву, называют лучшим, что попадало им в руки и что им повезло издать. История коллекции нэцкэ – фигурок, среди которых выделяется белый заяц с янтарными глазами. И если пойти за этим зайцем, то можно совершить головокружительное путешествие из Японии во Францию XIX столетия, царскую Одессу, Париж импрессионистов, захваченную нацистами Вену, послевоенный Токио, в котором хозяйничают американцы. И дальше сквозь время, пока нэцкэ через прикосновения рук множества людей не вернутся в дом, с которого для них всё начиналось. Эдмунд де Вааль не профессиональный писатель, он художник-керамист, поэтому его книга – это не просто биография его семьи, рассказ о нескольких поколениях предков, а книга-ощущение, книга, в которой текст настолько тактилен, что можно подержать его в руках, ощутить истинный вес каждого слова, взглянуть в янтарные глаза живой истории, которая всегда многократно увлекательнее любого вымысла.

Эрик-Эммануэль Шмитт «Попугаи с площади Ареццо» / «Как я был произведением искусства»

Логичное и весьма изящное завершение обзора и всего номера журнала – о творчестве, театре, человеческом таланте и стремлении оставить след в истории. Первые слова со сцены произнёс Эрик-Эммануэль Шмитт, ему же доверим и выйти с финальным поклоном, прежде чем опустится занавес. «Азбука»

выпускает в изящной и вызывающей чистое эстетическое наслаждение форматом и оформлением серии все главные и новые произведения Шмитта. «Попугаи с площади Ареццо» – роман для русского читателя новый. На родине писателя он вышел в прошлом году, теперь добрался и до России. По словам самого Шмитта, это не эротический роман, но эротика занимает в нём особое место. Книгу можно назвать энциклопедией чувственной любви. Но не всё так просто. И уж точно не стоит воспринимать буквально название «Как я был произведением искусства». Эта книга не новая, но идеально подходит для завершающего аккорда, поскольку речь в ней – об опасной задумке знаменитого авангардиста Зевса-Питера Лама, называющего себя «величайшим художником и скульптором наших дней». Он создаёт скульптуру из живого человека, лишив его свободы и всех человеческих прав. Как назвать художника, который так легко распоряжается судьбой живого человека? Творец ли он или просто безнравственный манипулятор? И как относиться художнику к своему произведению искусства, если у того есть собственный голос и представления о самом себе?

Мы же уверены, что представления о самом себе изменятся к лучшему у каждого, кто выберет себе одну или несколько книг по нашей рекомендации. Если не станете произведениями искусства, жить станет легче и приятнее точно. Хорошая история всегда даёт надежду на продолжение. Раз так – рано говорить о том, что всё кончено.

Был один на один с произведениями искусства
Александр Правилов

МИХАЙЛОВСКИЙ
ТЕАТР

Джакомо Пуччини
БОГЕМА
опера в 4-х действиях

РЕЖИССЁР-ПОСТАНОВЩИК, ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК, ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ: **АРНО БЕРНАР** | ХУДОЖНИК ПО КОСТЮМАМ: **КАРЛА РИКОТТИ** | ГЛАВНЫЙ ХОРМЕЙСТЕР: **ВЛАДИМИР СТОЛПОВСКИХ**

28 ДЕКАБРЯ | 19.00 | ДИРИЖЁР: **ПАВЕЛ КЛИНИЧЕВ**

МУЗЫКАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЁР ТЕАТРА: **МИХАИЛ ТАТАРНИКОВ**

WWW.MIKHAILOVSKY.RU
ПЛ. ИСКУССТВ,1

билеты продаются на сайте михайловского театра **www.mikhailovsky.ru** ,
в кассе театра: +7 (812) 595 43 05, в театральных кассах города, а также НА САЙТАХ:
www.bileter.ru , тел.: +7 (812) 380 80 50 И **www.ALLOSHOW.RU** , тел.: +7 (812) 335 75 75

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЁР Оперы — ИСТ Группа компаний
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЁР БАЛЕТА — С.Н. Адоньев

182-й сезон | 2014 год

Mercedes-Benz · Deloitte. Официальный налоговый консультант · РОССИЯ 1 Санкт-Петербург · РАДИО РОССИИ · AN-SECURITY · СОГАЗ Страховая группа · ЛенСпецСтрой

ПРОСМОТР РЕКОМЕНДОВАН: 12+

Все книги на
bookvoed.ru

ПОИНТЕР
Журнал о книгах и культуре